АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д.И. ГУЛИА

МОЛЧАЛИВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

АбИГИ
Сухум, 2024

УДК - 82-94
ББК - 63.3(5 Абх)6-8
В 64

Издание рекомендовано Ученым советом Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И.Гулиа

Научный редактор:
докт. ист. наук, проф. Авидзба А. Ф.

Автор-составитель:
канд. ист. наук Возба С. З.

МОЛЧАЛИВОЕ ПОКОЛЕНИЕ / Авт. -сост. С. З. Возба.
Сухум, 2024 г. – 200 ст.+ илл.

«Молчаливое поколение» – сборник свидетельств детей и внуков репрессированных в период с 1937 по 1956 год, основанный на устных рассказах и воспоминаниях (22 сыновей и дочерей репрессированных и 9 внуков). Интервью, как правило, собраны и переведены на бумагу в 2019 – 2021 гг. Они позволяют читателю почувствовать ужасы пережитого репрессированными и их близкими. Настоящее издание – подлинная история людей, столкнувшихся с жестокостью государственной машины и посвящается памяти жертв политических репрессий.

Книга адресована исследователям, занимающимся историей, как классической, так и устной, а также широкому кругу читателей.

Книга издана при финансовой поддержке
Благотворительного фонда
«АБХАЗСКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД РАЗВИТИЯ "АМШРА"»

© АбИГИ, 2024
© Возба С. З., 2024

Формат 60х90 1/16. Физ. печ. л. 12,5. + 1 илл. Тираж 500. Заказ № 2.
Республика Абхазия, РУП «Дом печати», г. Сухум, ул. Эшба, 168.

ОТ РЕДАКТОРА

«Наказание без вины не бывает», – гласит расхожее, казалось бы, продиктованное историческим опытом, а значит, верное выражение. Но история, в том числе и наша недавняя, опровергает данный вроде бы проверенный временем тезис. Напротив, в наш обиход вот уже без малого 70 лет входит другое выражение – «Харада ахара здыу» («Без вины виноватые»), появление которого связано с периодом массовых репрессий в СССР, которые начались в 1934 г. Тогда были созданы Особые внесудебные органы: Особое совещание из двух-трех человек («двойки», «тройки»), введен «упрощенный порядок» рассмотрения дел «врагов народа».

Исследователи относят к жертвам сталинских репрессий, осужденных по статье 58 УК РСФСР (в редакции 1926 г.). Статья 58-я являлась первой главой «Особенной части» УК РСФСР, которая называлась «Преступления государственные. Контрреволюционные преступления». Согласно пункту 1 статьи 58, «Контрреволюционным признавалось всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов, внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции».

В 1934 –1936 гг. по стране Советов прокатилась первая волна репрессий. Она была направлена против старой партийной гвардии – оппонентов Сталина. По мнению исследователей, поводом к началу массовых репрессий послужило убийство С. М. Кирова (1 декабря 1934 г.). Однако, как представляется, если даже не началом массовых репрессий, то, по крайней мере, подготовкой к ним следует считать дату 8 июня 1934 г., когда постановлением ЦИК СССР были введены в действие ст.ст. 58-1а – 58-1г

Уголовного Кодекса. Согласно ст. 58-1а, «Измена Родине, шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу караются высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией всего имущества». Жестоко каралось также так называемое отсутствие бдительности, т.е. не доносительство на «врагов народа», которых вдруг стало полстраны.

Всего с 1937 по 1941 гг. в Абхазии было расстреляно до 3 тыс. человек. Подавляющее большинство из них было осуждено именно по статье 58 УК РСФСР (в редакции 1926 г.). При этом репрессии в Абхазии проводились по национальному признаку. Основная доля расстрелянных и осужденных на различные сроки заключения и ссылок падает на период Большого террора – понятие, которое используется в современной историографии для характеристики наиболее масштабных политических репрессий, проводившихся внесудебными органами в СССР в 1937–1938 гг. Большой террор в Абхазии был частью сталинской репрессивной политики против абхазского народа, которая, в свою очередь, представляет собой комплекс репрессивных мер, направленных не только против отдельных политических личностей, но и на искоренение государственности, ее институтов и самого абхазского народа.

Началом массовых репрессий в Абхазии является 28 декабря 1936 г., когда руководитель Абхазии Н.А. Лакоба был отравлен в Тбилиси в доме Л. Берия. По делу «О контрреволюционной, диверсионно-вредительской, террористическо-повстанческой шпионской организации в Абхазии» в Сухуме 30.10.1937 – 2.11.1937 проходил открытый судебный процесс, по которому проходили «13 лакобовцев»: М. Чалмаз, М. Лакоба, К. Инал-ипа, Д. Джергения, В. Лакоба, В. Ладария, А. Энгелов, С. Туркия, П. Сейсян, С. Кишмария, С. Эбжноу, Х. Чанба, К. Ахуба. Десять из них были приговорены к расстрелу.

С 29 января 2007 г. в Абхазии, 30 октября, в день открытия процесса по делу «О контрреволюционной, диверсионно-вредительской, террористическо-повстанческой шпионской организации в Абхазии», отмечается День памяти жертв политических репрессий.

В годы Большого террора НКВД Абхазии сфабриковало и другие дела: «Об антисоветской националистической организации в Абхазии», «Дашнакская к-р. организация», «Параллельный центр Абхазии», «Вредительская организация в Госбанке», «Террористическая организация в органах суда и прокуратуры», «Контрреволюционная организация в системе Наркомпроса», «Диверсионная организация в типографии газеты «Советская Абхазия» и «Шпионская организация в Сухумском порту».

В ходе Большого террора в Абхазии были уничтожены как государственные и партийные лидеры Абхазии, так и практически вся только что народившаяся интеллигенция. Массовым репрессиям подверглось крестьянство.

30 апреля 2010 г. Парламент Абхазии принял Закон «О реабилитации жертв политических репрессий», целью которого является реабилитация всех жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории Абхазии с 19 февраля 1931 г., восстановление их в гражданских правах. Реабилитации подлежат лица, осужденные за государственные и иные преступления; те, кто подвергся уголовным репрессиям по решениям органов ВЧК, ГПУ-ОГПУ, УНКВД-НКВД, МГБ, МВД, прокуратуры и их коллегий, комиссий, «особых совещаний», «двоек», «троек» и иных органов, осуществлявших судебные органы; подвергшиеся ссылке, высылке, направлению на спецпоселение, привлеченные к принудительному труду в условиях ограничения свободы, в т.ч. в «рабочих колоннах НКВД» и иным ограничениям прав и свобод.

Большой террор в Абхазии проводился в рамках политики насильственной ассимиляции абхазов в грузинской этнокультурной среде. Вслед за периодом Большого террора последовала вторая волна репрессий (Гудаутское дело). Этому мрачному периоду в истории абхазского народа посвящена рассматриваемая работа к.и.н. С. Возба, которую она назвала «Молчаливое поколение» в соответствии с теорией поколений американских

ученых Н. Хоува и У. Штрауса. Действительно, «молчаливое поколение», в силу специфичности своей исторической судьбы, трудно понимаемой и представляемой последующими за ними поколениями, жило по принципу «не навреди». Его представители могли довольствоваться малым – возможностью жить и работать, иметь кров и хлеб, даже те из них, кто оказывался на вышестоящих должностях исходили из «генеральной линии», не допуская малейшей мысли о том, что она может быть ошибочной.

Работа С. Возба состоит из двух главных частей и двух приложений. В части 1 размещены воспоминания и интервью 22 сыновей и дочерей репрессированных; в части 2 – интервью и воспоминания 9 внуков репрессированных, а в приложениях – газетные публикации и материалы Д. Ахба о тех временах. Интервью, как правило, собраны и переведены на бумагу в 2019 – 2021 гг. Считаю возможным особо отметить сопереживание и сопричастность автора-составителя к судьбам людей, которых история, согласно своей, порой жестокой прихоти, превратила в представителей «молчаливого поколения».

Работа выполнена с использованием методики устной истории, что в данном случае, на мой взгляд, безусловно, оправдано. Надо иметь в виду и то, что архивные, зачастую очень скудные строки, относящиеся к рассматриваемой эпохе, никогда не передают эмоций и переживаний, обрушившихся на целое поколение, в данном случае – поколение детей, лишенных детства, его вкуса беззаботности, безмятежности, жизнерадостности. В силу этого методика, используемая в рассматриваемой работе, позволяет раскрыть не всегда заметные, но судьбоносные грани человеческих судеб. Представители французской исторической школы «Анналов» считали главным объектом исследований – повседневность. Порой очень важное, а нередко и определяющее страницы человеческой деятельности остаются за пределами документированной истории, особенно когда речь идет о событиях, уже во время свершения которых создавались условия для того, чтобы у потомков было неверное представление о них; плюс к этому затем эти самые события долгое время оставались под грифом совершенной секретности даже для исследователей. К таковым, безусловно, относятся и события, о которых повествуется на страницах рассматриваемой работы, устами детей и внуков репрессированных – «виноватых без вины».

Стоит отметить, что С. Возба прибегает к методу устной истории не первый раз. В 2020 г. с использованием названного метода ею была подготовлена и издана книга интервью и воспоминаний детей войны под красноречивым названием «55 судеб». Рассматриваемая работа с не менее красноречивым названием «Молчаливое поколение» также будет служить восполнению источниковой базы по изучению сложной со многих точек зрения темы. Следовательно, публикация работы в известной степени будет способствовать к приближению понимания духа и дыхания эпохи Большого террора в Абхазии, что, в свою очередь, является вкладом в изучение истории Абхазии означенного периода.

Аслан Авидзба,
доктор исторических наук

ВВЕДЕНИЕ

В настоящий сборник вошли свидетельства очевидцев, детей, внуков жителей Абхазии, репрессированных в 30–40-е годы XX века. Он состоит из двух частей. В первой части собраны воспоминания детей репрессированных, многие из которых были сами депортированы, вторая часть состоит из воспоминаний внуков репрессированных. Подобный принцип организации текстов позволяет повествованию, общей истории, двигаться поступательно: с начала и до конца XX века. *По сборнику легко проследить, как исторические периоды, сменяя друг друга, влекут за собой изменение лексики, строя речи рассказчиков. Материалы сборника принципиально отличаются от других книг подобного жанра. Написание некоторых слов в сборнике вне норм современной орфографии, но в соответствии со звучанием в диалекте.* Начиная работу над сборником, мы планировали собрать информацию о том, что пережили дети и сами репрессированные. Мы старались подтолкнуть респондентов на рассказ, задавая разного рода вопросы. Для большинства рассказчиков наиболее естественной формой оставалась беседа. Исходя из этого, представленные рассказы – это прежде всего диалоги.

Замысел сборника «Молчаливое поколение» оправдал себя: мы увидели народную – без официальной выправки – историю нашей страны. Каждый рассказ – это полноценная история жизни человека в тот исторический период, о котором он повествует. История в устных рассказах оживляет прошлую жизнь, ломая стереотипы. *Мы постарались свести к минимуму вмешательства в текст, полностью сохранив особенности речи информантов, отказавшись от корректуры синтаксиса и орфографии разговорной речи. Сокращению подвергались повторяющиеся вопросы и те отрывки интервью, где рассказчик отвлекается на посторонние темы.*

Годы сталинских репрессий известны в истории под названием «Большой террор». История массовых репрессий в СССР берет свое начало еще в 1927 году и продолжился вплоть до 1953 года – времени, когда не стало Иосифа Виссарионовича Сталина. Впрочем, в историографии существуют различные мнения о дате возникновения массовых репрессий. Иногда за точку отсчета берется 1917 год. Это начало национализации промышленности. В это время в СССР шла Гражданская война, отличительной чертой которой был красный и белый террор, затем это 1920 –1930 годы, когда происходили национализация частной собственности и раскулачивание зажиточных крестьян. Считается, что новый этап политических репрессий начался в 1934 году, когда был убит советский политический деятель Сергей Киров. С этого периода ужесточились репрессии в Москве и Ленинграде. В дальнейшем были введены изменения в Уголовный кодекс СССР, согласно которым все дела по политическим заключенным рассматривались в течение десяти дней без адвокатов, прокуроров.

Апогеем массовых репрессий считаются 1937–1938 годы. Толчком к ним стало выступление Сталина 3 марта 1937 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) с докладом о «недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников».[1] В этом докладе он призывал к уничтожению «врагов советского народа». Арестовывали «троцкистов», «зиновьевцев», «правых», то есть всех тех, кого считали врагами народа. Важным документом в период политических репрессий стал Приказ от 30 июля 1937 г. № 00447 НКВД «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов».

Репрессиям подлежали следующие лица: бывшие кулаки, представители церкви, участники антисоветских действий, антисоветские политические деятели, белогвардейцы, люди с судимостью. Кроме того, согласно приказу НКВД, всех людей, которые относились к этой категории, необходимо было разделить на два лагеря:

[1] История политических репрессий.URL: https://spravochnick.ru/politologiya/istoriya_politicheskih_repressiy/ (дата обращения: 29.11.2020 г.)

• враждебные элементы, то есть любой человек, которого называли враждебным элементом, приговаривался к расстрелу;

• неактивные элементы (тех, кого не приговорили к расстрелу, отправляли в лагеря или тюрьмы на срок от 8 до 10 лет).[1]

Следующим этапом репрессий считается период Второй мировой войны (1939 – 1944 годы). В основном в эти годы без суда и следствия могли обвинить в «контрреволюционной деятельности». Даже те военнослужащие, которым удалось бежать из плена, подвергались проверке в специальных фильтрационных лагерях.[2] Многие из них обвинялись в «измене» Родине. За этим следовал либо расстрел, либо срок в лагерях Главного управления лагерей (ГУЛАГ).

И следующий этап политических репрессий связан с 1946 – 1953 годами. С 1946 по 1948 годы аресту подвергались лица, относившиеся к высшим военным чинам. Только за 1952 год ссылке подверглось 35 генералов.[3]

Репрессии при Сталине – это часть жизни советского общества, ведь репрессиям подвергались абсолютно все – как крестьяне, так и интеллигенция, даже сами сотрудники НКВД порой за то, что слишком много знали.

Период репрессий особой тяжестью лег на плечи детей репрессированных. Еще в 1991 г. американскими учеными Нейлом Хоувом и Уильямом Штраусом миру была представлена «Теория поколений». Хотя теория поколений основана на изучении англо-американской истории, она стала применяться во многих странах мира. В России данная теория была адаптирована через проект «RuGenerations» Евгенией Шамис и Евгением Никоновым. В ее рамках производится классификация поколений, т. е. каждому из них присваивается название и определяется его специфический архетип. Согласно этой теории, поколение, родившееся в период 1923–1943 гг., является «Молчаливым поколением», на становление которого особое влияние оказали Великая депрессия, Вторая мировая война, репрессии, голод 20 – 30 -х годов, строгая цензура, доносы и др. Ценности этого поколения формировались до 1953 г. В СССР «молчаливое поколение» формировалось в эпоху коллективизации, первых пятилеток, «Большого террора» 1937–1938 гг., «Московских процессов»[1]. Это поколение получило название «молчаливого» потому, что вынуждено было не доверять никому, жить в системе строжайшей цензуры и доносов. Один необдуманный шаг мог привести к ссылке либо к расстрелу. Главной ценностью для него всегда были закон, порядок, уважение к статусу и т.д. «Молчаливое поколение» можно охарактеризовать как поколение, имеющее большой опыт выживания. Долгое время проблема репрессий в отношении несовершеннолетних детей и членов семей «врагов народа» не обсуждалась в советском обществе, и многие жертвы трагедии не хотели рассказывать о своей жизни даже родным, но культивируемая советским режимом идеология так называемого «счастливого детства» наложила определенный отпечаток на постсоветское общество. Голодное детство также наложило свой отпечаток на мировоззрение «молчаливого поколения». Его представителям была характерна экономность, запасливость.

Ярким тому свидетельством являются воспоминания внучки репрессированной Ладария Тамары: «…У нее **(бабушка. – С.В.)** на всю жизнь осталась черта что-то прятать на черный день. А вдруг голод наступит, а вдруг эти времена вновь вернутся. Я помню, когда она умерла, у нее столько было кофе спрятано… Она все по углам прятала. Она могла хлебушек под подушку положить и спрятать там».

Отметим, что волна сталинских репрессий особой тяжестью легла на малочисленные народы, оказавшиеся на грани этниче-

[1] Репрессии в СССР: социально-политический смысл//.URL: https://istoriarusi.ru/cccp/repressii-v-sssr-kratko.html (дата обращения: 29.11.2020 г.)

[2] Проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ) – группа исправительно-трудовых учреждений, которые появились в годы ВОВ (1941 – 1945 гг.).

[3] История политических репрессий. URL: https://spravochnick.ru/politologiya/istoriya_politicheskih_repressiy/ (дата обращения: 29.11.2020 г.)

[1] Попов Н.П. Российские и американские поколения XX века: откуда пришли миллениалы? URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-i-amerikanskie-pokoleniya-xx-veka-otkuda-prishli-millenialy/viewer (дата обращения: 8.08.2022).

ской катастрофы. Репрессии не обошли стороной и Абхазию. Сегодня в Абхазии проживают потомки репрессированных. Однако трудность данного исследования заключается в ограниченности источников, ведь тех, кто действительно помнит об этом периоде, становится все меньше и меньше. Многие из них были маленькими тогда (от нескольких месяцев до 2 –15 лет), большинство респондентов не видело отцов, в семьях говорить о репрессированных родных боялись и скрывали от детей правду.

В сталинские годы появилось такое понятие, как «лакобовщина». Лишь только за то, что ты был связан с семьей Н.А. Лакоба, тебя могли уничтожить. Отправной точкой репрессий для абхазского народа считается дата смерти его партийного лидера, председателя Центрального Исполнительного Комитета Абхазской АССР Нестора Аполлоновича Лакоба – 28 декабря 1936 года. Он был похоронен с почестями, но вскоре объявлен врагом народа. Тогда и наступил полнейший беспредел в стране. Аресты начались с членов Абхазского правительства (ЦИК), были уничтожены практически вся интеллигенция, видные государственные и общественные деятели, крестьяне. Уничтожение происходило на всех уровнях, то есть репрессии коснулись не только людей, но и абхазского языка, школы, алфавита, истории, культуры, топонимики страны.

Из воспоминаний Владимира Авидзба: «Когда мы пошли во второй класс, старых учителей не было. Новых мы не понимали. Уже во втором классе школу перевели на грузинский язык. Это был 1945 год».

По данным абхазского историка Баджгура Сагария, в период с июля 1937 года по октябрь 1938 года в Абхазии было арестовано 2186 человек, из них расстреляли как «врагов народа» 794 человека[1]. А всего с 1937 по 1941 гг. – около 3 тысяч человек.[2] Конечно, было уничтожено больше, чем упомянуто в списках репрессированных. В 1941 году в Очамчире было сфабриковано «школьное дело» №7616. В обвинении указывалось, что будто

[1] Сагария Б. О трагических страницах в истории Абхазии. Сухум., 1995. С.3

[2] Там же. С.10

бы в Очамчирском районе в 1941 году, после начала ВОВ, была создана незаконная молодежная национал-социалистическая организация, которая вела работу против советского строя, призывала к саботажу, уклонению от явки в военкоматы по мобилизации.[1] Безжалостностные репрессии обрушились и на детей. В июле 1941 года были расстреляны дети бывших руководителей Абхазии: Кока Инал-ипа, Рауф, Николай и Тенгиз Лакоба. Им не было 18 лет.

Данная тема долгое время оставалась закрытой, значительное количество архивных материалов, связанных с историей и культурой абхазского народа, было сожжено во время грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. И лишь через устные воспоминания людей становилось известно о страшных злодеяниях, совершаемых государственной машиной по отношению к репрессированным. С целью найти истину начали проводиться глубинные интервью у первого, второго и третьего поколений, то есть у самих репрессированных, их детях и внуках. Вопросы, которые задавались респондентам, касались репрессий и их влияния на семьи. Респонденты основывались на своей памяти, воспоминаниях своих предков. Конечно, очень много схожих черт наблюдается между жертвами репрессий. Они отделялись от семей через аресты, ссылки, расстрелы. Все респонденты рассказывают о том, как было опасно устанавливать либо поддерживать связь, если, конечно, такая возможность появлялась со своими родными репрессированными.

Из воспоминаний сына репрессированного Джансуха Губаз: «Помогал здорово нам дядя, мамин брат Тарба Киби. Вот они что делали. Мы же здесь были (Сухум. – **Авт.**). Он ночью приезжал, привозил муку, лобио, что-то еще такое в мешке… Он оставлял в подвале, потом уезжал. Он к нам не поднимался. Боялись. Такое было страшное время».

Приходили и без каких-либо объяснений забирали людей. Конечно, бесполезные задавались вопросы: «За что?». И ответа на данный вопрос не получали. Анзор Мукба об отце вспоми-

[1] Пачулия В.М. Абхазия в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Сухум, 2015. С. 11

нает: «Я помню, когда его забирали. Это было весной, в апреле. Это был 1949 год… Помню, день был хороший. На двух машинах приехали, были гражданские, были в форме люди… Мы не поймем, почему папу забирают. Со многими родными так поступили. В войну Отечественную многих так потеряли. Вечером, сказали, привезем. Вечером – нет, на следующий день – нет». Такие были страшные времена, когда могли забрать без каких-либо объяснений.

В психологии есть термин – «уровень толерантности», который означает степень сопротивляемости стрессу. Конечно, хотелось бы отметить, что авторитет Сталина для его поколения был большим. Из воспоминаний тогда еще маленькой девочки Светланы Жвания: «Помню, когда Сталин умер, я плакала. Что сейчас дети понимают, мы тогда не понимали». Многие даже не могли себе представить, что в этих страшных вещах был виноват он, что Ежов, Берия и НКВД – исполнители воли Сталина. Миф постепенно стал развеиваться, когда Хрущев в 1956 году выступил на 20-м съезде Коммунистической партии с докладом «О культе личности Сталина и его последствиях». (См. в Приложении). Анатолий Пилия вспоминает: «Помню еще, когда в школу в Гудауте шел, грузины все плакали, когда Сталин умер. Это был самый настоящий фашист».

Мы пытаемся понять, что руководило людьми в «борьбе», которая развернулась почти на всем советском пространстве. Откуда появилась это вражда? Ненависть к ближнему? Репрессии на долгое время вошли в массовое сознание, настолько народные массы оказались под эффектом манипуляции.

Никаких статей в газетах, рассказов об этих страшных событиях вплоть до конца 50-х годов нет. Но в дальнейшем появляются реальные истории людей, которые подвергались репрессиям. Для народа, пережившего репрессии, воспоминания людей являлись единственным источником исторической правды, так как архивные документы еще не были доступны.

Специфика темы исследования предопределяет актуальность использования воспоминаний, так как такое направление в исторической науке как устная история на территории СССР

и постсоветского общества стало «пионером» в освещении истории репрессий в отношении несовершеннолетних, семей врагов народа, раскулаченных, «инакомыслящих» детей, молодежи. Ведь при создании устных исторических источников по недавнему прошлому исследователь опирается на историческую память непосредственных участников событий, либо на семейные и жизненные истории, хранящиеся на уровне двух-трех поколений. Историческая память о прошлом представлена не только документальной базой источников, но и возможностями «новой исторической науки», где особое место занимает «устная история». Данное направление в нашем случае может выступить в качестве «устного исторического источника» как субъект и как объект исследования, так как в основу данной книги положены материалы из воспоминаний репрессированных в 30 – 40-е гг. XX в.

Многие авторы отечественных изданий попали под категорию детей репрессированных, стали жертвами Большого террора. Многие из них не только прошли через испытания, сумели выжить, но и в дальнейшем написали о тех страшных страницах своей жизни.

Можно привести в качестве примеров мемуары невестки Сарии Лакоба[1] Адиле Аббас-оглы, книги Юрия Латария «Памяти жертв политических репрессий», Сергея Чакветадзе «Орден за донос» и другие. Долгое время данная тема была табуирована, лишь с гласностью люди открыто начали говорить правду. Собранные воспоминания свидетельствуют о восприятии бывшими детьми репрессий своих родителей.

Большая часть респондентов вспоминает о том, как родители до последнего боялись за свою жизнь и жизнь своих детей. Весь контингент репрессированных составили дети, внуки репрессированных, сами репрессированные. Необходимо отметить, что репрессиям подвергались не только представители абхазского народа, но также и русского, мегрельского, греческого и др. Со слов респондентов удалось выяснить, что репрессированы

[1] Сария Ахметовна Джих-оглы (Лакоба) (1904 – 1939) – супруга государственного деятеля Советской Абхазии Нестора Лакоба.

были не только представители интеллигенции, но и служащие, крестьяне. То есть полученная информация противоречит расхожим представлениям о том, что Сталин сажал только представителей интеллигенции. Так, рассекреченные документы показали, что террор затронул гораздо более широкие слои населения.

Однако тех, кто действительно помнит об этих трагических событиях, становится все меньше и меньше. Появляются новые поколения, которые необходимо оградить от такого термина, известного как репрессии. Мы понимаем, что историческая личность играет большую роль в развитии общества. Скажем, как пошло бы развитие истории, если бы не Сталин. Да, история советского, абхазского народа могла бы пойти совершенно по иному пути. По сей день идут споры о такой неоднозначной личности, как Сталин. Возникли такие понятия, как «сталинисты» и «антисталинисты».

Интересен расклад по годам причин для репрессий, по мнению респондентов. К примеру, в 1930 годы арестовывали по доносу «тройки», «из зависти», за «политический анекдот». Бывали случаи, когда могли забрать просто за «неправильное» высказывание. Конечно, реальные поводы для арестов можно найти, ознакомившись со следственными делами осужденных. К сожалению, для большинства наших респондентов справки из СГБ – это единственный документ, раскрывающий судьбу родителей. Многие дети репрессированных до сих пор не знают, за что был арестован их родитель.

Среди причин ареста была не только 58-я статья – донос, но и «национальный» признак. Из воспоминаний репрессированного, тогда 11-летнего мальчика Николая Пимениди: «… Поступило распоряжение высылать всех греков из Абхазии, только уже советскоподданных. Иностранноподданных уже увели… Председатель заявил бригадиру … что каждый глава семьи должен написать заявление о просьбе депортировать. Помню, как папа сказал: «Ну, пусть высылают, если наступила наша очередь, но писать заявление я не буду. Что за дикость…».

Самым запоминающимся, по словам Пимениди, была суматоха, тревога. «Само состояние родителей передается детям, – сказал он. Мы видели эту катастрофу, тревогу, когда люди покидают обжитое место».

Если говорить о местах заключения, то географически это территории Казахстана, Колымы, Узбекистана, Омска, Нижнего Тагила. О том, что пережили сами дети и их родители говорят в большинстве случаев воспоминания вернувшихся. К сожалению, многие возвращались надломленными, опустошёнными. Даже близким рассказывали мало, да и вообще, не хотели говорить об этом.

Из воспоминаний Розы Смыр – дочери репрессированного: «Отец не хотел говорить на эту тему … я думаю, у него был страх за нас, за детей. Нас было двое. И отчества разные у нас были. Брат Михайлович был, я – Мустафовна…».

Из воспоминаний Тамары Ладария – внучки государственного и партийного деятеля, одного из организаторов комсомола Абхазии Владимира Ладария, которого в возрасте 37 лет расстреляли вместе с двенадцатью единомышленниками на берегу Гумисты: «…Помню, как вышла книга Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Мама моя… тихо с бабушкой ее на кухне читали. Даже когда мы заходили на кухню, они замолкали, старались на эту тему при нас не говорить… Видно, еще страх с тех времен остался, лишнее что-то не сказать, вдруг дети из дома что-то вынесут. И когда я повзрослела, я прочитала эту книгу и спросила бабушку: «Правда ли, что там написано?» Она ответила: «Это чистая правда». Через все это мы прошли». По возвращении домой они строили свою жизнь с нуля. Бедность, надзор административных органов, недоверие окружающих, и самое страшное – клеймо «врага народа». Многие вернувшиеся не дожили до реабилитации. Тамара Ладария вспоминает своих родителей и то, как репрессии повлияли на них: «…Это время отложило отпечаток на психику людей. Я даже по папе знаю это. Папа всегда чего-то боялся. Лишнее не скажет, против никогда не выступит. А бабушка тоже молчала, была очень закрытым человеком. Это время сломило их…».

Дети «врагов» вспоминают острую нехватку предметов первой необходимости. Особенно тяжело приходилось прибывшим на поселение впервые: не хватало одежды, обуви, постельного белья. Из рассказа дочери Адиле Аббас-оглы Лилии Василиади: «Мне очень тяжело рассказывать. Вообще, детства у нас не было… Мы в таких условиях диких родились: голод, холод, воды не было, отопления. В трубах вода замерзала… Место было ужасное, там почти никто живой не оставался. Все умирали, заражались». После ареста мужей многие женщины вынуждены были сами ставить своих детей на ноги, начинать жизнь с нуля, так как у них отнимали и имущество. Одной из сторон ментальности этих детей в то время был страх. В отличие от общего страха, связанного с войной, типичными детскими страхами (перед воспитателями, родителями, мистическими историями и проч.), он в заметной степени происходил из социального статуса. Условия существования у многих детей были схожими. Враждебное отношение к ним проявлялось независимо от национальности – их всех объединяло клеймо – дети «врага народа».

Из воспоминаний детей репрессированных – Анатолия Пилия: «Многие «обзывали нас детьми врагов народа»; Юрия Латария: «…Приютить сына «троцкиста» считалось большим грехом, нарушением. Меня Юрой звали, они переименовали меня. Иногда Игорем называли, всегда по-разному…». Из воспоминаний внучки репрессированного – Дианы Ахба: «…Я не могу забыть одного. Когда я училась в школе, у меня была одноклассница, которая меня называла внучкой «троцкиста». Мне неприятно это вспоминать… На поколении моих родителей, конечно, это очень сказалось…».

В школе дети «врагов народа» зачастую испытывали вражду как со стороны учителей, так и со стороны учащихся. Их часто сажали за заднюю парту. Один из респондентов отмечал (Латария): «В школу не брали. В Атаре я ходил в школу, но не был записанным в журнал… Когда приходили из РОНО на проверку, нас просили не приходить в школу». Михаил Гарцкия: «Много лет на мне стояло клеймо сын «троцкиста». Я чувствовал себя

постоянно униженным. Жил одной надеждой: вот-вот вернутся родители. Но они не возвращались». Белла Аджба из Сухума, дочь репрессированного: «…Мы понимали, что мы не такие как все, что мы не имеем права пользоваться всеми правами, как остальные дети. Было очень тяжело». Рассказы «бывших детей» особенно содержательны в плане того, как складывалась новая система ценностей, как воспитывался и формировался «позднесоветский» человек. Многие мои герои сидели в лагерях по двадцать лет. Выдающийся абхазский писатель Шалва Цвижба в 19 лет был сослан на Колыму. Из воспоминаний его дочери Ольги: «… О трагедии, которую пережил папа и вся его семья, родители, брат, сестра, мы смогли узнать, став взрослыми людьми. Ну а в детстве мы знали, что папа долго жил и работал на Колыме… Откуда нам, детям, было знать, что за этими добрыми рассказами … скрывается трагедия времени, трагедия человека, который «… из детства в старость угодил…»

… Когда папа умер, один из членов правительства так и сказал: «Умерла Совесть Абхазии». И когда в 1985 году Михаил Сергеевич Горбачев поднял тему репрессированных, помню папины слова в тот момент: «Надя, все мои стихи теперь будут печатать!» До этого момента цензура урезала стихи … Конечно, арест родителей накладывал особый отпечаток на дальнейшую жизнь детей, отражаясь на их психическом состоянии. Дети ощущали себя обделенными, лишенными жизненных благ. Из воспоминаний Джансуха Губаз, сына репрессированного: «…Я даже порой забывал или же не представлял, что у меня отец был. Я завидовал тем, у кого были отцы. Я думал, если был бы мой отец, каким бы я был…». Из респондентов, считающих, что при «советской власти было хорошо, а сейчас – плохо», большинство говорят, что их жизнь сложилась. В воспоминаниях многие отмечают, что не считали советскую власть плохой, а смерть Сталина большинство восприняли как трагедию. Белла Аджба: «Когда Сталин умер, я плакала как все, горевала, что такое горе у нас в Советском Союзе». Почитание человека, который подверг их репрессиям, обусловлено госу-

дарственной пропагандой и сложившимися традициями. О данной личности говорили везде. То есть пропаганда, связанная с культом личности Сталина, стала частью жизни советского человека. Многие получали образование, но из-за клейма «врага народа» не такое, как хотели. Аджба: «И в институт поступила не туда, куда хотела, потому что нельзя было с такой биографией поступать». Одна из моих респонденток окончила пять классов. Маргарита Путуриди: «Всего пять классов у меня образования. Ходила в латаном платье в школу… Мы вместе с казахами учились. Я по-казахски разговаривала как по-русски». Общественные барьеры исчезали в играх, играли в известные и сейчас «вышибалы», «казаки-разбойники», «прятки», «войнушку». Несмотря ни на что память в ярких деталях сохранила самое лучшее («хорошее у нас было детство, было весело»). Николас Пимениди: «Смешалось все: тревога, грусть, слезы. Люди так устроены, что всегда находят время для веселья». Анализируя жизнь детей «врагов народа», можно выделить несколько важных особенностей, отличающих ее от условий жизни других детей. Клеймо «враг народа» влияло на получение образования, общение со сверстниками и взрослыми. Жизнь таких детей была пропитана страхом наказания, так как они были под постоянным контролем со стороны государства.

Разные судьбы, но так много общего в прошлом. Конечно, многое и сегодня неведомо. О многих вещах мы только догадываемся. Но стали открываться ранее недоступные фонды, которые позволяют другими глазами взглянуть на события периода репрессий. Таким образом, фрагменты устной истории из материалов политически репрессированных – это попытка показать свидетельства непосредственных участников трагических событий, причисленных к категории «врагов народа».

Сегодня репрессии продолжают исследоваться и подвергаться осмыслению. В нашей стране поднималась данная тема как учеными, публицистами, так и самими жертвами – детьми репрессированных. Еще в 1983 году был открыт Музей имени

Нестора Лакоба. Его директор Людмила Малия отмечает: «Мы открылись в День музеев 15 мая 1983 года, а 14 августа 1992 года началась война. В общем-то, мы просуществовали 10 лет. А после войны он сгорел…».

Абхазский писатель Шалодия Аджинджал в своем произведении «Дьявол с мечом» описывает все тяготы лагерной жизни, которые переносил его герой Нахар Абухба. Автор отмечал, что книга создавалась на подлинном материале: «Я вместе с моими героями страдал, где не выдерживали нервы – плакал, крепился, ненавидел, боролся. Мною двигало лишь одно чувство – донести правду, потому что она несет прозрение живущим».[1] В романе мать репрессированного так описывает свои чувства: «… Я пишу эти строки старческой рукой. Кто я? Мать, подавленная горем. Сердце мое истончилось, словно папиросная бумага. Глаза мои слепнут от слезных ночей… Но можно ли избавиться от боли, что нанесли незаслуженно? От боли, которая преследует меня уже не один год? … ».[2]

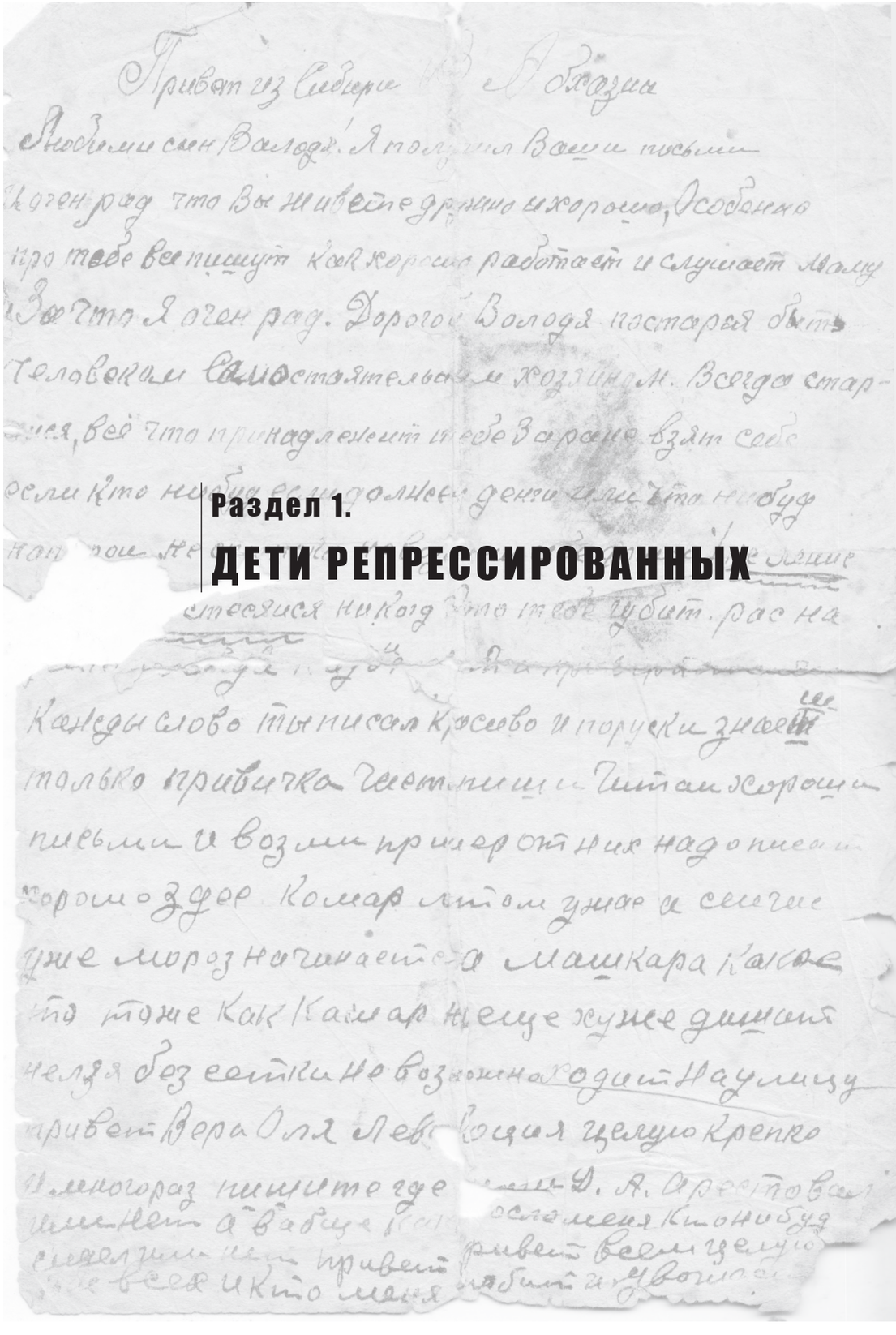
Историки XXI века еще не раз будут возвращаться к теме репрессий. И, конечно, чтобы объективно разобраться в таком сложном вопросе нужен не только анализ архивных документов – необходимо окунуться психологически в эту эпоху. Захотелось поделиться личными воспоминаниями респондентов, о долгих днях, проведённых их родными за решеткой, о тех, за кем закрывались двери, и которых считали заживо погребенными. И если кто-то возвращался из ссылки на волю, они физически и морально были сломлены. Лишь небольшой части из них удалось выйти из этого состояния. Излагая воспоминания респондентов, хотелось бы отметить, что все рассказанные события и отдельные эпизоды переданы с точностью. Факты, свидетелями которых я не являлась, изложены нами из воспоминаний очевидцев. Что касается имен и фамилий доносчиков, то мы намеренно их избегали, чтобы не быть

[1] Аджинджал Ш. Дьявол с мечом. Роман./Перевод с абхазского. Сухум. 2013. С.14.

[2] Там же. С.15.

обвиненными в доносительстве. При этом общество должно знать, что творилось в нашей стране в те темные сталинско-бериевские времена. Масштабы репрессий до сих пор точно не установлены.

Представленные в книге воспоминания показывают, что невозможно вычеркнуть из памяти людей те страшные события, которые произошли в истории абхазского народа.



Раздел 1.
ДЕТИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ

Собеседник – Анатолий Пилия
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 13.11.2019 г.
Транскрибировано: 13.04.2020 г.

А.П.: Отца в 1938 году посадили. Его посадили по надуманной 58-й статье, обвинили в государственной измене. Он провел восемь лет в ссылке. Пока сидел, обучился электрике. Там и работал. Когда освободился, нигде не мог устроиться на работу. Потом его взяли в какую-то воинскую часть в Гудауте.

Позже отца двоюродный брат Гриша Пилия сказал ему: «Володя, надо куда-нибудь уезжать». И он уехал в Норильск, за Полярный круг, представляешь, где вечная мерзлота. Это недалеко от Северного Ледовитого океана. Отец уехал, начал работать, потом забрал старшего брата. А мама осталась здесь. (Абхазия. – **Авт.**). Позже забрали меня. Я закончил школу в Норильске, и он меня устроил в школу рабочей молодежи. Пешком надо было ходить километров пять. Затем я поступил в Красноярский мединститут, года два проучился и перевелся в Краснодар. В Краснодаре я закончил медицинский институт, затем академию. Мне предложили служить в армии, а я сказал им, что у меня отец репрессирован, «враг народа». Мне ответили: «Это выдумки». Пошел в армию, 30 лет прослужил. Последние годы в Германии служил и в Казахстане.

Затем в Сухуме, в МВО начальником отделения был, потом начмедом стал, меня уговаривали перейти в ПВО. Прослужил там до войны. Времена поменялись, я ушел на отдых заслуженный…

Я был заместителем председателя Комиссии при президенте РА по реабилитации жертв политических репрессий. Ирма Акиртава была председателем.

Позже меня выбрали председателем Ассоциации жертв политических репрессий. Я к памятнику репрессированным часто хожу. В День памяти 30 октября прибираюсь там, цветы приношу, которые я выращиваю дома… Благодаря Багапшу[1] памятник стоит. Хотели другую конструкцию, здание в виде концлагера, он (С.Багапш. – **Авт**.) сказал: «Толик, не надо. В Москве, на площади у Дзержинского камень лежит, вот такое мы сделаем». И мы согласились. Так хочется, чтоб музей Лакоба открыли. Помещения нет. Все наглухо закрыто.

… Недавно ученый Гия Анчабадзе приезжал, он каждый год приезжает. Мы с ним выступали в передаче на Абхазском телевидении. Он рассказывал о том, что такое репрессии, что они происходили везде, и в Грузии тоже. Но у нас особенность была, уничтожали только потому, что абхазец, и причем, ни какого-то дурака, пьяницу никудышного, а того, кто имел имя, кто имел авторитет. Только по этому принципу. Великий ученый, академик Марр говорил, что когда слушаешь историю Грузии, складывается такое ощущение, что это история не этого народа, а другого. Они готовы были уничтожить всех, чтобы ни слуху, ни духу не было. Просто повод находили. Наш дед Бырдых Сасранипа родился в 1836 году. В 1937 году ему уже сто лет было. Ну какой вред этот старик мог принести?! Наоборот, в организации колхозов участвовал. Только из-за того, что он авторитетный был, пострадал.

Дедушка, бедный, больше не вернулся, мы даже не знаем, где он на самом деле похоронен, где его кости. Вместе с дедом посадили его старшего брата Тараса Быджгуа. Потом какую-то бумагу достали, что он умер от сердечного приступа. Но никто в

[1] Багапш, Сергей Васильевич (1949 – 2011 гг.) – советский партийный и абхазский государственный деятель, президент Республики Абхазия (2005 – 2011 гг.)

это не верил. Человек пять из дедовской семьи репрессировали. Ни за что ни про что. Все ужасы прошли.

С.В.: Анатолий Владимирович, расскажите немного о своем отце, что вы знаете о нем?

А.П.: Жили на Маяке, в Сухуме. У них там домик был. Вызвали куда-то отца и забрали с концами. Отец принимал участие в строительстве колхоза в Очамчырском районе. Там он женился на моей матери Ольге Хабуговне Маршан.

Отца посадили. Что мама могла рассказывать? Мы в бедноте, в нищете жили. Знали, что папа должен вернуться. Он вернулся через восемь лет. Раньше отпустили за образцовое поведение, он хорошо работал. Он сидел в Магадане. Когда он вернулся, мы у бабушки в Лыхны жили. Там и дядя Ваня жил, папин младший брат. Там мы, бедные, выживали. А потом переместились в Гудауту, на улицу Дзержинского. Какую-то хибару он там построил. Мы в Лыхны в абхазской школе учились, а когда ее закрыли, в грузинской. Чтобы как-то вырвать из этой среды, он нас повез в Хадыженск, Краснодарский край. Где-то он работал, мы в школу там ходили. В каком классе я даже не помню, но это не первый, и не второй. Я кроме двоек и единиц ничего не получал. Ничего не соображал, запуганный был. Потом, когда вернулись, уже мы имели право учиться в русской школе, в Гудауте пошли в русскую школу. Затем отец нас повез в Норильск, где я и закончил школу.

С.В.: Почему вы постоянно перемещались?

А.П.: Потому что преследовали его.

С.В.: Вы чувствовали на себе, что являетесь сыном врага народа?

А.П.: Конечно.

С.В.: Какое отношение было к вам в школе?

А.П.: Мы в грузинской школе из-под палки учились. Это было в Гудауте в 1943 году. Я помню, Жора, Георгий Колбая[1] в школе в одном классе с нами учился. Когда мы вырвались в Норильск, я помню, даже таблицу умножения не знал как следует.

[1] Колбая Георгий Николаевич – судья Верховного Суда СССР (1989 г.), кандидат юридических наук (1971 г.), заслуженный юрист Абхазии (1983 г.), заслуженный юрист РФ (2000 г.).

Там тоже кое-какие преподаватели были репрессированные. И все же школу хорошо закончил. Я поступил в институт просто играючи.

… В армии, когда я служил, помню, как в первый год меня забрали в какие-то дебри, в лесозаготовительный военный отряд. Там я работал в качестве единственного врача. Кого-то подучил, чтобы они помогали как санинструкторы.

Академию я закончил с отличием. В это время у меня с глазом что-то случилось, я до сих пор одним глазом не вижу. Затем меня отправили в Алма-Ату, год прослужил. Оттуда я попал в команду, которая встречала космонавта Губарева. Сейчас не помню Союз - 5 или 4. Месяц сидели и ждали, когда они приземлятся.

Все бесцельно не проходит… потом приехал сюда (Абхазия. – **Авт.**). Ко мне потихоньку присматривались.

Так вот жизнь моя продолжалась. Тридцать лет, представляешь, тридцать лет в строю. Я даже в Афганистан просился, не пустили. А просился по глупости. В 1994 году русские пригласили меня на работу в санаторий. Два санатория у нас (в Абхазии. – **Авт.**), надо было, чтобы кто-то из наших был там. Тогда у нас не было подготовленных людей. Я пошел в МВО, лет десять еще прослужил уже гражданским, но должность военная. У нас народу было много. Мы восстановили санаторий, до 12 тысяч людей принимали. 10 тысяч работников было. К сожалению, сейчас все в грязи, сколько было рабочих мест. Такие места, какой доход могли бы приносить. Я выступал, и в печати об этом говорил…

С.В.: Анатолий Владимирович, когда отца забрали, семья осталась на Маяке?

А.П.: Мама, бедненькая, сразу поехала в Лыхны, где мы и в школу пошли… Мама в детском саду работала. Ляля Лолуа, помоему, была там заведующей детсадом. Там мы росли. Помню, как тепло она относилась, знала, что мы такие несчастные. Когда отец вернулся, чуть легче стало.

С.В.: С какими трудностями вам пришлось столкнуться?

А.П.: Ой, ну вы понимаете… Грузинская школа застала меня в Лыхны. Меня учительница побила за то, что я что-то не произнес на грузинском. Они так со всеми поступали, понимаете. Я перестал ходить в школу. И дядя Гриша (Григорий Пилия. – **Авт.**), он был авторитетным человеком, когда узнал, каким-то образом выгнали эту учительницу из школы.

С.В.: Что для вас было самым сложным после того, как отец вернулся?

А.П.: Беднота, нищета. Мать, бедненькая, постоянно трудилась…

Особо не страдали, потому что все окружение было такое. Все в чем-то нуждались, но и что-то было. Жить в раю (Абхазия. – **Авт.**) и тогда, и сейчас, и влачить жалкое существование – трудно такое перенести. Но все равно хорошая жизнь была… Мы прожили ту жизнь, которую прожил наш народ в тот период.

Знаете, когда он вернулся, хоронили соседа. Отца попросили сказать пару слов. А отец сидел по его доносу. Выступая, он сказал: «Куда ты меня послал, я вернулся, а куда я тебя посылаю, будь мужиком, попробуй вернуться».

С.В.: В какой момент все поменялось, когда для вас изменилась ваша Абхазия?

А.П.: И все-таки после войны. Жалко, конечно, маму и папу, и всех остальных, трудно жили. Несмотря на все испытания, отец 93 года прожил.

С.В.: Он вам рассказывал что-нибудь о Магадане?

С.В.: Он привык к санитарной работе в госпитале, и он настолько проникся любовью к этой профессии, что по этой причине и Варден, мой брат, в мединститут поступил, не имея особой тяги. Отец рассказывал, как он перевязки делал, уколы. Он на каком-то этапе даже был там, где Эшба[1] раньше сидел. Ему рассказывали, что он был такой умный, порядочный, сильный духом, запомнился всем. Отец тоже такой был. Наверное, от природы. Бабушка у нас Акиртаа, мама Маршания, ее мама Дзяпшипа. Корни хорошие.

С.В.: На ваш взгляд, что изменилось в наше время?

А.П.: Ну что-то изменилось. Под влиянием окружающей среды мы учимся у других, увлеклись материальной стороной.

[1] Ефрем Эшба (1893 – 1939 гг.) – советский и абхазский государственный деятель, один из руководителей борьбы за установление Советской власти в Абхазии

Если у тебя деньги, если ты богатый – уважаемый, но если ты бедный, но порядочный – на тебя внимания особого обращать не будут. Весь мир такой, переродился. Когда я слышу про наводнение или еще что-то, я думаю, что это божья кара. Из-за того, что человек ведет себя по-скотски. Сколько людей ухлопали и в эту войну, и в Великую Отечественную. Куда не глянешь, везде люди друг друга убивают. Надо беречь пямять о прошлом.

Не могу примириться, что нет Дома-музея Лакоба. Я готов тысячу рублей со своей скромной пенсии платить, чтобы его возродить. Но как это сделать? Об этом надо говорить…

Собеседник – Анзор Мукба[1]
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 17.01.2020 г.
Транскрибировано: 2. 06. 2020 г.

С.В.: Представьтесь. Расскажите немного о себе.

А.М.: Я, Анзор Кокович Мукба, родился в селе Отхаре в 1946 году, в семье, где было пятеро детей. С первой женой отец жил 18 лет, но детей не было. И она сама затеяла разговор о его женитьбе. Сейчас не услышишь, чтоб с такой ответственностью подходили женщины к судьбе той семьи, куда они вошли. Значит, любить, уважать своего мужа до такой степени, чтоб самой женить его. В 1943 году в 60 лет он женился второй раз, и появились дети.

Двор, в котором я рос, был знаменитый крестьянский двор.

Мой дед – Мыку Аабидж, известный оратор, костоправ, медиатор. В 1936 году, умирая предсказал, что будут большие репрессии, что будет война. И эта запись есть. Через сорок лет начнется еще война. Он говорил: «Если мы не выиграем, с утра

[1] Мукба Анзор Кокович (17.11.1946, с. Отхара Гудаутского района Абхазской АССР) – абхазский писатель, драматург, историк, актер, общественный и государственный деятель. Заслуженный артист Абхазии (1981). Член Союза писателей СССР (1982), Союза писателей Абхазии, Союза писателей России, Международного сообщества писательских союзов (1999).

до вечера будем искать абхаза и не найдем». Так бы произошло, если бы не выиграли.

Жили мы не очень богато, но достаточно хорошо, имели коров, быков. Для того времени было все.

Я помню, как отца забирали. Это было весной, в апреле 1949 года.

Помню, день был ясный. На двух машинах приехали, были и гражданские, и в форме люди. Вероятно они из НКВД были, а другие из спецслужб. Папа пригласил их в дом, они вошли, сказали отцу: «Соберитесь, полчаса имеете». Мне было три с половиной года, младшему брату два месяца, старшему около пяти. Отца забрали. Мы не могли понять, почему папу забирают. Со многими родными так поступили. Вечером, сказали привезем. Вечером его нет, на следующий день нет. Кто-то написал донос, что отец вел переговоры с людьми, что он собирался покушаться на жизнь Сталина в Мюссерах… Тогда план был из каждого села забрать людей. Отец был одним из лидеров колхоза, мог от имени села говорить на собраниях. Восемь с половиной месяцев мы о нем ничего не знали. Я помню, как мамы, по ночам сидели, чтобы мы не видели, плакали. Они очень дружно жили, уважали друг друга. Его потом, как выяснилось, забрали не в Гудауту, а в Калдахварский опорный пункт.

Затем его с одним молдаванином отправили в Тбилиси в ту же ночь. Позже я узнал, как он до Тбилиси доехал. Этот молдаванин был молодой и очень дерзкий, каким-то образом попытался открыть дверь машины и удрать. Ну, естественно, отец помог. Но зачинщиком был не он. Открыли дверь, выпрыгнули из машины. Отец перешел Абаша, но под утро его догнали чекисты. Судили отца в Тбилиси, тройка НКВД судила. «Я ночью увидел, как будто кто-то мне дал веревку», - он много раз рассказывал. Его обвиняли в том, что собирал банду для покушения на жизнь Сталина в Мюссерах, 58-я статья… Дали пять лет лагерного режима со ссылкой.

Старший брат отца грамотный был, два года проучился в Саратовской учительской семинарии, жил в собственном доме.

Жена у него Авидзба была, очень хорошая женщина. Однажды к ней подошел кто-то и говорит на абхазском языке: «Не осмелился к вам зайти. Вы знаете имя этого человека?». Он вытащил маленькую фотографию, тюремную, видимо. «Как не знаю, – ответила тетя, – это мой деверь». И человек говорит: «Он здесь находится. Он живой». Она позвала гостя домой. Это оказался гегечкорский грузин, политзаключённый, двадцать пять лет отсидел. С моим отцом он сидел последнее время. Маленький портрет и адрес он вынес из лагеря, принес нам, хотя страх был.

Осенью фотографа пригласили и сфотографировали всю семью. Это где-то в 1949 году было. Все мы, пятеро детей его, одна мать рядом, вторая, с другой стороны. (Фотография сохранилась, кто-то мне передал). Ему отправили по адресу. Сперва прислали письмо, дошло, боялись и за фотографии. В итоге отец получил, он ожил. Он сидел в Воркутинской области, в Коми. Он потом рассказывал, но много не хотел рассказывать.

«Ты – мужчина, не знаешь, что может произойти, не привыкай к теплоте», – говорил отец. Он повторял, что нужно закалять себя. Где военнопленные эсэсовцы были, он и у них в лагере был. Зная, что они умрут, перед смертью могли чистить ногти, педантичными очень были. По-мужски себя вели, рассазывал отец.

В основном все были моложе отца. Просили, чтобы немного дали возможность присесть отдохнуть. И начальник обратил внимание на отца, спросил его: «Почему ни разу не попросил, чтобы я тебе дал отдохнуть. «Мне что, молодые погибают, лучше их спасите», – отец сказал. Начальнику это понравилось. Что они делали! Если человек один раз упал, поднимали его друзья, если еще раз падал – оставляли. А там зима, градусов 50–60 мороза. Рассказывал, как человек двести сидело в одной огромной камере. Как-то к отцу подошел один лысый стройный мужик. «Ты абхаз?» – спрашивает. Оказался Лоов, то есть Ачба из абазин, кадровый офицер царской армии, который потом перешел в Красную Армию, командовал полком кавалерии, ну потом его посадили, как всех. Он смог устроить отца на кухню, его задача:

метров на 50 пойти выкинуть мусор. Но это в страшный мороз было героизмом, говорил отец.

Помню, я со своим старшим братом сидел за одной партой. И вот дует ветер, идет дождь, апрель месяц. Что имели тогда люди. Покупать обувь было не так легко. Из шкуры коровы носили обувь. Но, конечно, наши родственники, которые в Гагре жили, помогали, вещи присылали. Отец мой был костоправом, так же как его отец. Он очень помогал людям, его доктором называли.

И вот в класс вбегает Лейба Люса и кричит: «Что вы здесь сидите? Ваш отец вернулся». А с ней все педагоги. Мы были, помоему, во втором классе, встали, побежали домой. Когда мы пришли домой, родная мать дома находилась. А по соседству было плаканье, и мой отец пошёл туда.

И вот что там произошло. Умерший был уважаемым человеком, а его сын коммунист тоже подписывался против отца. Поэтому братья отца не хотели идти на плаканье, но отец сказал, что надо пойти. Именно в тот момент, когда люди заходят попрощаться с усопшим, отец встал у изголовья К… и говорит: «Упсата бзиахаат. Если твой сын не человек, то ты был человеком…».

С.В.: В вашей семье принято было говорить о репрессиях?

А.М.: Отец говорил на эту тему. Он любил историю, он все рассказывал. Может, мне лично не рассказывал, но я-то слышал. Всегда говорил, плохое не делай. Это его правило было. Он был порядочным в высшей степени.

С.В.: Какие он вам наставления давал?

А.М.: Станьте людьми, говорил он, «амал акәзам иҟоу, ауафра ауп иҟоу». Берегите свою совесть, не позорьте нас. Вот так он нас воспитал, и это сегодня я чувствую. Это стыдно, то стыдно, он говорил.

…У меня сейчас трое детей, пять внуков, одна внучка, хорошие дети, неиспорченные. Отец был прав. Помогай людям, тебе это вернется. «Амал, аламыс еицныҟәаҙом». Это уж точно. Мы сегодня это видим наяву. Это капитализм. Там, где самое главное деньги, и мир, смотрите, какой стал. Ко дну идет. Может, я утрирую, но так нельзя жить.

С.В.: После того, как отца забрали, с какими трудностями пришлось столкнуться вашей семье?

А.М.: Детьми врага народа нас никто не называл. В селе, в школе все знали, что отец сидел не заслуженно. Наоборот, жалели нас, помогали нам.

Младший брат мой погиб в горах в 1965 г., через двое суток только нашли. Все наше село искало его. До года мы ставили свечки. У нас семья большая была.

Помню как свечку поставил в доме, произошел пожар. Все сгорело. Конечно, я не хотел, чтобы это случилось, но все же я чувствовал свою вину. Когда люди услышали, очень расстроились: мы пока на ногах не стояли, младший брат погиб, старший был в армии, я студент первого курса.

Однажды мы услышали звуки ауардынов (арба. – **Авт**.). Помню, как четыре ауардына приехали к нам. Помню, фасоль, сою, кукурузу привезли, столитровую бочку вина, водку. Одним словом, все то, что нужно сельскому жителю. Разве не это аҧсуара? Люди знали, какой наш отец, что он пережил, они сделали свой жест. Пришли, уважили и духом подняли.

Собеседник – Афина Феофилова
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 18.03.2021 г.

С.В.: Представьтесь, пожалуйста. Расскажите о себе.

А.Ф.: Я, Феофилова Афина Георгиевна, родилась 6 ноября 1943 г. в г. Сухуме в Республике Абхазия.

В Сухуме также родились мой отец Феофилов Георгий, мать Лазариди Ольга Хрисофоровна, супруг Сиафалов Георгий Николаевич и мои дети: дочь 1967 года рождения и дочь 1972 года рождения.

Когда мне было шесть лет, в 1949 году, нас, греков, как спецпереселенцев выслали. Высылали всех из Абхазии насильно. Все свои дома, скотину и все, что было нажито, оставили безвозмездно. Кому неизвестно. Выселение шло в течение нескольких дней.

Я помню, у меня был брат 1947 года рождения, мама была на шестом месяце беременности. Она ходила по комнате и плакала, не хотела уезжать неизвестно куда. Я помню, меня с братом двухлетним и беременной мамой без вещей, без денег насильно посадили, как и всех, в телячий вагон по 60 – 80 человек. Все плакали, рыдали и кричали. Вместе с нами были высланы мамины родители и еще пять младших сестер мамы. Когда эшелоны выехали из Сухума по железной дороге в неизвестность, стоял такой ор, крики душераздирающие. Все это у меня в памяти осталось.

В дороге много человек умерло от нечеловеческих условий в вагонах, от болезней и горя. Ехали мы два месяца. Уже в Казахстане выгружали нас поэтапно в разных областях: Туркестанская, Чимкентская, Джамбульская, Кызыл-Ордынская и т.д. Наша большая семья попала в Южно-Казахстанскую область, Пахтааральский район, село Каракир. Нашему горю не было предела. Мамин отец начал работать и всех нас кое-как кормить.

В ноябре мама родила моего младшего брата в какой-то комнате, которую предварительно обогрели соломой наши греки. Проживали несколько лет в ужасных условиях. Но бог дал нам возможность выжить. Я пошла в школу.

Всем грекам было очень тяжело, но учитывая, что греки трудолюбивые, потихоньку обустраивались. Мы не имели права никуда выезжать с места жительства. Те, которые выезжали, хотели встретиться с родственниками в других областях, наказывались в уголовном порядке, даже лишались свободы. Но мы не считались врагами народа, нас наказывали по-другому.

Греки своим трудолюбием украсили Казахстан. Среди греков было много врачей, инженеров, педагогов. Надо отдать должное казахам. Они очень тепло и дружелюбно к нам относились. Я закончила школу в г. Кентау на отлично и поступила в Саратовский юридический институт.

В 1953 году умер Сталин, и секретарем ЦК КПСС стал Хрущев Никита Сергеевич, который снял с нас ограничения. Кто хотел, мог вернуться в Абхазию.

Многие остались, а те, кто приехал в Абхазию столкнулись с тем, что занявшие их дома переселенцы из Грузии не хотели их освобождать. Греки вынуждены были вернуться обратно.

Моя мама с сыновьями вернулась в Сухум в 1960 году, а я поехала учиться в Саратов. В 1966 году я вернулась в Сухум, вышла замуж и начала работать в МВД Абхазии делопроизводителем, паспортисткой, а затем следователем в Сухумском ГОВД в течение 10 лет. В 1980 году я была зачислена в коллегию адвокатов Абхазии, где проработала до 1992 года, то есть до начала грузино-абхазской войны. В Сухуме у меня есть дом по проспекту Мира 91. Когда нас выселяли в 1949 году, все наши дома продали лицам из Грузии. Абхазы наши дома не заняли тогда, но в 1992 году все изменилось…

Когда началась война, с детьми выехала на постоянное место жительство в Москву. Дети мои закончили Московский мединститут и сейчас живут в Афинах, в Греции. Они работают, открыли частные кабинеты, вышли замуж и у каждой по двое детей. Счастливы. Я и сегодня с мужем живу в Москве, работаю заведующей юридической консультации, являюсь почетным адвокатом России и имею много наград.

Собеседник – Белла Аджба
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 26.10.2019 г.
Транскрибировано: 27.05.2020 г.

С.В.: Представьтесь пожалуйста.

Б.А.: Аджба Белла Григорьевна.

С.В.: Сколько вам было лет, когда репрессировали вашего отца?

Б.А.: Два года. Отца репрессировали в январе 1938 года, реабилитировали в 1956 году.

Детство было очень тяжелое. Особенно тяжело было маме (Лакоба Александра. – **Авт.)**, все время ее контролировали, что она говорит, что делает. И даже в абхазском архиве КГБ она упоминается несколько раз. Каждый мог нас оскорбить, называли троцкистами, врагами народа. Отвечать мы не имели права. И в институт поступила не туда куда хотела, потому что нельзя было с такой биографией поступать.

Мама, бедная, боялась лишнее сказать. Такое было время, что и за слово сажали… У него (отца. – **Авт.**) было два брата, они воевали. Один из них Аджба Михаил Кириллович вернулся с войны, а второй Аджба Манча Кириллович пропал без вести.

Мама все время работала в Гудауте, содержала семью. Я училась в гудаутской школе. Дедушку, маминого отца Константина, тоже арестовали. Все были незаслуженно наказаны. Но жизнь продолжается, как говорится. Папу все очень любили. Он в Очамчире был первым секретарем райкома партии, его все очень уважали. Он считался видным политическим деятелем. Ему было 34 года, когда его арестовали, а спустя годы нам сообщили, что он умер якобы из-за болезни желудка. Но это неправда. Никаких известий о нем мы не имели. Он умер в тюрьме.

Когда папу посадили, мама вместе со мной поехала к бабушке в Лыхны.

Ее звали Мария Антоновна Джергения. Я с утра до вечера бегала с соседскими детьми. Ни одного слова по-русски не знала. Маме говорили, чтобы не отдавала меня в русскую школу, но мама все-таки отдала. Русскому языку я научилась уже в школе.

Я училась где-то в пятом классе, когда из Сухума приехала комиссия, говорят, дети репрессированных встаньте, а мы же дети, мы не знаем, что это за слово, мы сидим. Потом сказали, встаньте те, у кого в 1937 году арестовывали родителей, и нас несколько человек встало. Мы понимали, что мы не такие, как все, что мы не имеем права пользоваться всеми правами, как остальные дети.

С.В.: Когда все поменялось?

Б.А.: После смерти Сталина.

В 1954 году я поступила в Московский технологический институт пищевой промышленности, окончила в 1959 году, по назначению приехала в Сухум и здесь обосновалась.

Дети к нам нормально относились. Плохо относились взрослые. Маму мою как-то оскорбил секретарь райкома: «Ты троцкистка, ты прячешься». Боязно было жить. Мама при мне никогда не ругала ни Сталина, ни Берия, потому что боялась, что ребенок может проговориться. И когда Сталин умер, я плакала, как все, горевала, что такое горе у нас в Советском Союзе. Мама на политические темы вообще не разговаривала. Когда уже открыто выступали против Берия, Сталина, и она говорила, что это мерзавцы.

Был случай. У нас в Гудауте жил квартирант – фотограф. Его забрала милиция. Я училась тогда где-то в классе четвертом. Фотографа звали Аркадий Иссаевич. Когда пришла милиция, стали спрашивать, где его фотоаппараты, мы решили, что он какой-то шпион, но оказалось – это другой фотограф не хотел, чтобы он фотографировал на его территории и пожаловался на него. А мы уже ждали, что маму арестуют, тем более она была под подозрением. Каждый такой случай отдавался беспокойством. Так прошло мое детство.

Собеседник – Владимир Пилия
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 02.11.2019 г.
Транскрибировано: 10.11.2019 г.

С.В.: Представьтесь, пожалуйста. Расскажите о себе немного.

В.П.: Пилия Владимир Антипович, родился в 1933 году 30 августа в селе Куланырхуа Гудаутского района. Дедушка мой – Пилия Ктиа, по-русски Степан его звали, родился в селе Лыхны. Мой дед работал в Лыхны в общине, был руководителем до революции, умер в 1909 году. Рано умер, где-то 54 года ему было.

Отец мой 17 лет сидел в сталинском лагере, в 1955 г. вернулся. Мы тогда голодали. Было время, когда только один лук и дикие мелкие яблоки, которые в лесу растут, варили и ели (на абх.). Не имели ничего. В колхозе работали, нам ничего не давали абсолютно. Мама табак собирала, мы помогали. А в школу мы приходили на один час, и в школе нас в колхоз гнали, мы табак собирали, нанизывали. Школьная бригада была.

С.В.: У вас какие-нибудь воспоминания остались о том дне, когда забирали отца?

В.П.: Нет, меня дома не было. Я находился в Мгудзырхуа у бабушки. Когда я вернулся, сказали, что моего отца посадили, но я разве понимал, что это означает?

С.В.: Куда он попал?

В.П.: Из Дранды его отправили в Горьковскую область, станция Безводная. Отец на лесоповале работал. Там был и отец Гублия Жоры, писателя. Мы дружили с сыном того, кто их посадил. Вскоре доносчика убило деревом, оно свалилось на него.

С.В.: Где жила ваша семья, когда отца забирали?

В.П.: В Куланырхуа. У нас там был дом.

С.В.: Какое отношение к вам было?

В.П.: Хорошее. Я не чувствовал, что унижен. Люди знали, кто такой Антип Пилия. «Ты чей сын?» – спросили меня однажды. Я сказал: «Сын Пилия Антипа». «О, вы хорошие, учиться тоже умеете. Не бойтесь, из вас не может ничего плохого получиться», – вот так говорили. Это говорили абхазы, ни один человек не отвернулся. Но они боялись в дом к нам приходить. В 1949 году отец написал нам письмо.

С.В.: Первое письмо?

В.П.: Нет, несколько писем было.

С.В.: Они у вас сохранились?

В.П.: Не сохранились.

С.В.: Вы помните эти письма?

В.П.: Да, да. Были такие треугольные письма. Он написал, что скоро сообщит о своем приезде. А следом письмо получили, в котором было сказано: «С конвоем куда-то нас выселяют, куда нам неизвестно, по приезду, если возможно будет, я вам сообщу».

С.В.: То есть короткие письма были?

В.П.: Да, короткие, целую историю кто бы написал.

В.П.: В пятьдесят втором году я в Москву поехал с мамой. Мы взяли фрукты с собой. Я умел торговать еще пацаном. Выхода

другого не было. Продавал на рынке яблоки, груши, виноград. По тем временам большие деньги зарабатывал. Я дал деньги маме, старшему брату, и они уехали к отцу. У нас была единственная тётя, замужем за Маршания, которого тоже в 1937 г. посадили. Детей у неё не было. Она как могла нас воспитала. Потом уже брат приехал в Сухум, а мама у отца осталась. В пятьдесят четвёртом году я уже в Москву ездил, часто торговал.

С.В.: Вы зарабатывали деньги?

В.П.: Да. Мама научила меня. Молоко даст мне один литр, больше не мог поднять, и шесть километров я шёл пешком на рынок. Когда немного окреп, стал три литра молока носить. Одну корову мы имели, сами молоко не пили, оставляли, чтобы продать. Нам всегда не хватало хлеба. Я смотрел недавно на фотографии наши, удивлялся, как мама могла нас так чисто держать.

С.В.: Кто вам помогал?

В.П.: Брат моего отца Николай Пилия, сосед Гулиа – председатель колхоза. Он даже ночью присылал еду, ведь днем могли увидеть, донести. Мы табак сдавали очень качественный. Приходили к маме и просили наш табак, он был хорош для курения. Тогда все его курили. Мы и табак сажали, и в колхозе работали. Еще научились с младшим братом колировать трифолиата или, как они называются, мандарины. Питомники у нас были. Там бригадиром был Осия, агроном хороший. Мы очень много мандаринов колировали. Как мы могли не работать! Скот у нас отобрали.

С.В.: Всё отняли у вас?

В.П.: Остались корова и один бык.

С.В.: Какое время было для вас самым сложным?

П.В.: В 1954 году мы с братом старшим в Челябинск к отцу поехали. Приехали к двум-трем часам ночи, темнота вокруг (на абхазском). Помню, свет еле горел в округе, а где-то и вовсе не было. Дома стояли из глины с соломой. Всех, кого переселили, так дома построили. Шли, шли, а как узнать, где Антип живёт? Вдруг вижу один дом огорожен штакетом. Я брату говорю, слушай, Алёша, здесь живёт кавказец, русские не огородили бы. В дверь постучали, вошли, смотрю, мама и папа сидят, бедные, и ждут нас. Мы немного там побыли. Жили они неплохо, скажу я вам, молока, пшеницы там было полно. Мама научилась печь хлеб на молоке. Хозяйка она была хорошая.

Единственное, о чем она переживала – о мальчике, который родился у отца от другой женщины. Мать хотела найти его, и нас просила. У меня сохранилась фотография этого мальчика. Эта женщина тоже из арестованных.

С.В.: Она была русская?

В.П.: Я не знаю, но, наверное, белоруска, потому что уехала в Белоруссию.

С.В.: А вы связь потом поддерживали с братом?

В.П.: Нет, мы не нашли его.

С.В.: Когда был реабилитирован ваш отец?

П.В.: Месяц не помню, но это был 55-й год.

С.В.: После реабилитации, как складывалась жизнь отца?

В.П.: Он очень хотел работать. Он привык всегда что-то делать. Знаешь ведь, какой у абхазов образ жизни, когда хотят – встают, куда хотят – идут. А он любил режим, дисциплину. Он был настоящим, хорошим абхазом. Был хорошим оратором, наездником. Любил хлебосольство, не было такого, чтобы люди не собирались раз в неделю у нас.

Помню, когда они с мамой вернулись, мы бычка зарезали. Полный двор людей был. Я запомнил один эпизод, как пришел человек к нам в дом. И говорит: «Антипа, слава Богу, что ты прибыл». Отец усмехнулся: «Ты, когда я уходил, сказал слава Богу, и когда я вернулся, говоришь слава Богу. Когда скажешь правду?». А кто-то сказал: «Он и тогда правду не говорил и сейчас не скажет».

С.В.: Каким вы запомнили отца?

В.П.: Очень ответственным. Когда меня сделали председателем исполкома, я шесть месяцев не ездил домой. Как-то пришёл отец, посмотрел на меня и говорит: «Вова, ты, правда, председатель исполкома. Работай, работай честно». Не любил он этих взяточников, аферистов.

Собеседник – Джансух Губаз
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 8.10.2020 г.
Транскрибировано: 29.10.2020 г.

С.В.: Расскажите немного о себе.

Д.Г.: Я – Джансух Шатугович Губаз. Мой отец женился на Тарба Марии Чуховне, она дурипшская. У ее отца Тарба Чуха было шестеро дочек, четверо сыновей. Моя мать – самая старшая сестра…

В Мгудзырхуа у него был большой участок, на котором рос хороший виноград «изабелла», двести-триста корней. Он продавал вино в Сочи. Где-то в 1925 – 1926 году он построил дом в Сухуме, рядом с базаром. Там тогда было болотистое место. Было мало домов. И вот он построил двухэтажный дом.

Нас трое было – две сестры и я. Младшая сестра Нора – кандидат наук по политэкономии, в университете работала. Она умерла лет пять назад. Старшая сестра преподавателем работала в четвертой средней школе там, где я учился.

Проклятый 1937 год. В тот год забрали отца. Это было летом. Мы приехали в Мгудзырхуа. Я очень любил с отцом спать, мне было тогда два с половиной года. Мы на балконе спали вместе в обнимку. В этот момент вырвали меня у отца и увели. Все. Я ничего не помню, мне мама рассказывала.

Пришли, сказали отцу: «Пойдемте с нами, надо допросить вас». Это было где-то в три часа ночи. Забрали его с концами. Больше мы ничего не слышали о его судьбе. Мама говорила, что искать его опасно. Говорят, что отца расстреляли там, где Гумистинский мост.

Потом создали документ, мол, он – изменник родины, вменяли покушение на Сталина и т.д. Тогда ведь было решение тройки, надо было за что-то зацепиться, за что уничтожать людей. Я отца почти не помню, я стараюсь вспомнить и смутно припоминаю, как приезжали в деревню Мгудзырхуа и он на лошадь меня сажал.

С.В.: Мама пыталась найти отца?

Д.Г.: Дядя мой, мамин брат, в Гудауту приезжал, спрашивал, но никто ничего не знал, никто ничего не говорил. Потом каким-то образом через знакомых в МВД узнали, что на второй день, а может, и в ту же ночь, когда его забрали, отца расстреляли…

Остались тогда мы одни с матерью, трое детей. Я был маленький, старшей сестре лет семь, а младшая Нора только родилась.

С.В.: В вашей семье было принято говорить на эту тему?

Д.Г.: Нет, ты что! Мама знала, кто отца предал, но нам не говорила очень долго.

С.В.: И сказала, кто донес на вашего отца?

Д.Г.: Да. Как же я его не помню! Когда мы приезжали, он, знаешь, как хорошо относился к нам. Он меня приглашал (сволочь), у него пасека была дома, кушать мед. Как-то переел я меда, мне плохо было. И вот мне сказали, М. отца посадил и тебя убьет (смеется).

Потом мы жили в Сухуме. Мать была инвалидом, у нее была подагра, суставы болели, ничего не могла делать. Нас трое. Старшая сестра и я пошли в школу, младшая еще маленькая, средств к существованию не было. Помогал нам здорово дядя – мамин брат Тарба Киби. Он ночью приезжал, привозил муку, фасоль, что-то еще такое в мешке, оставлял в подвале дома, где мы жили. Он к нам не поднимался. Боялись. Такое было страшное время. Тетя моя, сестра моего папы, была замужем в Эшерах за Агрба. Она тоже очень рисковала, приезжала, что-то привозила. Помогали как могли. Даже я помню, дядя рубил деревья и привозил дрова нам. Так мы кое-как и жили. Он уговаривал мою маму поехать в Гудауту. Но она говорила: «Как бы не было сложно, это ведь их дом, дом их отца. Как я могу бросить и уйти! Мы должны остаться здесь. Дети должны учиться здесь, закончить школу». В комнате у нас мешки стояли. Мы спрашивали у мамы, это что за мешки. А она говорила, эти мешки нужны кому - то, придут возьмут. Мама уже вещи собирала. Эшелон на вокзале стоял, людей забирали в Среднюю Азию. Она готовилась, в том-то и дело. Если пришли бы, сразу забрали бы нас. Слава богу, миновала нас эта опасность. Никто за нами не пришел.

Так вот мы и жили. Трудно было жить, очень трудно. Благодаря нашим родственникам мы выжили.

Когда я был в 6 – 7 классе, старшую сестру (она тоже в этой школе училась) оформили пионервожатой в школе, потому что директором этой школы сосед был наш. Он нас знал, пожалел нас. Он был грузином, но пожалел. Она получала какую-то зарплату.

Я занимался спортом, потом стал заниматься музыкой. Когда я утром уходил в школу, портфель был в правой руке, в левой руке – спортивный чемоданчик, а на шее – тромбон (я в духовом оркестре играл). Так я шел в школу, оттуда в музыкальное училище, затем на спортивную площадку. Занимался я баскетболом, за сборную играл. Я на первенство Союза ездил.

К чему я это говорю? Я вижу, тебя интересует личная жизнь. Был такой момент, в четвертой школе педагог организовал духовой оркестр, тогда в Абхазии еще нигде его не было. Я играл на тромбоне. Нас приглашали на торжественные мероприятия, оркестр играл, когда кричали: «Да здравствует Сталин!» Мы какие-то ритуальные вещи разучивали, чтобы похороны обслуживать. Оркестр тогда престижным считался. Мы играли музыку, потом приглашали нас фасоль кушать. Это нам понравилось, ученики, бедные, никто ничего не имел. Они платили нам деньги, сторублевые.

Это хорошие деньги были. Я не знал куда их деть, маме не показывал. Помню, мама к новогоднему столу начала готовить. Кто-то курицу принес, она мамалыгу делала. Я решил дать ей деньги на продукты, протянул ей. Она увидела деньги, готова была меня убить. Кричала откуда я их взял, хотела их порвать. Я убеждал ее, что заработал. Пока я ей все объяснил, она несколько раз в лице поменялась: сначала покраснела, потом почернела. Позже меня пригласили в драматический театр на работу, в оркестр. Спектакли обслуживали. Я, ученик седьмого класса, получал зарплату.

С.В.: Как относились к вам в школе?

Д.Г.: Я единственный абхазец был. Кто-то сказал моей сестре, что один абхазец учится там. Это был Лорик Маршания. Эта русская школа была, много греков училось, армян, но большинство грузин. Я так обрадовался, что нашел его. Я подошел к нему и говорю: «Уара уаҧсыуоума?», «Что?» – спрашивает он. Я переспрашиваю: «Ты абхазец?» Да – говорит, – я Маршания. По-русски со мной говорил». Потом я на него посмотрел, думаю, что-то не то. Мы редко с ним встречались, не виделись почти. Он как-то не оправдал себя. Так что я единственный абхазец, который учился там. Ребята одноклассники хорошо относились. Помогали друг другу, вместе домой ходили, занимались, уроки делали. У меня товарищ был, Какуберия его фамилия, недалеко от меня жил. Он математику хорошо знал. А я не дружил с математикой. И перед экзаменами к нему ходил, занимался. Вот такие взаимоотношения были у нас.

С.В.: Отца реабилитировали?

Д.Г.: Да. Где-то в 1965 году.

С.В.: Расскажите немного о своей профессиональной карьере?

Д.Г.: После окончания школы я мечтал стать летчиком. Тогда шел отбор среди выпускников Абхазии для летного училища. И меня включили в список. В Тбилиси мы должны были пройти комиссию. В поезде представитель военкомата, который нас сопровождал, сказал мне: «Слушай Джон, если спросят тебя по поводу родителей, скажи, что твой отец умер». Я не понял, что он имел в виду, конечно, отец умер, его ведь расстреляли. И когда приехали в Тбилиси, меня вызвали на комиссию и кто-то спросил: «Как фамилия? Кто твои родители?», я сказал: «Отец мой репрессирован». Потом я только понял, что сделал. Конечно, меня не пропустили.

Меня зачислили в наш университет на историко-филологический факультет. В 1953 году многие мальчики приехали поступать, но не смогли пройти. Ректором был Хурцизде, его сняли, сделали Хонелия Акибея.[1] А он абхазцев всех собрал и зачислил в университет. Почти половину были абхазцы, абхазский сектор создали на этом курсе. Потом я стал секретарем факультетского бюро комсомола, общественную работу проводил. Меня

[1] Акибей Фуатович Хонелия (1906 – 1989 гг.) – кандидат исторических наук, ученый, общественный деятель.

в городской комсомольской организации уже знали. Они меня на последних курсах взяли внештатным сотрудником обкома комсомола. И после окончания института меня сразу же взяли в горком комсомола завотделом. Потом послали в Гудауты. Тогда секретарем обкома партии был Бгажба Михаил Тимурович. В то время если сказали, надо было выполнять. «Нет» нельзя было говорить. Около полугода поработал.

Затем приехал в Сухум, начал работать секретарем горкома комсомола. Лет через пят-шесть перевели в горком партии, позже сделали председателем спорткомитета Абхазии. Это было в 1966 году. Вместо Хикуба Раждена[1] назначили. Рекомендовали как спортсмена, проработал я на должности председателя спорткомитета Абхазии пятнадцать лет. Тогда уже был подъем спортсменов высокого класса. Появились такие спортсмены, как Санеев, Маршания, Хутаба, мастера спорта, чемпионы Союза, Европы, мира и Олимпийских игр по разным направлениям – по борьбе, по штанге, потом по стрельбе, которые участвовали за сборную Советского Союза на Олимпийских играх. И в Спорткомитете СССР ставили уже нас в пример. Были союзные республики, у них не было столько спортсменов, как у нас в Абхазии. Вот, поезжайте в Абхазию и посмотрите, как там спортсмены готовятся, говорил Павлов (Председатель Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР. – **С.В.).** К нам было всеобщее внимание, приезжали специалисты, смотрели как мы здесь готовимся, начали помогать, строить республиканский стадион, водный бассейн. В Эшере была Олимпийская всесоюзная спортивная база. В Абхазию стали приезжать спортсмены, они готовились здесь, а потом выезжали на соревнования. В качестве руководителя спортивных делегаций мне удалось побывать в Америке, Японии, Австралии, очень много стран объездил.

С.В.: Вернемся к теме отца. Как дальше сложилась жизнь того, кто донес на него?

[1] Хикуба Ражден Ксисович (1927 – 2015 гг.) – государтсвенный и общественный деятель.

Д.Г.: Знаешь, Саида, в тот напряженный период жизни ничего нельзя было говорить лишнего, даже между собой боялись. Я порой даже забывал, что у меня отец был. И когда мы, товарищи, собирались и кто-то говорил, что его отец сделал для него, я завидовал им, завидовал тем, у кого отцы. Я думал, если бы мой отец со мной был, каким бы я стал. В тот момент я начинал чувствовать, кем бы был отец для меня.

С.В.: А когда времена изменились, мама что-нибудь рассказывала вам?

Д.Г.: Мама настолько у нас запуганная была, когда затевали разговор по поводу людей, которых репрессировали, она уходила от этого разговора. Вообще ничего не рассказывала, и про отца ничего не говорила. Единственное, сказала, кто выдал нашего отца. По словам матери, при жизни отца приходили к нам домой в Сухуме, его очень уважали. Никого никогда не обижал, всегда всем хотел помочь. Он очень хотел, чтобы наша нация стала большой. Наша жизнь не очень сладкая была, но мама все выдержала и вырастила нас…

С 1987 года до начала войны 1992 года я был мэром города Сухума. Накануне войны я находился в Испании со спортсменами, был руководителем группы. Там я заболел. Кое-как привезли в Москву. Когда я лежал в московской больнице, мне сказали, что в Абхазии война началась. Когда я приехал в Гудауты, уже не смог работать, ушел. После войны меня избрали председателем Сухумского городского собрания, там я поработал года два. Когда президентом стал Багапш Сергей Васильевич, он меня взял к себе в аппарат. Это последнее место моей работы. Я не о чем не жалею. Правда, в жизни своей, я с такими препятствиями, трудностями столкнулся. Я просто карабкался в жизни, но все равно добивался своего. Я духом не падал. Что только не случалось со мной, все равно я думал, нет, пойду дальше! Не знаю, может, потому что ко мне хорошо относились, во мне не сомневались – в моей добросовестности, честности. Это то, что у меня было. Это многие руководители знали, потому со мной и считались. Ну, теперь отдыхаем.

Собеседник – Диана Ахба
Транскрибировала – Саида Возба
Дата записи: 25.02.2021 г.
Транскрибировано: 5.03.2021 г.

С.В.: Расскажите немного о себе.

Д.А.: Я, Ахба Диана Владимировна. Заведующая отделом истории и средних веков Абхазского государственного музея. В моей семье есть репрессированные с маминой и папиной стороны.

С.В.: Диана, как вы начали заниматься этой темой?

Д.А.: Арда Инал-ипа предложила. В тот год было 50-летие со дня начала репрессий. Мой отец очень переживал за меня, потому что я одна на обычном транспорте ездила по селам, городам, собирала воспомиания репрессированных. Могла поехать в Бзыпту, Гагру, чтобы найти очевидцев.

С.В.: Диана, в вашей семье говорили о репрессиях?

Д.А.: Никогда об этом не говорилось. Папиного отца Ахба Шараха Сулеймановича в 1937 году посадили. Дедушка был очень образованный, он в церковно-приходской школе учился в Лыхны. Младший брат дедушки Бирам в милиции работал. Бирама сразу забрали, расстреляли в Тбилиси. А дедушка сидел в Дранде. Бабушка пешком ходила 18 километров. Он месяца два-три был там, потом его в Новосибирск отправили в Красноярский край, Абанский район. Деревня называлась Воробьевка. С ним находился еще Сабуа Шаиб. Когда умер Сабуа Шаиб, дедушка мой его похоронил и написал письмо его сыну, что его отец ни в чем не виновен, что справедливость восторжествует. Он всегда говорил об этом.

Жил он как вольнонаемный, где-то комнату снимал. Из Абхазии родные посылали деньги, чтобы дедушка за комнату платил, продукты и лекарство. У него появились близкие друзья – Чхеидзе и Маркосян. Они очень дружили. Чхеидзе был фотохудожником, там он и женился. Когда дедушки не стало, он писал нам письма. И они сохранились. Последнее письмо Саида

Делба[1] у меня перед войной забрала, хотела в своей работе использовать. Война началась, она погибла, письмо затерялось.

Я помню, как Чхеидзе в письме писал: только такие орлы, как сыновья Шараха, могли останки отца привезти в Абхазию. Он очень теплое письмо написал.

Дедушку освободили в 1947 году без права возвращения в Абхазию. Он приехал в Краснодар. В то время там находился Махли Яков Иосифович, очень близкий нам человек. Мы сейчас как родственники общаемся. Он с дедом сидели. Помню, как Яков Иосифович мне говорил: «Я все сделал, чтобы он не поехал в Абхазию, но я не мог его остановить». Он рассказывал: «Я открыл чемодан и показал, вот я уже заработал для тебя и для меня, оставайся, ты отсюда поможешь семье. А он говорил, там у меня старая мать, жена и пятеро детей. Я должен хотя бы посмотреть на них. Я дал ему деньги, все, что необходимо было». Когда дед вернулся домой, его встретили, накрыли стол. Все пришли его увидеть. Близкие деда приехали к нему, хотя он предупреждал не делать этого, так как понимал, какие могут быть последствия.

Дед говорил: «Не надо, я политзаключенный, у вас будут проблемы». А тогда Лолуа Родиона назначили прокурором Абхазии, на второй день должен был приступить к своим обязанностям здесь (Сухум. – **Авт.).** То есть у него был последний день работы в Гудауте. Всех, кто был у деда, судили. Лолуа Родион пострадал, вообще без работы остался. А Датико Ахба сказал в суде: «Меня разве можно было остановить? Я столько лет не видел брата». Всех с работы сняли, выговор дали и из партии исключили. Дедушка, конечно, обратно не уехал.

Бабушка, когда его увидела, спросила: «А где твой младший брат. У меня в сердце было два гвоздя: один вытащили, а второй остался». Прабабушка кушать перестала. Очень тяжело это переносила. Дедушку второй раз забрали. Его предупреждали, что за ним придут, чтобы он спрятался, но он не стал этого делать. Первый раз его увозили вместе с Ачба Нахарбеем. Дедушка

[1] Делба Саида Бадровна (1965 – 1992 гг.) – абхазская поэтесса, журналист, публицист. Лауреат Государственной премии им. Д.И.Гулиа Республики Абхазия.

забыл пальто, и папа, ему было 11 или 12 лет, побежал (сколько пережили наши родители, бедные), начал кричать: «Папа, папа, упалта иухаштит» (папа, папа, пальто забыл. – **Авт.**) Дедушка не повернулся, а Нахарбей вышел, поцеловал его и взял пальто. Это мне брат рассказывал и слезы у него по лицу катились. Такая трагедия. Дедушка жил в Красноярском крае до 1951 года и заболел раком желудка.

С.В.: Вам известно, кто донес на деда?

Д.А.: Мой брат очень хотел, чтобы мы узнали. Я держала в руках материалы архивные, но не смогла открыть. Папа все знал, но ничего не сказал. Для него эта тема закрытая была. Вообще, когда я начала ею заниматься, у него была истерика. Он говорил: «Хватит, что мы перенесли. Мы не знаем, что может произойти, вообще, не говорите на эту тему».

С.В.: Сколько было отцу, когда его не стало?

Д.А.: 80 лет. Было очень тяжело. Родственники дедушки постоянно помогали. Ночью они привозили вещи, еду. Ахба Махты напротив нас жил, дедушкин троюродный брат, он до последнего помогал, бабушка рассказывала. Я как дедушку его знаю. Если, к примеру, он приносил хлеб, то большую часть отдавал нам. Так мы выжили, но очень тяжело было. Мой дядя, младший брат отца, в 46 лет умер.

В 1951 году дедушка умер. В 1955 году папа полетел в Красноярский край, Ачба и Аргун помогли ему. В 1961 году он с младшим братом снова поехал туда. Одна женщина сказала: «Вот вы, абхазцы, мы своих живых не можем найти, а вы своих покойников ищите». Там тоже были какие-то грузины, которые очень помогли. У Шамиля Николаевича Лакоба[1] был друг, он был прокурором, вот он по просьбе Шамиля чемодан с костями в самолет положил… Вот так они привезли останки дедушки. Захоронили, но ни плиты, ничего не было. Вот, сейчас думаем, может сделать? Тогда нельзя было по обычаям…

[1] Лакоба Шамиль Николаевич (1929 – 1997 гг.) – засл. юрист ГССР помощник прокурора по уголовно-судебному надзору Абх.АССР (1956 – 1958 гг.) пред. Верх. Суда Абх. АССР (1974 – 1978 гг.), мин. юстиции Абх. АССР (1979 – 1992 гг.)

Мамин отец, Авидзба Миктат Камшугович был председателем сельсовета села Куланырхуа, потом объединенного Куланырхуа – Абгархук. Ему было 43 года, когда его забрали в Тбилиси. Четверых детей имел. Его расстреляли, подробной информации не имею. Мама помнила, как его забирали…

С.В.: Ваш отец говорил на эту тему?

Д.А.: Вообще, не вспоминал. Когда приходили братья отца, все пели песню дяди Бирама. Я была маленькая, но запомнила. Папа, Датико, Ражден, Махты и Ваня. Пять человек, как красиво они исполняли песню Бирама. Этот отпечаток в душе, конечно, остался.

С.В.: Диана, вы наверняка думали о том, как период репрессий повлиял на всю вашу семью?

Д.А.: Повлиял очень. В школе плохо относились. Я не могу забыть одного. Когда я училась в школе, у меня была одноклассница, которая меня называла внучкой троцкиста. Мне неприятно это вспоминать. Поколению того времени многое испытать пришлось. Мне так жалко родителей. Когда первый раз я статью написала «История двух писем, забывайте меня скорее», мне звонили, плакали. Тогда сорок дней было как умер наш родственник, и папа там прочел эту статью. У меня такое чувство было, что читала вся Абхазия. Мне все звонили. Впервые ее опубликовала в «Нужной газете» Надя Венедиктова.

С.В.: Сколько маме было лет, когда ее отца забрали?

Д.А.: Два с половиной года. А отцу моему было двенадцать, когда отца его арестовали. Помню, мы что-то смотрели по телевидению, папа расстроился, у меня тоже слезы пошли, а мама мне говорит: «Что ты плачешь? Вы выросли в хорошее время». Она рассказывала, что ее брат всю Великую Отечественную прошел. В 1944 году погиб. Он был ранен и лежал в Новороссийске. Бабушка взяла маму (ей было 11 лет) и поехала в Новороссийск. Они (врачи. – **Авт**.) ей сказали, что вчера из госпиталя ушел. Бабушка, бедная, села на лестницу и начала плакать, рассказывала мама. Она не могла забыть эту сцену. И всю жизнь она вспоминала об этом.

Собеседник – Зураб Агрба
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 8.11.2019 г.
Транскрибировано: 4.04.2020 г.

С.В.: Расскажите о себе, пожалуйста.

З.А.: Я, Агрба Зураб Захарович. Родился 5 октября 1936 года, сын экс-замнаркома просвещения Агрба Захара Сулеймановича, 1901 года рождения, который был репрессирован в 1937 году. В 1938 году расстреляли отца, обвинили в троцкизме. Перед этим его вызвали в райком партии. Мама рассказывала, как он был расстроен, говорил: «Меня исключили из рядов ВКП(б), на каком основании? Предъявили какие-то статьи необоснованные. Я поеду в Тбилиси за правдой».

Он поехал в Тбилиси, но там его арестовали и через три дня этапировали сюда, в МВД (Абхазия. – **Авт.).** Здесь его мучили, били. Так поступали со всеми, невыносимые условия создавали, держали по колено в воде. Там они оправлялись, эту воду пили, вот и оговаривали себя. Конечно, он реабилитирован полностью, восстановлен в рядах КПСС.

С Шалодией Мадзаровичем[1] мы летали в Красноярский край в Хайрюзовку. Это было в 1987 либо в 1988 году. В его книге «Дьявол с мечом» очень много обо мне написано. Конечно, писатели не могли все факты знать, но есть многое, что было на самом деле. В Красноярском крае были, зашли к одному ссыльному из Зестафони, грузину Кухалишвили. Помню такое деревянное здание, зашли к нему и вдруг Шалодия Мадзарович увидел большой портрет Сталина (органически его не переваривал). Наверное, метра два высотой, стоит с жезлом, смотрит. Шалодия мне говорит: «О, Заур, ари закәи? (так меня по-домашнему называли). Мы к дьяволу приехали». И спрашивает Кухалишвили: «Вы что можете сказать про Сталина?». «Ооо – говорит, – Сталин был великий человек». «Как великий?» Перестрелял всю Абхазию. И грузинов интеллигентов уничтожил», – Шалодия сказал. «Это не правда», – тот ответил. Представляете, он 25 лет получил, и оправдывал Сталина. Вот такие они фанатики, буквально каждый второй. Я к чему говорю, у Шалодиа давление поднялось до 200. Вызвали врача из лагеря, приехала скорая, три укола сделали и все – в норме. Мы туда приехали, чтобы в музее найти какие-нибудь документы, которые говорили бы о наших патриотах, сосланных по решению тройки НКВД. Прежде чем писать эту книгу он должен был увидеть все своими глазами, чтобы книга была объективной. Мы ехали туда шесть часов в сопровождении двух охранников.

[1] Шалодия Мадзарович Аджинджал (1932 – 2015 гг.) – абхазский писатель, драматург, киносценарист, журналист, государственный деятель, народный писатель Абхазии.

У Шалоди все подлинное. Он беседовал с директором музея, собрал материалы, документы. Мы объездили места, где когда-то репрессированные сидели. Там начальником общественного порядка был генерал-майор Ульянов. Он нас лично сопровождал. Мы не знали, что там преступность большая. Бывшие зеки, которые отсидели 15–20 лет, остались там. Нутро у них осталось таким же.

С.В.: Что вы для себя там открыли?

З.А.: Мы все места объехали. Я для себя открыл ужасы сталинского режима. В каких условиях заключенные жили. Когда их туда привозили, говорили им: вот вам топор, пила, гвозди. Сами стройте, обустраивайтесь. Очень много абхазцев было.

С.В.: Как долго вы находились в Красноярске?

З.А.: 12 дней. В то время я был директором оптово-розничного объединения, связанного со стройматериалами Абхазии. Шалодия Мадзарович знал, что у меня там свой рабочий наряд. На лесоповале работали бывшие зеки, которые на постоянное время остались там. И Шалодия мне сказал: «Заодно узнаем все места, перемещения тех, кого репрессировали».

Мы с Шалодией друзьями были. Я свои дела сделал, а он собрал богатый материал. В этой книге все написано. Нахар Абухба там сидел. Моего отца здесь (Абхазия. – **Авт.**) уничтожили – в подвале СГБ. Его никуда не ссылали, его из Тбилиси прямо сюда (Абхазия. – **Авт.**) привезли, здесь пытали, расстреляли. Не знаю, где его кости. Привез бы, перезахоронил.

С.В.: В чем его обвиняли?

З.А.: Агент немецко-английской разведки, сподвижник Нестора Аполлоновича.

С.В.: Сколько вам было лет, когда отца забрали?

З.А.: Мама рассказывала, что за отцом, когда пришли, я в люльке лежал. Грек был один, ярый фашист. Начал все выбрасывать, что-то искали, нашли 600 рукописных машинописных листов. Их забрали, пистолет, ружье, имущество конфисковали… Книг очень много было у отца, он тбилисский университет закончил, аспирантуру. Неизвестно, где его рукописи. Когда они зашли, начали кричать. Мама спрашивала: «Что вы кричите! Маленький ребенок дома, мой Зурик». Шофер телефон вырвал. Хамски себя вели, как гестаповцы. По-моему, гестаповцы у них научились, как надо обращаться с патриотами.

С.В.: Сколько было человек? Мама рассказывала?

З.А.: Четыре человека, два следователя, водитель и еще один.

С.В.: Что было дальше?

З.А.: Квартиру конфисковали. Мы квартиру не смогли вернуть. Необходимо было предоставить документы, но где эти документы, все уничтожили. Маму из института выгнали. Она написала жалобу и ее через какое-то время восстановили. Дали возможность закончить. Она родилась в селе Отхаре. Мама у меня была Ломджария Маргарита. Чисто говорила по-русски, по-абхазски, по-английски. Преподавательница русского языка и литературы была. Ее отец грузин – Диамит Сакварелович – начальник почты, большой патриот был, а мама у нее – абхазка была.

С.В.: Как относились к вашей семье?

З.А.: По словам мамы, относились ужасно, обходили маму стороной, боялись. Она говорила, если бы она контактировала с папой, ее тоже могли посадить. Вообще, не здоровались ближайшие соседи, родственники, боялись, потому что за членами семьи репрессированных нквдэшники вели надзор. Ужасная обстановка была.

Дядя Дзыгу отцу еду возил на поезде в Тбилиси. Его дней 10–15 держали в СИЗО. Между прочим, я тоже в этой тюрьме

сидел, только разница в том, что его расстреляли, а я выжил. Понимаете, такая у меня судьба. И никто об этом не знает. И вот мама рассказывала: «Зурик, сынок, твой отец таким авторитетом пользовался у крестьян, был очень скромный. Из семи душ детей он один имел высшее образование. Он даже паек, который получал, не брал, оставлял бедным».

Я родился 5 октября, сейчас мне восемьдесят четвертый год пошел, я спортсмен. Первый чемпион Абхазии по вольной борьбе, первую Спартакиаду выиграл, потом за сборную Абхазии играл. Прожил большую жизнь. И тюрьму видел, и участник национально-освободительного движения, один из подписавших Лыхненское обращение 18 марта 1989 года…

… Я пять лет ходил в грузинскую школу. Тогда ликвидировали абхазские школы, абхазский алфавит, все было на грузинском. Это были 1940 годы. Пять лет в черохах ходил. Я помню первую бомбардировку в Сухуме в 1942 году. Я видел, как строили дорогу пленные немцы после войны. По дворам ходили участники Великой Отечественной войны, один армянин ходил с двумя мешками, продавал швейные иглы и ружья. Кстати, и у меня ружье сохранилось как память, трехстволка. Уникальное, я как зеницу ока берегу это ружье. Это память о дяде Дзыгу (Агрба Дзыгу Сулейманович. – **Авт**.), который меня воспитал. В 1953 году я уже переехал в Сухум.

Отец просил дядю о том, чтобы я получил высшее образование, просил воспитать меня достойным человеком. «Если этот потолок в чем-то виноват, значит, я тоже в чем-то виноват». Это были слова отца. Отобрали все, маму выгнали, я остался бесхозным. Мой дедушка посадил меня на плечи, как сегодня помню, и мы по железной дороге пошли домой. Дедушка умер во время войны. Мама уехала в Тбилиси, там вышла замуж. Она была молодая, красивая. Год всего лишь жила с отцом, потом его арестовали, расстреляли. Я ее ни в чем не обвиняю, это судьба.

Когда мама вернулась, я с ней жил. С шестого класса стал ходить в новую третью среднюю школу, еще занимался борьбой. Полуголодный, полухолодный. Мать работала в нескольких местах. В библиотеке работала, преподавала в индустриальном

техникуме русский язык, она заслуженный педагог Абхазской АССР. Я от нее очень многому научился. Я поступил в Московский заготовительный техникум, как сын реабилитированного. Три года я учился, получил квалификацию «товаровед пушно-мехового сырья». Хотели отправить меня на Командорские острова, расположенные рядом с Соединенными Штатами, товароведом пушно-мехового сырья и кожевенного, для разведения голубых песцов в звероводческом хозяйстве. Стал проситься в Абхазию. Затем заочно поступил в Московский кооперативный институт. Я товаровед высшей квалификации по промышленным товарам. В техникуме я учился в 1956 – 1958 году, оттуда меня в армию забрали.

Девять месяцев было мне, когда отца в феврале 1938 года расстреляли. Мама говорила, если прохожу мимо МВД нынешнего, у меня волосы дыбом встают. Мама дружила с мамой Якуба Васильевича (Лакоба. – **С.В**.) тетей Зиной, которая жила рядом с санаторием МВО. Все эти ужасы тетя Зина помнила, как арестовывали отца, как пришли из НКВД.

С.В.: Когда мама ходила в МВД к отцу, встречалась ли она с ним?

З.А.: Да, один раз встретились. Он рассказывал о том, как его избивает надсмотрщик. На абхазском говорил ей, что он терпит, как по колено в воде стоит. Пытали ужасно, под ногти иголки втыкали, сутками не кормили, ночью поднимали, вообще спать не давали. Крики их были слышны. Мама рассказывала со слов отца, как мучили других в подземелье МВД. Это ужас. Мерзавец Пачулия, которого Берия назначил, руководил всеми этими операциями. Потом его посадили в Тбилиси, его надо было расстрелять. Сейчас родственники на могилу цветы носят, знают, где кости. А наши где, никто не знает. Отцу было 36 лет.

А в 1989 году меня арестовали, перевели в Артачал, где я в одиночке шесть месяцев сидел, потом перевели в общую камеру. В тюрьме мне очень пригодился грузинский язык.

С.В.: За что вас посадили, в чем обвиняли?

З.А.: Эпоха была смутная. В 1989 году вы знаете, что в Абхазии творилось. Мы требовали восстановить справедливость и вернуться к Конституции 1925 года.

С.В.: Кто составлял обращение?

З.А.: Тогда был Алексей Гогуа, Эбжноу Рауф, Шамба Сергей, патриоты наши из Народного форума Абхазии «Айдгылара». Как отмечал выше, меня арестовали в 1989 году. Тогда я работал генеральным директором оптово-розничного объединения по торговле лесными и строительными материалами. Помню, как приехал заместитель начальника УБХСС МВД Грузии Квирая. Анонимка пошла на меня, что я деньги собирал у грузин для абхазских сепаратистов. Многих тогда арестовывали. Якобы мне завскладом давал деньги.

Произвол чистый был, Президиум Верховного суда АССР полностью отменил решение Гулрыпшского суда, меня оправдали. Есть решение Верховного суда. Председателем был Аргун, он хороший был мужик. Сидел я год с чем-то.

С.В.: Какое отношение к вам было?

З.А.: Я не хочу утрировать. Нормальное отношение, они поняли, что дело имеют с интеллигентом. Мне давали возможность читать. Помогите нам, говорили мне, хотели выудить информацию про Ардзинба, Чалмаз, Кобахия, Озган. А я говорил, я коммерческий работник, я их знаю как руководителей, но близко не знаком с ними. Не могли ничего от меня узнать.

С.В.: Как репрессии сказались на вашей дальнейшей жизни?

З.А.: Нас опасались. Нас просто сторонились некоторые. Мы ощущали себя обездоленными, бесправными. Вот такая история у меня. Когда отца реабилитировали, конечно, уже по-другому стали относиться.

Собеседник – Лиана Хашба
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 21.09.2020 г.
Транскрибировано: 8.10.2020 г.

С.В.: Расскажите немного о себе.

Л.Х.: Я, Лиана Ермолаевна Хашба, родилась в городе Ткварчели в 1950 году.

Школу в Ткварчели закончила, в 1967 году в Институт субтропических культур поступила, на технологический факультет. Закончила, замуж вышла. Мой отец Хашба Ермолай Чучиевич родился в крестьянской семье. У него было четыре брата, три сестры. Отца посадили в тюрьму, из партии исключили. Первый раз его арестовали в 1936 году выездной сессией специальной коллегии Верховного суда Грузинской СССР под председательством Лежава.

Он попал в Ташкент, Узбекская СССР, Курганский район, хлопковый завод имени Сталина, лагпункт 15. Хутор 6. Затем его за мягкостью обвинения отозвали в Сухум. В Сухуме, когда судья зашел, отец рассказывал, они с товарищем еле на ногах стояли. Судья, когда посмотрел на них, сказал: «Вашего дела нет. Но если я вам не добавлю, другие больше добавят». Отцу два года дали и пять лет поражения в правах. Сослали его по 58-й статье как троцкиста. Он сидел три года.

С.В.: Что он рассказывал?

Л.Х.: Ему неприятно было вспоминать об этом. Он в больницу попал в Тбилиси, а из Тбилиси отправляли по лагерям. Он рассказывал (нервничаю), как пришли практикантки из медицинского института, делали им уколы. Отец рассказывал, когда практикантка делала укол, иголка была такая толстая и большая, что стало больно. Девушка увидела, что у него слезы пошли, иголку вытащила. Отец рассказывал, что в ту ночь ему было так плохо, он умирал от холода, аж на кровати подпрыгивал. У него высокая температура была. Все, кому сделали уколы, умерли. А он живой остался. И так было еще раз. Его медсестра предупредила, что ему опять назначили этот укол, но она сделает ему малую дозу. Видимо, какое-то лекарство они на них проверяли. Когда его высылали, это было в Акуаскье, он сидел на одеяле, которое было вшивое. Но боялся его куда-то выкинуть, потому что к этому тоже могли придраться.

Отец рассказывал, как они ковырялись в мусоре, искали рыбные кости и высасывали их. Конечно, условия были ужасные. Когда он вернулся, его высадили с поезда в Акуаскье, у него даже сил не было самому выйти. Наверно, бог на него посмотрел, и он остался живой.

Кто-то проезжал на лошади, отец его узнал, а он нет. Спросил: «Уарбану уара, идырҙыз уоума?» (Ты кто? Тот, кого сослали? – **Авт**.)

Отца подняли на руки, так как он не в состоянии был идти, и отвезли домой. Тетя Гугуля сразу в Пакуаш родителям послала весточку, что он вернулся. Она его скупала, умыла, побрила, а вещи его сожгла. Он всю жизнь ей был благодарен. Он очень долго отходил от этого всего, потому что очень истощённый был, одна кожа и кости были. В 26 лет он без зубов остался. Еще и никуда не брали на работу.

Уже в 1942 году ввиду того, что кого-то призвали на фронт, его сделали заведующим базой шахтострой в Ткварчели. Много лет прошло, а говорили, это база Ермолая. Все газеты, журналы, книги, которые выходили в Абхазии, покупал папа. У него была прекрасная память. Что не спросишь все знал, про Лыхненское восстание, про генерала Коньяра. Историю Абхазии хорошо знал, только не дали ему учиться. Ему было 86 лет, когда его не стало. Я не помню, чтобы он когда-нибудь болел.

С.В.: Какой у него был рацион, чем питался?

Л.Х.: Он очень мало ел. Ему дай мамалыгу, ахартцәы – кислое молоко и все. Ему было достаточно. Он очень в еде был неприхередливый. Может, это и сказалось. Во всяком случае, он хорошо жил.

С.В.: Давал ли он вам какие-нибудь наставления?

Л.Х.: Для него учеба была на первом месте. Хотел, чтобы я училась и была здорова.

С.В.: В вашей семье говорили о том, что ему пришлось пережить?

Л.Х.: Нет

С.В.: Откуда у вас вся информация?

Л.Х.: Из бумаг отца. Знаете, за неделю до смерти он у меня был. В 1984 году мы с мужем с Украины переехали и жили в Новом районе. Папа решил к нам приехать. Сел в троллейбус и там встретил того, кто на него донес. Папа его узнал, подошел к нему. Доносчик его увидел и говорит отцу: «Ты живой, Ермолай?». Он пытался побыстрее выйти из троллейбуса.

С.В.: Что вам особо запомнилось из того, что отец рассказывал?

Л.Х.: То, что ему уколы делали, а они были смертельными. Обязательно об этом нужно говорить, обязательно. Такая жизнь была, все боялись друг друга.

С.В.: Вы чувствовали, что у отца был какой-то страх?

Л.Х.: Мне, кажется, был. Он мог в Сухуме дом купить, но не покупал. Он с милицией не хотел связываться. Он знаете, что говорил, когда люди слышали, что к ним пришли из НКВД, они в обморок падали, потому что так боялись, такой был страх.

Бедная тетя Шура рассказывала: «Ермолай не писал, нельзя было писать. Мы в руки воду набирали и ходили вокруг дома, если вода не выльется, значит, Ермолай живой». Примета была такая.

С.В.: Ощущали ли вы на себе, что вы дочь репрессированного?

Л.Х.: Нет, такого уже не было. Я ведь в 1950 году родилась. Но это было в то время, когда Берия убрали. Эта сволочь ушла. Ужас, какое время было.

Собеседник – Лилиана Василиади
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 26.03.2017 г.
Транскрибировано: 3.04.2020 г.

Л.В.: Я, Лейла Ивановна, дочь Аббас-оглы Адиле Шахбасовны. Мы с братом родились в ссылке. В 1937 году моя мама как член семьи Нестора Лакоба попала в тюрьму.

Она в 19 лет была репрессирована, отсюда из Абхазии отправили в Артачал в Тбилиси. Она там сидела, как и все члены семьи Лакоба, камеры рядом находились. Не буду все рассказывать, какие ужасы, трудности перенесли. Из Тбилиси ее отправляют в Северный Казахстан. В вагонах везли как скотину всех арестованных: политических и уголовников. Это было самое страшное место, Кустанайская область, поселок Бистюба,

не только по климату, но и само место было опасное. Там в основном все умирали от бруцеллеза. Животные умирали, и люди могли заразиться, в такое место отправляли в ссылку людей, и туда попадает моя мама. Каждый этап их выводили из поезда, заставляли на колени становиться, пересчитывали, и вокруг собаки лаяли, и везде конвоиры были, ну как при немцах, можно сказать. Как-то заставили выйти, а у мамы радикулит был, ноги еле-еле передвигала. Самая молоденькая, тяжело было. Рядом шёл пожилой грек, это папин отец. Он увидел, и пожалел ее. Мама уже падала, взял у нее узелок: «Держись, дочка», – говорит. А на него накинулись, стали бить, но он все равно продолжал помогать, поддерживать ее. И получилось так, что они попали в одно и то же место. Их ведь распределяли, он говорил ей, потерпи немножечко, мой сын приедет, он поможет. Грек как иноподданный был сослан. Он жил на Карсе, на стороне российской, но, когда турки преследовали, они всех подряд убивали. Один брат его бежал в Грецию, другой в Румынию попал, а он в Россию. Они в основном крымчане, в Симферополе жили. У него собственный дом был. Он торговлей занимался. В семье было много детей, но по пути пересылки умирали, из семерых остались старшая сестра и папа мой. Потом сестра его вышла замуж и попала на Урал. Ее сослали в другое место. А папа был вольнонаемный, он там в Крыму окончил институт. Был инженером-механиком, очень способный был. Поскольку он имел паспорт российский, он сумел избежать высылки, а тогда высылали иноподданных. Сталин считал, что все шпионы.

Там, в ссылке, дедушка помогал маме, он все время рядом был, он ее успокаивал. Говорил всегда о том, что у него хороший сын. И действительно, когда папа закончил институт, ему дали направление на три года в Южный Казахстан, но он попросился в Северный Казахстан, потому что его отец попал туда. Там они с мамой и встретились. Увидел ее, конечно, сразу влюбился. Она красивая была. Маму как человека все любили. Ей везло, что она имела такой характер, располагала к себе людей. У нее сила воли большая была. Благодаря ей она выдержала все тяготы той жизни: этот суровый климат, этот голод,

холод, унижение. Нужно было такую силу воли иметь, чтобы пережить все это.

Мама так подробно описывает. Так, в Северном Казахстане, в поселке Бистюбе мы родились. Первый брат родился в 1942 году, а уже в 1944 году я родилась. Были жуткие условия, место, даже кустарников не было, сплошные степи. Землянка. Даже зимой закрывала крышу. Стены насквозь промокали, так было холодно. Не хватало топлива. В таких условиях мы родились, конечно, мы болели, витаминов нет, лекарств нет, питания нет. Как, вообще, она с двумя больными детьми могла это все выдержать! Моя мама – герой!

В ссылке она находилась долго, около 10 лет. Как я говорила, отец был вольнонаемным. Через три года он мог уехать, так как закончилась практика. Куда хотел мог уехать, но так как уже с мамой связал свою судьбу, остался с ней. А в 1949 году, когда мы вернулись, в Абхазии его не прописывали. Дети репрессированных не имели никаких прав.

Он в Ткварчельском районе устроился, его очень любили. Он был грамотным, умел чинить машины. Всем помогал. Его уважало начальство… Мне очень тяжело все рассказывать. Вообще, детства у нас не было. Я удивляюсь, как дети здесь могут болеть. Мы в таких условиях диких родились, голод, холод, воды не было, отопления, в трубах вода замерзала. Надо было где-нибудь добыть пищу. Помощи никакой. Мама в ссылке за километр ходила, чтобы воду на коромыслах принести. Она рассказывала, как-то укачала нас, мы лежали ну в такой самодельной люльке. Пока брат качал люльку, видимо, замерз, залез в нее, люлька перевернулась, оба мокрые на полу лежали. И так пролежали бог знает сколько. Мы ужасно жили. Чтобы спасти нас, сохранить нас, она бежала из этой ссылки.

В Казахстане мы с братом заболели. И папе пришлось отпроситься. Отец через начальство попросился перевестись в Южный Казахстан. И когда попали в Южный Казахстан, стало легче. Маленькое хозяйство завели, там коровы были, куры, свиньи, мама занималась хозяйством натуральным. Она была добрая, сердобольная. У нас всегда все собирались, рассказывала мама. Даже посылки, когда приходили, один лимон на 25 частей делили, чтоб всем хватило. Так она всех жалела. Все жили ужасно тяжело.

Когда мы уже приехали сюда (Абхазия. – **С.В**.), мама вспоминала, как во дворе играились… Маму же преследовали, ей же не разрешали здесь (Абхазия. – **С.В**.) жить. Как политически неблагонадежная считалась. Тем более Нестора Лакоба считали врагом народа. Конечно, ее преследовали… Очень тяжело было. Сколько раз мы маму прятали то во дворе, то в шкаф, то в туалете. Это уже 50-е годы были, еще Сталин жив был. Преследовали, говорили, почему она должна здесь жить, пусть уезжает. НКВД преследовало ее. И она уехала из Абхазии.

Каждый за свое место держался. В Тбилиси, видимо, приказ давали, а здесь исполняли. Коммунисты ведь исполняли приказ, виновны невиновны, кто будет разбираться. Мама выжила, потому что на ее жизненном страшном пути находились люди, которые всегда могли оказать какую-то помощь. Добрых людей было много тогда, многие понимали, что это несправедливость, но не каждый мог это высказать. Друг друга люди боялись. Время было ужасное. Машины останавливались и могли забрать. Ужас, говорила, какое время было!

Она в 80-е годы все, что вспоминала, писала. Уже гласность была. Она хотела посвятить свои воспоминания Сарии Лакоба – женщине, которая прошла такие жуткие, страшные страдания, и не выдала, не опорочила мужа. Этой легендарной женщине надо поставить памятник. Они друг друга любили. Невестку она как сестру считала.

Родственники жертв политических репрессий собирались, вспоминали о Несторе, и мама решила сказать, что она хочет посвятить эту книгу Сарии. О Сарии тогда никто не знал, а мама ведь с ней сидела, все видела, слышала. Она рассказывала об этом. Мама прошла тот же путь, но она не прошла через те пытки, что Сария, потому что была иноподданная, а по закону, к иноподданным физическую силу нельзя было применять. Она рассказала об этом. Первый раз, когда она все это рассказывала, по-моему, в 1989 году, все плакали.

Что делали с этими женщинами, через какие пытки они проходили, как над ними издевались! Как тогда рассказывала мама, Сария ни за что не подписывала бумаги, что ее муж враг народа. Сария говорила: «Я ничего не боюсь». Даже когда братьев показали, всех пятерых арестовали, и сделали очную ставку, она не сломалась, такая героиня была! Но в камере однажды она призналась, что ничего не боится, кроме змей. И такую пытку ей устроили, затащили ее в камеру, наполненную водой, и пустили змею. Она почувствовала что-то скользкое и стала кричать. И так она помешалась, и когда ее из этой камеры вытащили, она уже то смеялась, то что-то говорила, то сына звала. Надзиратели все приставали, подпиши, подпиши. И почки ей отбили. Она была в тяжелом состоянии, когда пришли надзиратели и следователи, дали заявление, чтобы она подписала. Сария набралась сил, еле-еле приподнялась, вырвала кровью на это заявление и сказала: «Вот моя подпись навеки», – упала и умерла. Такое это женщина пережила, конечно, ей нужно поставить памятник. Она герой.

С.В.: Пережитое вашей мамой отразилось как-то на вас?

Л.В.: Конечно, все отразилось, брат в переходном возрасте заболел. У него мания преследования была.

То он на кладбище попал, целую ночь бродил, то под машину попал, сотрясение получил. В детстве у него какие-то наслоения страхов были, и уже в переходном возрасте он ночью вставал как лунатик. Кто общался с ним, говорили, какой умный, талантливый. Вот откуда эта болезнь появилась? Врачи говорили, что все это социальное наслоение. Все, что мать пережила в утробе, когда в ссылке была, след оставило на психике его и моей.

С.В.: Мешала ли вам прошлая жизнь?

Л.В.: Я ведь говорю, у нас детства не было. Мы когда приехали в Сухум, маму начали опять преследовать. Мама скрывалась то в Очамчыре, то в Мокве, где угодно, чтоб только не попасться. И так долгие годы.

Мы боялись, прятались. Приходили участковые, брата подкупали: то ему часы, то шоколадку давали, спрашивали о маме, о том, где она прячется. Он умный был, правду не говорил, сразу

находил, что придумать. От меня все скрывали, жалели. Как-то во дворе я заплакала, кричу: «Мама, мама». Мой брат игрался с ребятами, услышал, что я кричу, подбежал, рукой так показывает: «Рот закрой, не кричи, маму не зови, а то нашу маму уберут отсюда, спрячут, отнимут». А я ведь ребенок, не понимала. Соседи говорили: «Бедные дети, уже боятся говорить имя мамы, настолько напуганы». А за что, почему, мы не понимали, переживали. А брат мой особенно переживал, он очень развитый был, в два-три года уже буквы собирал. Когда он физмат окончил, и из Тбилиси была комиссия (мама в книге об этом пишет), декан к маме подошел и сказал: «Или он открытие сделает, или психически заболеет». А один из членов комиссии сказал: «Это маленький Эвклид».

Собеседник – Маргарита Потуриди (Ходжава)
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 7.05.2021 г.
Транскрибировано: 10.05.2021 г.

С.В.: Расскажите о себе.

М.П.: Я, Потуриди Маргарита Константиновна, родилась 7 декабря 1940 года, в Гаграх. Потуриди это девичья фамилия, а когда замуж вышла стала Ходжава.

Когда мне девяти лет не было, нас всех выслали в Казахстан. Всех сажали в вагоны, в которых возили скот и в таких вагонах нас везли в Казахстан.

С.В.: Расскажите о своих родителях.

М.П.: Отец мой был учителем. Мама у меня русская была. Отца увезли, больше его никто не видел, тем более я. Мы с мамой в Гаграх жили, бомбежка что ли была, и в наш дом попало. Это я по рассказам знаю. Она меня взяла и приехала в Каманы. Оставила меня бабушке с тетями, уехала тоже на фронт. В 1947 году мама приехала, хотела меня забрать, но меня не отдали уже. Потом бабушка говорила: «Может, мы

неправильно сделали, что не отдали тебя». И мать уехала, а в июне 1949 года нас всех выслали. Нас высылали из села Амзара, это когда в Каманы приезжаешь, с левой стороны мост и выше была наша деревня. Оттуда нас собрали и выслали, сколько мы ехали в этих вагонах, я даже не знаю. Сперва забирали иностранноподданных, греки же были иностранноподданные. Люди, что могли с собой брали. Помню, как коровы мычали. Я помню, с дядиной женой, с тетей Кали, пошли у кого-то подоить коров, но коровы нас не подпустили, мы так и ушли.

…Дядя мой Демьян секретарем работал в сельсовете, рассказывал, как люди приходили и просили: «Демьян, мое заявление положи сверху». Дядя им объяснял, что это высылка, они не верили. Они думали, что их повезут в Грецию. Папина сестра не была выслана. Она здесь оставалась.

С.В.: Как вас увозили из Абхазии?

М.П.: Ой, помню, как нас в Келасур привезли. Помню, как впервые море увидела. Никогда не видела раньше море! Как будто где-то оно имело конец. Темно же было, это было вечером. Свет горел, а там как будто конец этого моря.

С.В.: По какому принципу забирали?

М.П.: Иностранноподданных забирали. Там, куда мы приехали, были молдоване. Привезли нас в Казахстан, на машины погрузили и повезли в колхоз «Победа». Было лето, школы не работали. В школе нас и поселили. Потом разбирали, кто в Кызылорду поехал жить. Нас и троих братьев моего отца почему-то повезли на 15-й разъезд, где стояли кирпичные заводы. Здесь месили глину, вырезали кирпичи, на тачках возили, в печках обжигали. Потом приезжали вагоны такие открытые, низкие. Ночью все шли грузить этот кирпич, куда-то отправляли. Позже мы поехали в Кызылорду, жили там. Отсюда уехали в Чемкент. Молодые учились штукатурке. Там, помню, строился новый роддом. В 1956 году молодежь собрали в Узбекистане хлопок собирать. Это было осенью. Я тоже поехала из Чемкента. У меня еще паспорта не было, паспорт ведь мне в 16 лет дали. Когда туда приехали, новый коровник строился, всех туда заселили, а

меня с поварами женщинами. Я с ними там находилась. Кого только там не было!

Помню виноград такой был, гроздья прямо так и висели. Нам давали, а мы все равно ходили воровать. Столько его было везде.

А хлопку не видно было ни конца ни края. Он так красиво раскрывается, когда он спелый, как вата. Она лопается и вата прямо везде. Сто килограммов я собирала. Потом возвращались домой. Я помню, дяде сапоги купила, двоюродному брату автомат деревянный купила.

С.В.: Что вам известно о судьбе вашей мамы?

М.П.: Я ничего о ней не знала, после того, как она уехала. Потом тети меня искали (сестры мамы. – **С.В**.), писали, но не нашли, а когда уже в 1957 году мы вернулись, приехали в Ткварчели, там дали нам участок. Дядя построил дом, там устроился, я пошла штукатуром работать. Уже сынок у меня был.

С.В.: Кого из вашей семьи выслали?

М.П.: Дедушка в 1937 году был репрессирован. Его забрали как врага народа. Его выслали в Красноярск в декабре, а он умер в ноябре. Он даже год не прожил. Спокойный человек, учитель, с детьми дело имел, а тут взяли выслали его в такую даль, в такой холод. Выслали бабушку, меня, младшего дядю, дядю Демьяна, что в сельсовете работал, дядю Павлика с женой, нас всех вместе. Наше село Амзара, а мы ходили учиться в другую деревню, которая располагалась выше нашей. Переходили речку. Мы поднимались наверх, зимой снега много было. А какие у нас были портфели? Из тряпок пошиты, для чернил – чернильница, к палочке привязано перо, им мы макали в чернильницу и писали. Все положим в портфель, сядем сверху и едем на портфеле, как сейчас помню, как мы ехали на этом портфеле. Чернила льются, а нам все равно (смеется).

… Выслали нас в Казахстан, и там я пошла в школу. Бараки были, а дальше школа. Четыре года там ходила. Всего пять классов у меня образования. Ходила в латаном платье в школу. Мы вместе с казахами учились. Я по-казахски разговаривала, как по-русски. Да, я очень хорошо училась.

С.В.: Какое отношение было к вам?

М.П.: Очень хорошее. Если бы не было казахов, мы, наверное, с голоду бы умерли. Они помогали, мы ничего не имели первый год. А потом уже сами кукурузу сеяли, фасоль выращивали, арбузы, дыню. Там такие арбузы, такие дыни. Помню снег, пришла я в школу, вышла рассказывать урок в сандалиях. И вот я стою, а учительница так посмотрит, а мне так стыдно. Нечего было надеть, снег лежит, а я стою, сандали мокрые, стою урок рассказываю.

С.В.: А жили вы где?

М.П.: В бараке. Каждый со своей семьей жил.

С.В.: Как выглядел этот барак?

М.П.: Бараки везде одинаковые. Барак был разделен на комнаты. Два входа. Заходишь, как сейчас помню, коридорчик. В коридорчике стоят бочки, соленье. Зимой берешь, оно все во льду. Один мой дядя женился, перешел в другой барак. Другой дядя с женой тоже перешел в другой барак. Я вот с семьей дяди Демьяна ушла. А бабушка с самым младшим осталась. Кроватей не было. Большой щит такой из досок клали на пол, и мы с бабушкой спали на этом щиту. Утром просыпаемся, она стонала, ой-ой кости, а я думала, чего она стонет, ведь всю ночь спала. А сейчас ее вспоминаю, когда утром встаю, все болит.

Я ничего не чувствовала, ребенком ведь была. Целый день бегали, там песок, а ветер носит кустарники колючие. Вечером сижу, начинаю ковырять подошву, колючки вытаскивала.

С.В.: Чего вам больше всего не хватало?

М.П.: А чего ребенку может не хватать? Я с 12 лет пошла работать. Когда жили в Кызылорде тоже трудились. Там течет река Сырдарья. И чтобы она берега не смывала, придумали проволоки такие, ну как сетка сделанная. Мы на нее таскали ветки и камни, а потом это все закручивали, завязывали также проволокой, а взрослые уже потом толкали и опускали на дно. А питались мы так. Корейцы выращивали картошку, она такая вкусная была, как сегодня помню. И вот к вечеру варили эту картошку, из коридора заносили соленье. Вот это кушали…

Где были бараки, со стороны железной дороги, мы за водой ходили. Я что только не таскала. Коромысла, вы знаете, что такое?! Вот идешь через железную дорогу, там колодец, набираешь воду. Зимой очень холодно было, один раз чуть в этот колодец не полетела. Везде лед, я стала тянуть ведро, и чуть не упала.

С.В.: А летом как было?

М.П.: Очень жарко, много комаров, мух, это было ужасно. Каждый вечер на улицу выносили палатки из марли, ставили их и ночью там спали. Комары туда не залетали.

Я, видать, такой человек, сама ходила помогать картошку собирать, морковку. Когда поля убирались, я брала тоху, мешок и шла. Ковыряешься: картошка, картошка. Никто не посылал, я сама рабочая была. Набирала, сколько могла поднять, и приносила домой.

С.В.: Когда вам сообщили, что вы можете вернуться в Абхазию?

М.П.: Это было уже после смерти Сталина. Половина сюда (Абхазия. – **С.В**.), половина в Грецию уехали. Мы в Абхазию поехали. А где жить? В Одиши все было заселено, люди вернулись, им дома свои никто не дал. Когда нас выслали в Казахстан, здесь заселяли людей из Грузии.

Дядя не мог себе найти работу, поехали в Ткварчели. А там его сестра жила, мы какое-то время жили у нее. Дядя начал строить дом. Воды тоже не было. Снизу из-под горы таскали ведрами воду, чтобы размешивать раствор и строить дом. Когда построили, перешли жить в него. Никого не осталось, тетя в Греции умерла, дядя в Крыму умер. Дядя Демьян здесь умер, дядя Павлик в Адлере. Я тридцать с лишним лет штукатуром проработала. В Ткварчели работала, в Очамчире, в Тамыше, в Сухуме, в Новом районе. Я свой кусок хлеба всегда имела.

С.В.: Когда домой вернулись, пытались ли вы что-то узнать о судьбе матери?

М.П.: Сыну было где-то восемь месяцев. Мы жили в финских домах в Ткварчели. Помню, как пришла тетя, у которой мы жили раньше, принесла письмо. Искали меня мамины сестры, просили, чтобы к ним приехала. Я взяла ребенка и поехала. Когда мы приехали в Апшеронск, где мне показали альбом с ее фотографиями. Я узнала, что она умерла в 29 лет, в Пицунде, от белокровия. В Пицунде жила тетя Маруся, у нее и мама на-

ходилась. Там и умерла. Бедная, всю жизнь она мечтала меня увидеть!

С.В.: Что вы часто вспоминаете?

М.П.: Не знаю, что я могу вспомнить. Вся моя жизнь, вся моя радость – это мои дети. А так, чтобы сказать, что радостное что-то было, не знаю.

С.В.: Помните, как вы добирались до Казахстана?

М.П.: Мы сидели в вагонах, в которых скот возили. Когда через Волгу проезжали, нам закрывали все двери наглухо. Боялись, наверное, что кто-то выпрыгнет под поезд. Кстати, на 15-м разъезде, где два поезда встречались, двоюродная сестра попала под поезд. Там товарные поезда ходили. Она, видать, не хотела ждать, хотела перейти, шла за водой, чуть выше на речку через железную дорогу и попала под поезд, умерла.

В 1953 году тетя должна была родить. Она принесла справку чтобы ей дали разрешение в Кызылорду поехать рожать. Но милиция ее не пустила. Но хорошо, все обошлось. Как Маленков[1] стал, посвободнее стало. Люди стали ездить туда-сюда.

С.В.: Как вы возвращались в Абхазию?

М.П.: Из Чемкента мы приехали сюда. Я, дядя, его жена и двое детей. Бабушка осталась там с другим сыном. Потом вернулась, но, бедная, в гудаутской больнице умерла. Я, как сейчас помню, наш дом: две спальни, бухар, камин. Там такие снега шли, это же горы.

С.В.: Можете сказать, что ваше детство было украдено?

М.П.: Ну то, что я не училась. Я бы могла выучиться на кого-то, но не знаю, все работала, работала. И сейчас все работают, и конца и края нет.

С.В.: Какое отношение у вас было к Сталину, Берия?

М.П.: Я помню, когда Сталин умер, тетя говорила: «Тихо, об этом не говори». У нас не было ничего. Но у соседей, у корейцев было радио маленькое. Помню, когда я в пятом классе училась, написала стихи и послала в Москву. Мне их вернули. Надо было указать, что я ученица пятого класса. В моем письме было написано, что Сталин не умер, что Сталин живой. Все боялись Сталина. Это после его смерти все его ругали по телевизору.

[1] Маленков Георгий Максимилианович (1901 – 1988 гг.) – партийный и государственный деятель, председатель Совета Министров СССР.

Собеседник – Мушни Тания
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 17.09.2021 г.
Транскрибировано: 18. 09.2021 г.

С.В.: Добрый день, представьтесь, расскажите немного о себе.

М.Т.: Родился в апреле 1959 года, в селе Дурипш. Закончил дурипшскую среднюю школу. В 1977 – 1979 в Казахстане служил. Мои родители были сосланы в Казахстан. После службы в армии два года работал в деревне, родителям помогал. Затем на Украине в Кривом Роге учился три года в Автотранспортном техникуме. Учился три года, работал не по специальности, а в торговле. Я совмещал, учился заочно и работал на складе, затем в плодовоовощехранилище. После развала Советского Союза занимался коммерческой деятельностью. Потом война в Абхазии началась, пошел на войну, записался в артиллерию. Помню, когда пришел в санаторий «Волга», где тогда Допуа собирал людей, спросил, где служил. Я ответил, что служил в армии артиллеристом. Он был немного удивлен, так как тогда мало было таких специалистов в Абхазии. А потом, когда Гагру освободили, взяли пушки, гаубицы, собрали бригаду и выдвинулись в Эшерском направлении. Позже командующим артиллерии стал Аслан Кобахия. Война закончилась, семью создал лет через пять, наверное. Дочка растет, сейчас учится в АГУ.

С.В.: А кто именно в вашей семье был репрессирован?

М.Т.: У меня родители были репрессированы. Их сослали вместе с моим братом и сестрой (Тина Азибеевна. – **С.В**.) в Казахстан. Сестре старшей было год и семь месяцев, в Казахстане еще одна сестра родилась. Отец – Тания Азибей Мачагович, по

последнему паспорту. Во время Великой Отечественной войны он был Виктор Михайлович, не знаю точно почему. Он прошел всю войну. Воевать начал в Кишиневе. Он от Молдавии до Чечни пешком прошел. Он рассказывал, как им пять патронов давали. В Чечне отец в окружение попал, и был взят в плен. Был во Франции, потом в Италии. Там их заставляли работать. Очень тяжело было, как рассказывал отец. Но когда нервничал иногда, говорил, почему я в Италии не остался! Там ведь красиво, место красивое.

Мама – Кайтан Анна Иосифовна. Она в детстве Назира была, но абхазцы ведь переименовывали и назвали Анна.

С.В.: В каком году семью вашу выслали?

М.Т.: В октябре 1951-го из села Дурипш. Машина приехала и повезли в Гудауту. Это был эшелон, на котором скот возят. Около месяца они ехали, очень тяжело было. Попали в Казахстан. Как мама рассказывала, даже по дороге люди погибали. Была одна Килба, и по дороге у нее муж умер. А она делала вид, что он живой, прятала его, если бы увидели, отобрали, естественно. Когда приехали на место, она его там похоронила. А когда была реабилитация, выкопала его кости и домой привезла, в селе Клуанырхуа похоронила. В Казахстане у репрессированных, конечно, никаких условий не было, но домики уже были. В них они начали жить второй жизнью, думая, что навсегда приехали. Они работали на хлопковых полях. Так они прожили два года, а после смерти Сталина в марте им дали разрешение вернуться на родину. Они приехали домой. Начали жить новой жизнью. Нас семеро детей было: три брата и четыре сестры. Жили нормально. Прожил отец 79 лет, в 1995 году его не стало.

С.В.: Принято ли было в вашей семье говорить на тему репрессий?

М.Т.: Мы были молодые, не интересовались. А если спрашивали, родители говорили, зачем тебе это надо!

Из рассказов родителей запомнились Килба и Смыр Кырбия. Мама рассказывала, когда они были на поселении, Смыр там за старшего проходил. Она помнила, как он шел по поселению, высокий такой, с бумагой об освобождении и махал ею, кричал: «Свободу, свободу нам дали».

Собеседник – Николас Пимениди
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 6.11.2019 г.
Транскрибировано: 1. 04.2020 г.

С.В.: Расскажите немного о себе.

Н.П.: Меня зовут Николай Иванович Пимениди. Дед мой вместе со своей матерью еще подростком бежал из Турции, из провинции Орду. Это 1875 год, если я не ошибаюсь, где-то во второй половине XIX века. Был почти массовый исход из Турции. После последней Русско-турецкой войны греческое население рассматривало русскую армию, как избавителей от турецкого ига. Думали, с приходом русской армии освободится греческий христианский мир в Турции, бывшая Византия. Все войны кончаются миром когда-нибудь. Так случилось и с этой. Позже, когда российская армия после заключения мира ушла из Турции, эти провинции, где люди проявляли хорошее отношение к российской армии, были подвергнуты репрессиям, им мстили. С точки зрения турецких властей, это было предательство. Были разные события, обо всем не имею возможности рассказать, это сложные вопросы. Многие ушли в партизаны, воевали. Были такие повстанческие группы по всему Южному Причерноморью, многие погибли, многие, кто мог, уходили в материковую Грецию. В то время Греция уже получила независимость. Таким образом мой дедушка тогда подросток попал вместе со своей мамой в Абхазию в небольшое село. Отца они лишились еще в Турции, его там убили. Если идти по улице Чанба к Беслетскому мосту, там ущелье и крупное абхазское село Акапа. Это в 12-ти км от города, а еще полтора километра по лошадиной тропе, по склону вверх, находится мое село, небольшое, двадцать домов. Когда представилась такая возможность, многие уехали в Грецию. Постепенно наше маленькое село обезлюдело. Все заросло. Это моя самая большая боль. Мое солнечное село! Детские воспоминания очень сильно у человека связаны с тем местом, где он родился, где он познал мир. У взрослых много забот, они постепенно утрачивают остроту этих чувств. Для меня мое ма-

ленькое село было центром моего детского мира. В 1949 году, где-то в середине июня, я проснулся от плача моей сестры.

Был такой погожий солнечный день. Я услышал, что выселяют тетю, родную сестру моего папы. То есть они иностранные подданные, дедушка принципиально не имел вид на жительство в России. Читилидзе Николай женился на моей тете, полюбили они друг друга. Дедушка со своей дочерью поссорился, не хотел даже разговаривать. На несколько лет он даже отлучил ее от очага родительского, что она не послушала и без его воли вышла замуж. Он считал, что это была неудачная семья. Я был потрясен тем, что выселяют тетю, видел, что в нашем селе на всех тропинках толпы людей, военные. Вокруг тревога, плач, рыданье. Вы знаете, еще психологию деревенских жителей? Сейчас все по-другому воспринимают, люди более свободные, более продвинутые, а тогда для нас был шок, пришли военные выселять иностранных поданных. Ну в своем возрасте, может, я не очень понимал, что значит выселять людей из своих обжитых мест, из своего родного дома. Мне было очень любопытно это увидеть. Недалеко от нашего дома, чуть вниз по склону, есть родник и большой дуб. Старики говорили, что дубу 300 лет, а может, и больше. Было абхазское село до махаджирства, были крупные села, которые греки потом заселили, в том числе и Акапу ниже.

Я, подкрадываясь между кустами и деревьями, пришел к дубу нашему, который в центре села, и стал тайком высматривать толпы людей, которые шли вниз. И вдруг среди этой вереницы людей, которых уводили военные, увидел свою двоюродную сестренку Фенечку, с которой мы играли, она помладше была, а мне было около 11. Я увидел Фенечку, босую, держащую свою бабушку за подол платья. У бабушки в руках какой-то чугунок, а Фенечка заплаканная держала ее за подол. Их уводили не как нас. Их уводили рано утром, в шесть часов. За ними пришли как за преступниками. Я увидел только бабушку и сестричку. Тетю и других я не видел. За ними шел двухметровый солдат: красноармеец с винтовкой со штыком. Он вел бабушку и Фенечку. Феня плакала, это меня поразило. Фенечке было лет семь. Они

уходили вереницей. Выше еще села были. Греческое население в основном бедное было, там в горах строились.

С.В.: Много людей тогда вы увидели?

Н.П.: Конечно, много было. Николаевич[1] описывает, сколько всего греков имело иностранное подданство, так называемые виды на жительство. Не принимали какое-то время в советское подданство. Здесь создалась такая обстановка: после ухода абхазского населения, грузинской стороне не нравилось заселение Абхазии армянами и греками. Абхазия почти опустела. Это была великая катастрофа для абхазского народа. Это мы потом осознали, потому что сам многострадальный греческий народ, начиная с XIV века, все страдания в Турции пережил. Я увидел эту страшную картину, как по нашей тропе солдаты уводили их, подлежащих выселению, депортации. Много семей было, особенно из горной местности. Они были бесправные с иностранным подданством, их в колхозы даже не принимали. Колхозы в Абхазии стали появляться в 1929 году, хотя Лакоба, как только не старался оттянуть эту коллективизацию в Абхазии.

… Знаю с малых лет обработку земли, ломку табака, его сбор и сушку. Перестали в Абхазии заниматься табаком. Это очень сложно. После возвращения из Казахстана мы снова занялись табаководством. Словом, у дедушки была большая семья – пятеро сыновей и две дочки. Вначале, когда его дети были еще подростками, дела у него шли успешно. Наступил семнадцатый год, и вскоре стали раскулачивать, считалось, если у крестьянина есть лошадь или вол для вспашки земли, то он кулак. Он должен был все сдавать, ничего себе не оставлять. Друзья моего дедушки Харлампия Пимениди послали к нему своих сыновей: «Скажите дяде Лампу, чтоб он все отдал сам». (У деда были стада лошадей, овец и коз). В то время если были волы и плуги, значит, зажиточный крестьянин. С приходом большевиков границы закрылись, хозяйство постепенно зачахло. Если не хотел и свое отдавать, то сразу высылали. Люди еще не осознавали, насколько это опасно, что это преступление, и дедушку предупредили, чтобы он сам отдал, чтобы его не сослали. Многие ушли, исчезли и пропали.

[1] Иоаниди Н.Н. 1949 год (технология преступления) Сухум, 2006.

Геноцид греческого народа – это особая большая тема. Богатые люди ведь тоже бежали: кто в Грецию, кто в другие страны – во Францию, в Германию. Греция тогда была очень бедная, так что многие уходили оттуда в Европу. Вот мы, понтийские греки. Мы говорим на особом наречии. Здесь (Абхазия. – **С.В**.) была свободная и очень благодатная среда для новой жизни. Тогда эти и богатые люди строили гостиницы. С приходом сюда (Абхазия. – **С.В**.), они вносили какой-то культурный элемент развития.

С.В.: Когда ваша семья переселилась в Абхазию?

Н.П.: В 1875 или 1880 году из Турции. Дедушка подростком был, бабушка с ним бежала. Было много несчастных, те, которые потеряли своих родителей, и здесь устраивались. В основном эти переселенцы, сельские жители, они же ничего другого не умели. Могли заниматься скотоводством и выращивать табак. А здесь, на побережье моря, заболоченное место было, в том числе и в Сухуме. Болота были ужасные, здесь свирепствовал малярийный комар. В основном обустраивались в сельской местности, потому что здесь (Сухум. – **С.В**.) невозможно было. На нынешней нашей площади Победы было болото, здесь охотились на перепёлок, даже животные сюда доходили.

Люди, уходившие из Турции, теряли своих родных. Это было таким потрясением. Скажем, брат или сестра в Грецию уходили, а другие сюда (Абхазия. – **С.В.**). Они сохраняли документ, что имеют иностранное гражданство. А в советское время прятали, даже скрывали его. Эта бумага давала им право воссоединяться со своими семьями, которые ушли в Грецию. Таким образом, люди берегли ее, это не паспорт, паспортизации тогда не было, это был такой документ, если греческое подданство, с гербовой печатью. Люди эти бумаги берегли, не потому, что имели что-то против советской власти, они даже не представляли, какая предстоит суровая сталинская эпоха. После 1921 года многие уходили в Грецию, воссоединялись со своими родственниками, которые ушли из Турции. До 1938 года люди еще свободно уходили, уезжали, кому как хотелось, минуя Турцию. Отсюда садились на теплоход и уходили в Грецию. А когда наступила суровая сталинская действительность, многие даже хотели принять советское подданство, но им не давали. Им не давали принципиально и даже заставляли уезжать. Ну в разное время по-разному к ним относились. Во время войны мы в оккупации не были: люди служили на фронтах, в рабочих батальонах, в Ткварчели на шахтах. Работали, как и все граждане там.

И вот наступили репрессии. Мы добровольно не хотели оставлять свой дом, бедные сельские жители. С таким трудом папа мой построил дом. Он женился, отделился. Дом был из каштана и дуба, стоял на краю леса.

Вы знаете, как дети привязаны к дому, к животным. Мы ведь не видели другого мира, городского, мы понятия не имели, что там происходит. Сестра приходила в город и продавала какие-то молочные продукты, чтобы как-то одеться. Потому что война была. В 1949 году стало как-то оживать хозяйство. Стали что-то покупать, обувь какую-то. Плохо были одеты, моя сестра, чтобы не стоптать свои чувяки, так называемые, босиком шла. Вот она шла пешком до Беслетского моста, я сам ходил за козлятами, за козами босиком. Я сейчас удивляюсь, как мы сбивали ноги в кровь, ну обуви не было. После войны не в чем было ходить, папа пошил чорохи из сыромятной кожи козьей или коровьей…

Папе удалось приобрести ослика Яшку, мы его кормили как человека, ухаживали за ним, любили. Он никогда не позволял вперед себя пропустить лошадей. Он должен был всегда идти впереди с поклажей, и когда он приближался к нашему дому, извещал все село своим криком. Мама всегда знала, что наши идут. Где-то за 200 – 300 метров от дома наш Яшка об этом оповещал. Почему я вам так с чувством рассказываю, это вся моя жизнь. Я понятия не имел, что там творится в мире. Яшка, мой пес, корова – это были мои друзья.

Меня и мою семью охватил дикий страх, как уйти из дома. Это сейчас люди свободные уходят жить в другие страны. Тогда все держались около своих семей. Для меня это было потрясением еще большим, я увидел сестренку, свою двоюродную сестричку. Я прибежал домой, все маме рассказал. Помню, как она мне сказала: «Не ходи на дорогу, не показывайся, не дай бог, тебя уведут вместе с ними». Мы жили в нижней Петровке. На

третий день вдруг председатель нашего колхоза пришел к нам, военных мы еще не видели. Поступило распоряжение высылать теперь всех греков из Абхазии.

Иностранных подданных уже увели. С тех пор прошло три дня, люди находились в состоянии тревоги, страха. Председатель заявил бригадиру, моему дяде и другим мужикам, что нас тоже высылают, что каждый глава семьи должен написать заявление. Мой отец спрашивал: «Как высылают? Мы ведь не иностранные подданные». Предупредили, что буквально завтра придет армия, чтоб были наготове, только каждый должен был подписать заявление сам. Папа мой сказал: «Ну пусть высылают, если наступила наша очередь, что теперь делать, но писать заявление я не буду. Что за дикость! Я должен писать заявление и просить, чтобы меня выслали на территорию Казахстана». Что такое Казахстан понятия не имели, безграмотные люди. Я всего лишь окончил два класса сельской школы на грузинском языке. Мы русских в глаза не видели. Каких-то учителей ставили, и они преподавали.

Я не особо представлял, что значит высылают, куда, как. Другие говорили, может, нас в Грецию отправят, до этого арестовывали многих людей из многих семей. Меня, мальчика, который был привязан к селу, к его окрестностям, охватило волнение. Я помню это живое состояние души ребенка. Говорят, в ту весну, в то лето перестали прилетать ласточки, которые гнездились у нас на балконе. Они каждый год вили гнезда и было радостно наблюдать за ними, а в этот год не прилетели.

Меня больше беспокоило время, когда председатель сказал, что надо писать заявление. Многие отказались, но к вечеру им стали выкручивать руки. Председатель был из нижнего села, из Павловки. Акапа и Павловка – крупные села, по 250 домов в каждом селе было. Наше маленькое село располагалось на пригорке. Папа, конечно, не хотел уходить. У нас усадьба была, инжир, хурма, черешня. Он сам колировал орехи грецкие.

К вечеру все написали эти заявления, ну сколько у нас семей в селе, 20–30 заявлений. Мой дядя Дмитрий всем написал эти заявления. Мы стали готовиться к депортации. Мама и кур зарезала, у нас и козочки были, и пасека была.

Исчез куда-то мой Бидо, мой любимый красивый пес, который рос вместе со мной. В селе перестали лаять собаки, даже воя не было. Исчезли собаки, прятались. У животных есть чутье. Когда всеобщее бедствие происходит, они внутренним чутьем понимают, что беда какая-то наступила.

Я ходил искал всюду в кустах, в зарослях моего Бидо, я плакал, искал его. И нашел его в кустах, он спрятался, молчал и смотрел (плачет). Он ведь три дня не ел, не пил, и он не лаял, не выл. Я его нашел, прибежал, с радостью сообщил, что Бидо нашел. Для каждого дома собака – это любимица. Я ему принес кушать, он не тронул. У него все понимающие глаза, он вот так сидел и смотрел на меня, как человек (плачет).

Может быть, он плакал вместе со мной, я не могу вам это сказать. Это второй день был, нам надо было уже собираться. Общая тревога отовсюду. А у нас еще в 1941 году две лошади забрали на войну, и всю войну мы все на себе таскали. Мы же ходили на мельницу, мои сестры постарше 12, 13, 14 лет и я на себе кукурузу таскали. Ходили 10 километров или в верхнее село Манея, или нижнее по каменистым дорогам, тропам. Без хлеба ведь нельзя было. Кукурузу мы выращивали.

Итак, наступило, по-моему, 15 июня. К нашему дому пришел офицер. У отца было хорошее красное вино. Офицеру понравилось. Уже два-три часа пополудню, а папа вынужден был с ним сидеть со своим не очень хорошим знанием русского языка. Папа пытался у него выведать, куда нас отправят, есть ли там лес, земля. А этот офицер говорил, там все у вас будет. Вот такой примерно был разговор, мама подавала закуски, папа подливал вино, он, наверное, выпил пять литров вина этот русский офицер. Мама отцу говорит: «Слушай, сколько он будет сидеть, уже почти все села спустили свои пожитки, посуду, постель какую-то». С нашего села дорога хороша просматривалась, выход из прорези этого ущелья Беслетского моста и дальше эта гряда. Все это навевало такую тревогу: вот машины пришли, нас увозят, а этот офицер не спешил уходить. Он забыл про свои заботы, он не мог оставить это застолье, он уже был пьяный. Мои сестры и брат с помощью Яшки уже свозили вниз какие-то

вещи, даже мешок кукурузы, теленка заколол отец, мама обжарила мясо, кур. Было очень жарко. По дороге все почти испортилось, невозможно было кушать, нас ведь везли в знойные места почти неделю.

Я специально рассказываю вам о каких-то эпизодах, которые запечатлелись в моей памяти. В тот день мы не выгнали корову на пастбище. В огороде мама всегда сажала раннюю картошку. К июню она уже была. С питанием было плохо, приходили из других сел, просили у мамы хоть кило картошки. После войны очень было тяжело, люди голодали. Кукуруза уже цвела, картошка, другие огородные растения. Коровы прорвали забор, наша же корова зашла во двор и стала есть кукурузу. Папа бросил этого офицера, кинулся выгонять корову и ремонтировать этот забор. Мама говорит: «Что делаешь? Мы уже уходим, какая разница». Папа хотел починить забор. «Да я и его не могу оставить, – сказал он, – и этого человека не могу выгнать. Он как пришел утром, засел, уже день кончается». В конце концов офицер ушел, и папа подключился к тому, чтобы последние пожитки собирать. Нам сказали, берите сколько можете, но предупредили, что до тонны разрешается, а как крестьянин мог это унести. Вскоре нам пришлось покинуть свой дом, оставили все наше хозяйство, наших коз, нашу корову, теленка. Я опечален был, что Бидо – моего пса я так и не покормил. Мы уходили со слезами, покидали свой родной дом. Все родное, все близкое. Для христианской психологии это опора всей жизни. Ушли, нас не сопровождали военные, нас заставили подписаться. Никто никого не понукал. Спустились вниз, Акапа – село большое, там ждали нас студебекеры, чтобы везти дальше. Я еще понятия не имел, что нас привезут на железнодорожную станцию. Начались переклички.

Я попрощался со своим Яшкой, вывел его из села на сельскую дорогу, и он ушел. Я сейчас так живо это вспоминаю. По мере того как он уходил по привычной тропе к дому нашему, там полтора километра по горной лошадиной тропе, я, перепрыгивая с кочки на кочку, все старался держать его в поле зрения, но когда он скрылся, я, конечно, уже плакал, рыдал. Сели на машины, нас привезли в Келасури. Тысячи машин были в окрестностях станции, смешались люди. Все старались держаться ближе к родственникам. Братья с братьями, родственники с родственниками. Посадка в эти эшелоны, вагоны, длилась очень долго, где-то часов двенадцать по времени. Мы ночью отъехали уже. Кстати, в том году было репрессировано много армян, так называемые дашнаки. Дашнак Цутюн была народная партия армян, она проиграла когда-то. Если человека называли дашнаком, то это было оскорбительно. Их считали врагами. В советское время они преследовались, отправили несколько тысяч армян в этом 1949 году, именно в этот же июнь. Только их не сажали в поезда, на которых отправляли греков, а куда-то в Сибирь, на Урал отправляли.

В этой суматохе – плач, родственники искали родственников. А уже начинали сажать в вагоны, в разное же время привозили людей из одного села разными автомашинами. Таким образом многие разлучились, даже из одной семьи люди попали в разные вагоны. Уже по дороге, по пути в Казахстан нашли друг друга. Там было по 50 вагонов. Кто-то оказался в хвосте эшелона, кто-то в середине, кто-то впереди. Мы отходили с Келасура. Были эшелоны из Дранды тоже. Греческое население жило во многих селах Абхазии.

С.В.: Что для вас в этот день было самым запоминающимся?

Н.П.: Эта суматоха, тревога. Само состояние родителей передается детям. Мы видели эту катастрофу, когда люди покидают обжитое место. Для меня как ребенка были важны ласточки, собака, а для взрослых – как прокормить детей. Эшелоны отправились.

С.В.: **Сколько вы ехали?**

Н.П.: В течении недели добрались. Вагоны были оборудованы двухъярусными стеллажами, заходишь в этот огромный вагон, двухъярусные полки довольно-таки широкие, посередине складывались вещи. Примерно по 50 – 60 человек было на вагон.

Было много немощных стариков, детей. Подхватили по дороге какие-то инфекционные болезни. Еще больше пострадали там, куда нас привезли. Чаще всего умирали дети.

С.В.: Сколько человек из вашей семьи были вынуждены покинуть свой дом?

Н.П.: Четверо детей и родители. Братья моего отца попали в разные вагоны. Вагонные двери были настежь открыты. Нам пищу развозили по вагонам. На каждый вагон выбирали старшего. Я помню, даже сыр европейский. Люди помню, говорили, что это такое, нас отравят. Мы же только ели сулугуни.

Таким образом мы уже ехали по незнакомым территориям. Когда мы оказались в степях Сталинграда, очень многие мужчины, которые служили, которые работали в рабочих батальонах, начали вспоминать места. И вскрикивали каждый раз. Тогда не успели все собрать. Очень много было подбитых танков, орудий. В 1949 году прошло четыре неполных года с окончания войны.

Нас подкармливали на небольших станциях, особенно на узловых. Люди выходили, разбегались кто куда. Воду где-то наливали на станциях. Этот бесхитростный люд (греки. – **С.В**.) по дороге веселился. Иногда останавливали эшелоны на пустырях, чтобы женщины пошли в туалет. Они друг друга прикрывали своими передниками, тряпками какими-то. Далеко не уйдешь. Недалеко от железной дороги если были кусты, там могли сходить. Люди стеснялись в вагонах справлять свою нужду, терпели. Многие даже пострадали от этого. Смешалось все: тревога, грусть, слезы. Люди так устроены, что всегда находят время для веселья. Постепенно стали проезжать по территории Казахстана. Мы в окнах увидели других людей, верблюдов. Южно -казахстанская дорога идет мимо Каспия, за Каспием Аральское море. Уже через 300 километров стали отцеплять вагоны от наших составов. По два три вагона отцепляли и оставляли на территории Казахстана. Люди, которые были в первых отцепленных вагонах, попали в такие ужасные места. Отцепляли вагоны с людьми, а их родные оставались в других вагонах. Проехали еще километров двадцать, эшелоны остановили и сказали, что дальше поезд не пойдет. Стояли солдаты с винтовками. Многие грамотные люди знали, что дальше Ташкент, Самарканд, Чимкент, более благополучные места. Лидеры в вагонах стали возмущаться. Был такой Адакцилос. Он всем сказал, не выходить из вагонов, а

вагонов было более 15. Огромный состав, одну треть всего лишь разгрузили по дороге. Его слушались, а он говорил: «Не выходите из вагонов, скажите, мы хотим дальше, пусть везут нас дальше. Здесь нам не нравится, здесь жарко, комары». И другие стали просить, чтобы повезли дальше в Ташкент. Уже поступали коекакие сведения от тех, кого первыми туда отвезли, иностранно подданных. Это хлопководческие районы, Южный Казахстан, Узбекистан. Три дня народ не хотел выходить. Из каждой семьи по два человека, всего человек двести-триста, те кто выражали недовольсво отправились в дорогу пешком. Это был такой протест. Мы с отцом пошли. Мама с братом и сестрами остались, прошагали километров двадцать, наверное (куда идете дураки, жара, голодные!). Шли до вечера по железной дороге. К вечеру мы были такие изнемождённые, не могли на ногах стоять, проголодались. И остановились на каком-то разъезде, закусали нас комары. Мы там эту ночь провели исстрадавшиеся от голода и жажды. Снова нас окружили солдаты. На утро какой-то начальник на дрезине догнал нас, приказывали, запугивали, возвращайтесь обратно. Мы вернулись к своим вагонам, но все равно люди не хотели выходить. Наши лидеры требовали свое… Мы трое суток там сидели. Мы остановились на какой-то станции, а оттуда ветка шла куда-то в неведомое поселение. Там, оказывается, строилась уже плотина на реке Сырдарье. Там был крупный поселок и жили там военнопленные японцы. Буквально за несколько дней до нашего туда прихода японцев по договору между Японией и СССР отпустили. И немецких военнопленных отпускали. Так, японцев отпустили, остались добротные дома частично барочного типа, частично более хорошие. В конце концов мы согласились. Стали стрелять солдаты с винтовками. В какой-то момент создалась обстановка, что толпы женщин пошли вперед на солдат.

С.В.: Вы понимали, что происходит?

Н.П.: Я не понимал почему нас оставляли здесь. (Казахстан. – **С.В**.) Взрослые даже не понимали, почему именно здесь. В этой безжизненной колючей степи. Это потом я увидел, что за мощная стройка. В основном здесь были люди, сосланные из

Украины, Белоруссии. После изгнания немецкой армии стали репрессировать людей, обвиняя их в том, что они были в оккупации и т.д. Ссылали тысячи и тысячи семей. В этом плотинстрое работали чеченцы, украинцы, молдаване, но их было не так много, как греков. Рано утром мы оказались на огромной площади, где этот плотинстрой, нас стали уже размещать по домам, по баракам.

С.В.: Они вас целенаправленно заселяли, или это был ваш выбор?

Н.П.: Нет, нет, это был не наш выбор. Они своего добились. До этого нас обстреливали, стали стрелять в ноги, запугали людей, что здесь можно погибнуть, я-то хорошо помню, что они стали стрелять в землю. Пули разлетались, кое-кого даже ранило. И тогда люди в панике разбежались, ну кому ты сопротивляешься, это армия, это сталинское время. И вот стали делать перекличку, какой-то военный стал спрашивать, кто что умеет, у кого какая специальность. Я хорошо помню, как выкрикивал: шофера, трактористы, механики, слесари. Это ведь был рабочий поселок. Спрашивали, кто хочет в аул, в колхоз. Ну, отец мой, привыкший к деревенской сельской жизни, только на земле хотел работать. Мы записались. Начали спрашивать, а что нам там дадут? В том же году, уже к осени, дали по 500 рублей на каждую семью для покупки коровы.

С.В.: Какие были условия?

Н.П.: Нас привезли в аул, расположенный на самом берегу Сырдарьи. В полночь мы туда на машинах приехали. Всю ночь ехали. Кого-то в сарай определили, выгнали ишаков оттуда и занесли вещи. Под открытом небом лучше. Там дождей почти все лето не бывает. Наутро мы стали просыпаться, осматриваться. Всю ночь шла стрельба из ружей. Где-то вокруг это происходило. Мы старались держаться вместе, нас туда привезли со своими пожитками на трех машинах. Мы пытались понять почему стреляли, война что ли. Оказывается, в этом ауле не столько было казахов, они же кочевники, сколько русских. Это были так называемые уральские казаки, их тоже туда заселили десятками тысяч еще после Пугачевского восстания при Екатерине. Их тоже

репрессировали. Они хорошо помнили, как чеченцев туда привезли. Тогда казаков очень много погибло. И они подумали, что опять новых головорезов привезли. Около десяти усадеб уральских казаков было, бородатые такие мужики. Молодежь у них в основном была в городе, в двенадцати километрах от этого аула. Утром стали присматриваться, выяснили очень скоро, что мы христиане, что мы не чеченцы, а греки. Не все понимали, что это за национальность греки. Мирные люди, беднота. Потом они рассказывали нашим старшим, мы думали, снова чеченцы приехали, поэтому каждый из своей усадьбы стрелял, чтобы не подпускать близко.

Началась наша казахстанская жизнь. Мы прожили шесть лет в ауле, потом случилось большое наводнение, залило эти окрестности по страшному. Разорило наши домишки, и нас на баржах вывезли в областной центр Зыларда. Моя родная сестра вышла замуж. У нее еще в Абхазии был парень. Ей было 19 лет, они полюбили друг друга, остались жить в поселении плотинстроя. В школу я начал ходить сначала в ауле. Я окончил два класса сельской школы. Русский язык тоже преподавал татарин, он несколько классов начальных вел. Овладели более или менее языком. Еженедельно на мотоциклах приезжали так называемые коменданты, сотрудники внутренних органов, которые нас держали под режимом ограничения. Все расписывались, что находятся здесь. Так было до смерти Сталина.

Мы не имели прав. У наших родителей взяли подписки о невыезде из этих мест в течение 25 лет. А после смерти Сталина, не сразу, через года два-три пошли разговоры, что с нас снимут режим ограничения. Разрешалось в другой город Казахстана переехать к родственникам, но тем, кого выслали изначально, иностранным подданным, не разрешалось. Более или менее были свободные, но обратно не разрешалось приезжать.

С.В.: Когда вам сообщили о том, что вы освобождены и можете вернуться на родину?

Н.П.: В 1955 или 1956 году. Мы вернулись в 1957 году, до этого я успел вырасти, в 18 лет поступил в автошколу, закончил ее и пошел в вечернюю школу. Получил права шофера, а тогда годы

1956, 1957 были такие: осваивались целинные земли. Мы, товарищи, получив права, поехали в Кустанайскую область на уборку пшеницы. Был большой урожай, не успевали убирать. В то время из России сотни тысяч молодых людей отправлялись по комсомольским путевкам осваивать эти бескрайние степи. Вот мы и поехали с друзьями работать. Родители оставались в областном центре, в Зыларде. А мы поехали с друзьями работать. Я уже поздно осенью вернулся обратно.

Нам выделили 25 соток. Мы очень скучали по Абхазии. Отец на несколько лет постарел. Он с таким трудом создавал все, планы были вырастить детей в нашем доме, и это все в один день рухнуло. В Казахстане были страшные морозы, одежда теплая стоила очень дорого. Зимой люди там в валенках ходили. Одевались кто как мог, но отмораживали себе и ноги, и руки, и носы. Морозы доходили до 40 градусов. Мы помогали родителям. Уже когда река Сырдарья замерзала, по ней могли и автомашины, и тракторы ездить. Мы на другую сторону переходили, собирали какие-то ягоды. Старшие мальчики стаканами продавали эти ягоды на базаре. Из ягод наши родители делали патоку, сок. Сахара не было, в чай добавляли. Ягоды были очень сочные, такие сладкие. Словом, перебивались как могли.

С.В.: Как местное население относилось к вам?

Н.П.: Нормально. Казахи добрый народ, бесхитростный. Они нам помогали. Первые годы у мамы была хорошая посуда, которая ей была подарена, когда она еще вышла замуж. Отдавала посуду за что-то. Потом нам дали землю, мы стали сами выращивать ту же кукурузу, тыкву, фасоль. Затем мы еще купили землю, корову, кур. Обмазали какие-то хижины глиной с навозом, чтобы не замерзнуть. Позже стали более добротные дома строить. А там плоские крыши. Зимой снег сухой, дождей почти не было. Мы стали из кирпичей печки какие-то делать.

Наша семья и те, кто туда приехал, стали обустраиваться в ауле, улучшать свои домики. Кому-то повезло, их поселили в покинутые дома. Те же русские уральские казаки имели хорошие дома. Они стали уступать нам сады вишневые, яблоки. Показали, как здесь выращивать подсолнухи, тыкву, арбузы, дыни.

С.В.: Сколько вам было лет, когда вернулись домой?

Н.П.: 19 лет. Сохранился только наш дом, они его не снесли. Тысячи домов, десятки сел заселили грузинами из Западной Грузии, которых тоже не по своей воле привезли сюда. И в нашем доме держали коз каких-то, свиней. Они, конечно, испортили много чего в доме. Подремонтировали как могли, мама обмазала стены глиной. Мы с братом застряли в городе, надо было работать, зарабатывать деньги. А мать с отцом стали обустраиваться снова.

Я, будучи учеником 3 класса, едва научился что-то по-русски писать. Кстати, был мужик, который был осведомителем у нас в селе, доносчик Евстафий, в селе все присматривался, не дай бог, у кого вторая корова появилась. Он вместе с нами там был. Он меня попросил написать заявление, чтобы ему разрешили вернуться домой. Над ним посмеивались. Я написал, переписал несколько раз заявление. Это было еще при Сталине. Кто-то ему помог достать конверт и отправить. Ему пришло разрешение вернуться в наше село. В 1952 году он уже обратно вернулся.

Когда мы вернулись домой, начали заново обживаться. Об этом можно книгу написать – о переживаниях, психологических моментах, связанных с новыми временами. Мы впервые в Казахстане получили паспорта. Сельское население всего СССР было лишено этого права – иметь паспорт. Уже в 1954, 1955 году всем дали паспорта. Берия очень хотел избавиться от греческого населения.

Мы заново начали работать. Колхозы воссоздали снова, но уже не так строго было, давали людям план по посадке табака, до 1960–1965 года, а потом они стали посвободнее. Стали обустраиваться, там где хотели.

Я получил реабилитационный листок из рук Рауля Хаджимба.[1] После войны какое-то время он был председателем СГБ Абхазии. Я у него еще спросил, куда делись заявления, которые наших родителей заставляли писать. Он улыбнулся и сказал, что мешками вместе с нами отправили в Казахстан. А потом я узнал

[1] Рауль Джумкович Хаджимба – абхазский государственный и политический деятель, президент Республики Абхазия (2014 – 2020 гг.)

точно, были коменданты, которые курировали наше население, которые держали нас под присмотром. Даже после смерти Сталина. Они говорили: «Что вы жалуетесь на советскую власть? «Хотите, мы вам покажем заявления, в которых вы сами просили вас выселить?».

С.В.: Что для вас было самым сложным?

Н.П.: Всеобщая нужда, бедность. Мы вернулись сюда (Абхазия – **С.В.**) и стали жить в нашем селе, отремонтировали наш дом, но за трудодни в колхозе почти ничего не платили, а это была обязаловка. Надо было что-то возить, продавать. Через год-полтора меня призвали в армию. Я оказался в Нахичеванской автономной республике. Служил три года, вернулся назад. Мы еще чувствовали на себе это давление грузинских властей. Не прописывали тех, кто хотели остаться в городе. Кстати, так называемая Гума, это Шрома, сами греки ее тоже называли Гума. Это было крупное зажиточное село. Первая десятилетка была в этом крупном селе. Многим не возвращали дома, многие судились, но суды не принимали эти заявления всерьез. Хрущевская власть была, они просто не могли нас еще репрессировать, но всячески чинили препятствия, чтобы не выплачивать людям деньги за их дома. Греки стали селиться в Сухуме, в районе Маяка, Лечкопа, стали самовольно захватывать какие-то клочки земли. За ночь ухитрялись поставить какой-то небольшой сарай, у кого были накопления хотели построить дома. Им препятствовали, но с годами они стали умудряться оформлять это все за взятки.

С.В.: Вы помните отношение мегрельского населения к вернувшимся грекам?

Н.П.: Враждебное отношение было, даже ссорились. Берия проклинали. Грека могли убить, если какой-то грек по пьянке мог сказать, вы нас выслали, вы наши дома занимали. В селах возникали стычки, скандалы, требовали люди освободить свои дома. В родном доме жил чужой человек, а ты вынужден влачить какое-то жалкое существование. Многие остались в Казахстане. Там возможностей было больше. Люди ушли на производство.

С.В.: Что в ссылке было самым трудным для вас, ребенка?

Н.П.: Суровые зимы, мы не были приучены к этим условиям. Мама нам вязала шерстяные носки из козьей шерсти. В первые годы неволи нам не разрешалось никуда ходить.

Собеседник – Нора Амичба
Ведущий – Саида Возба
Дата записи:31.03.2021 г.
Транскрибировано: 2.04.2021 г.

Н.А.: Я, Амичба Нора Панджовна, родилась 3 апреля в 1936 году в городе Очамчира. Моя мама Гагулия Минадора Чаговна родилась 10 декабря 1918 года. В младших классах она училась в Лыхненской школе. Рано окончила школу и поступила в Сухумский педагогический техникум, где и познакомилась с моим отцом – Амичба Панджо Елкановичем.

Папу моего арестовали в 1938 г. в январе, ему было 25 лет. Он 1913 года рождения. В день, когда пришли за ним, мама находилась в бане, а я маленькая оставалась с папиной сестрой Олей Амичба. Папа попросил сестру позвать маму, она бегом в баню, стала звать маму, объяснила, что за папой пришли три человека, хотят забрать его. Мама прибежала в тот момент, когда папу вели к машине. Он успел крикнуть: «Дочь береги». Он работал на Очамчирской почте до ареста. Меня маленькую на время забрала пожилая соседка тетя Мария Джанашия, так как маму преследовали как жену врага народа. Тетя Мария и стала моей крестной мамой. Я крещеная абхазка. Имя Нора мне дал папа, оно созвучно с маминым Дора (по документам), а Риммой меня звала мама, так как рядом жила малышка Римма и мама часто до моего рождения с ней сидела и играла. Так я для всех родных и близких была Риммой.

После ареста папы мама уехала из Очамчири к своим родителям, и мы с мамой жили в Гудауте, в доме с башенными часами. Наша квартира была на третьем этаже, и окна выходили на крышу с этими часами. Я часто вылезала через окно и сидела там.

Рядом располагались гудаутский парк и Дом культуры, где я занималась балетом до шести лет. Маму хотели забрать на войну, и мы с мамой ходили в милицию, я маленькая была. Мне пять лет было, я стояла и плакала, просила не забирать мою маму.

В эти годы войны, в 1941 г. мама работала в Ашицрах учительницей, потом ее перевели в Новый Афон. Жили мы в Новоафонском монастыре. Из нашего коридора был выход через мостик небольшой на горку, где находился детский сад. В Новый Афон маму послали учить неграмотных военных солдат, которые воевали в ВОВ. Приводил их офицер Кругляков Олег Николаевич. Он стал ухаживать за мамой. Он был родом из Баку. Я часто гуляла на территории монастыря и однажды иду с перепелкой на веревочке, а ко мне генерал подходит и спрашивает: «Чья ты дочь?». Я отвечаю: «Моя мама Дора Чаговна Гагулия, а я Амичба Римма Панджовна». Он схватил меня и начал целовать, говорит: «Ты моя родная, ты моя племянница. А где сейчас твоя мама? – «Она учит солдат, тут вот в этой комнате», – сказала я…

В 1946 году Кругляков и мама поженились. Мама с 1946 по 1952 год работала в Лыхненской школе. Отчим был инженером, он строил Лыхненскую чайную фабрику и поселок для иммигрантов войны в Абхазии. Мама добилась открытия школы для начальных классов, русских было очень много. Постарше дети ходили пешком пять километров в гудаутскую школу. Я тоже ходила с двоюродным братом Гагулия Юрой (Кока).

Помню, как однажды с бабушкой сидела на веранде в Джгиарде, и у наших ворот промчался на коне мужчина. И чем-то он мне, маленькой, напомнил отца, и я начала кричать: «Папа, папа, папа». «Зачем он мимо проехал? Зачем я дожила до такого?», – заплакала и начала бить себя по голове. Прибежали тетя Оля и тетя Магбуля, стали успокаивать (я очень извиняюсь за мое отступление, но я очень страдаю, когда вспоминаю эту картину). Но не сказать о большой и доброй семье моего родного отца Панджо, о том, какие были мои родные Амичба, это ничего не сказать. Они меня заставили называть отчима отцом, они его пригласили в свой дом, и сказали ему: «Ты, Олег, воспитываешь нашу племянницу, нашу кровинушку, значит, ты нам как сын.

Этот дом для тебя отныне родной. И мы видим твое отношение к ней и ее маме». Отчим был таким, дай бог, родным отцам быть такими, каким мой отчим был для меня и моих детей. Он однажды обиделся на маму, когда про меня в гостях сказали: «Ни на мать, ни на отца не похожа». А мать ответила: «Он не родной, она вылитая родной отец». Месяц он был на маму обижен, потому что сказала, что он не родной. Моя мама умерла в 1976 году 21 октября. А за три дня до ее смерти мне приснился сон: папа родной обнял нас с мамой и говорит: «Вот, наконец, я вас нашел. Идемте со мной». Мама ему говорит: «Как так? Я вышла замуж за другого, нет». А он ответил: «Но я вас люблю и у нас дочь». Я ему еще сказала: «У меня трое детей, если хочешь, может, маму возьмешь?». И я проснулась с криком: «Мама умрет, мама умрет». И через три дня ее не стало. Приехали ее забирать тетя Вера и дядя Иосиф, тетя Оля, Шура и Валентин Амичба. Память о моей маме была очень большой.

И, Саидочка, еще одна история из моей памяти, из рассказов мамы. История, которую описал Фазиль Искандер в повести «Пиры Валтасара», происходила в доме моего дедушки Гагулия Чага. Калинин обжёгся аджикой у бабушки Макрины Гагулия. Бабушка приняла гостей, накрыла стол, и все они были в доме моих предков с маминой стороны. Мамин брат Пача Гагулия какое-то время возил Лакоба Нестора, он лыхненский был. Мой дедушка первый вступил в колхоз, свои земли и скот раздал своим братьям, то, что не отняли во время раскулачивания. Калинин бабушке, маминой маме, прислал грамоту и свидетельство, что она первая женщина – председатель женсовета Абхазии.

Мы с мамой писали во все инстанции, чтобы узнать, что с отцом, и за что его арестовали, но так и не получили никакого ответа. Как в воду канул, никакой информации о дальнейшей его судьбе. И в 1953 году после смерти Сталина И.В. мы писали, но даже документального подтверждения о том, где он находился, у меня нет. Информации о его дальнейшей судьбе никакой нет. В Абхазии в секретных документах НКВД того времени что-то может есть. За что его арестовали? Что такого он мог совершить?

Собеседник – Ольга Цвижба
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 19.11.2020 г.

Мои воспоминания о папе[1] уходят в детство и студенческие годы, ведь мы с братом поздние дети, брат родился, когда папе было 50 лет, а я – в 52. Мы помним свое счастливое детство и юношество с любящим и заботливым отцом, слишком рано он ушёл от нас.

О трагедии, которую пережил папа и вся его семья, родители, брат, сестра, мы смогли узнать, став взрослыми людьми. Ну а в детстве мы знали, что папа долго жил и работал на Колыме. Работал геологом в тайге, у него был четвероногий друг – собака Дружок. Они вместе ходили на охоту, не раз встречали там медведя. Мишка Бадед, так называл его папа. Откуда нам, детям, было знать, что за этими добрыми рассказами, папа каждый вечер рассказывал очередную историю, даже называл номер, скрывается трагедия времени, трагедия человека, который «… из детства в старость угодил».

Папе не было и 23 лет, когда его, молодого студента, забрали, предъявив нелепые обвинения, и на 19 лет разлучили с Родиной, разлучили с поэзией, «молчала муза 20 лет…». Пять лет заключения и вечное поселение вдали от Родины. И только в 1954 году, почти через год после смерти «вождя народов», пришло долгожданное разрешение ехать на «Большую Землю», именно так заключенные называли возвращение домой. Папа вернулся на Родину, в родную Абхазию. Вернулся седеющим, с подорванным здоровьем, но не сломленным. Ещё слишком долго в Абхазии будет существовать культ личности Сталина. А это значит, что папа без работы, стихи не печатают, друзья боятся с ним общаться. Но желание жить и творить сильнее всех сложностей, уже в 1955 году выходит книга стихов на абхазском

[1] Цвижба Шалва Леварсанович (18.12.1912, с. Тамыш Кодорского участка Сухумского округа /Абхазии/ – 26.05.1987, г. Сухуми, Абхазская АССР) – абхазский поэт, прозаик. Член Союза писателей СССР и Союза писателей Абхазии. Писал на абхазском языке.

языке «Маленький хозяин». А в 1960 году судьба подарила папе встречу, которая с новой силой придала ему желание жить, любить, писать, стать счастливым человеком. Это встреча с нашей мамой, Надеждой Григорьевной Субботиной. Москвичка, бросив работу, родных, свой привычный столичный образ жизни, переезжает навсегда в маленькую Абхазию. Именно она, наша мама, становится на долгие годы опорой и поддержкой папы в его творчестве. Именно с ней он делится своим новым, своими поэтическими радостями и печалями.

Я помню, какая дружная и счастливая была наша семья. Какие у нас были замечательные мама с папой. Мне казалось, что они самые лучшие на свете, так и было. Мы всегда были вместе. Вместе ходили в кино, вместе на вечернюю прогулку на набережную, даже на рынок вместе.

Мы, дети, конечно, слышали разговоры родителей о трудностях на работе у папы, но в силу своего возраста мало что могли понять. Но главное, что и с детства было понятно, что наш папа очень скромный человек. Он никогда ни у кого ничего не просил, а о себе говорил: «Обо мне скажут мои стихи». Когда папа умер, один из членов правительства так и сказал: «Умерла Совесть Абхазии».

К сожалению, очень мало пришлось пожить папе в то, понастоящему для его творчества счастливое время, время, когда М.С. Горбачев поднял тему репрессированных. Это 1985 год. Вот тогда вспомнили наконец о миллионах невинно пострадавших. Помню, папины слова в тот момент: «Надя, все мои стихи теперь будут печатать!» До этого момента цензура урезала стихи так, как диктовала эпоха Брежнева. Я знаю много папиных стихов в их истинном переводе, а не в том, в котором они вышли в свет. Так и не удалось увидеть свет стихотворению «Разговор», написанному папой в 1984 году.

Именно этим стихотворением-биографией я хочу закончить свои воспоминания о папе. Конечно, это не всё, что я могла бы ещё рассказать о Человеке, о поэте-философе с душой ребёнка, о любимом Папе.

– Гагра!
Стала ты моей судьбою…
Годы детства, школа-интернат.
Перед школой море голубое.
Позади вечнозеленый сад.
А за школою, дорогой старой
Чистоту свою являя нам,
По ущелью речка Жоэквара
Прыгает по скользким валунам.
Всё мне это дорого, не скрою:
Школа, сад, поющая вода,
Пушкин, Байрон, Лермонтов
порою,
Здесь ко мне спешили
сквозь года.
Нет порыву ни конца, ни края.
Всё, похоже, удаётся мне.
И на скрипке я уже играю,
И стихи слагаю в тишине.

– Было это?

– Было, давней ранью,
Этому полвека лишь всего.
Что ж, спасибо вам,
воспоминанья,
За картины детства моего.

– Ну, а дальше,
Дальше-то что сталось?
Где ты и на что растратил пыл?

– Дальше-то была, известно,
старость.
– Ты из детства в старость угодил?

– Да, видать, прямая тут дорога.

– Ну а юности шальная прыть?

– В юности мной сделано немного,
Что же мне об этом говорить.
Рад я старость твоему приходу,
Рад с тобою быть наедине.
Ты улыбка, ты призыв к полёту,
Стол, бумага, карандаш в руке…
Сколько сделать мне ещё осталось
В слове отбивая глубь и высь.
Так продлись, прошу тебя я,
Старость!
В счет далекой юности, продлись…

Умер папа 26 мая 1987 года. Скромная доска на доме, где жил поэт, скромный памятник на Сухумской горе, в Пантеоне.

Собеседник – Петр Квициния
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 24.11.2017 г.
Транскрибировано: 19.05.2020 г.

П.К.: Мой отец был учителем. Он был учеником Дзидзария Кондрата и Дмитрия Гулиа. В 1928 году закончил Сухумский педагогический техникум, это был первый выпуск. После этого он работал очень много и долго в различных школах. Отец по происхождению из крестьян, вырос в большой бедной семье, незажиточной, у него четверо братьев. Рано остался без отца, он был старшим ребенком в семье. После смерти отца нужда заставила моего отца Камшыша стать помощником пастуха в селе. Тогда каждый год гоняли скот на альпийские луга. Примерно с 10 лет он стал вместе с пастухами подниматься в горы. Это было в Очамчирском районе, в селе Атаре. Мы, вообще, коренные жители села Атары из рода Квициния.

Когда производился ремонт нашего дома в Акускье, кровельщики, которые были русские по национальности, первый раз

показали отцу буквы. Настолько он был темный в этом плане, что ни азбуки, ни алфавита не видел, не имел возможности. Там какой-то обрывок газеты с ними был, ему показали буквы и как читать. Он попросил их, чтобы они написали ему несколько букв, чтобы выучить. На чем написали не знаю, но наверно, на глине. Это был примерно 1918 или 1919 год, когда ему было 18 лет. Первый раз ознакомился с азбукой и понял, что можно научиться читать.

В 30-е годы он стал учиться. Несмотря на то что мой дом был сожжен, удалось найти портрет моего отца среди учеников 1928 года. С этого периода он начинает работу в разных селах: сперва в Атаре, потом в Адзюбже, затем в Киндги.

Когда он попал в Сухум, быстро освоился. По-русски он писал совершенно грамотно. Каллиграфия была замечательная. Он преподавателем русского языка был, не абхазского, хотя ничего русского в его жилах не было. Мать его была Джабуа, тамышская. Род известный, сейчас мало кто остался. Хабугом звали ее отца. 31 год был отцу, когда он женился на моей матери. Мать моя была из Ткуарчала. Ее родители умерли во время испанки, четверо детей остались и их передали дедушке со стороны матери, который жил в Атаре, по фамилии Какоба. Они воспитали трех сестер, все вышли замуж, в том числе и моя мать за Камшиша.

Камшиш в Атаре был известен как педагог, а она была абсолютно безграмотная, никто ее не учил. Ее звали Мычич. Отец женился на ней в 1931 году, но, к сожалению, у учителя тогда не было больших возможностей. Никто не разрешал даже землю держать, совсем немного разрешалось. Учитель, значит, пусть учительствует и нечего ему хозяйством заниматься. Отец от братьев получил корову дойную, когда выучился, но позже продал ее. В 1931 году отец получил небольшой участок земли. В доме ничего не было, даже кровати, нищета полная.

Старший брат отца был репрессирован. Его звали Мыку Елканович. 18 человек были репрессированы из нашего села. Мыку расстреляли. Братья моего отца и дяди искали тело брата, хотя

это не разрешалось. На лошадях, поздно ночью, они ходили из Атары в Ахалдабу в поисках его тела. И были случаи, когда они натыкались на расстрельные ночные группы, которые привозили борты, вытаскивали оттуда полуживых людей, расстреливали и выбрасывали в уже подготовленную яму. Мне это рассказывал отец. После того как они уезжали, братья пытались раскапывать яму и там искать. И руками, и лопатой, и какими-то средствами. Приходили домой поздно ночью, в глине, все запачканные. Перед рассветом возвращались в Атару, примерно восемь километров на лошадях они ездили. Лошадей они прятали вдалеке от этого места, куда приезжали. Дорога грунтовая, асфальта не было. Отец рассказывал о разных происшествиях, которые случались с ними. Чуть не попались однажды. И вскоре прекратили эти поиски. Они могли сами погибнуть, если их заметили бы. Никого они не нашли.

Видимо, пронюхав, что грамотный Камшиш ищет своего пропавшего брата, атарец его предал. Отец даже называл имя доносчика, но я его не буду озвучивать. Отца взяли в Адзюбже прямо с постели. Мама осталась с ребенком на руках, отца посадили. Его посадили непонятно, как пропагандиста поповщины среди молодых. В 30-е годы борьба с церковью шла, с верой, особенно христианской. Отец на самом деле был неверующий. Мать верующая, а отец нет. Он диалектику природы Энгельса читал, как сегодня помню, эту книгу толстую. Все село знало о его мировоззрении.

На втором этаже нашего дома была большая библиотека отца по кавказоведению, одна из богатейших. Но во время войны 3 декабря 1992 года, к сожалению, дом был сожжен. Нападение было на село.

Но вернусь к своему рассказу, 14 женщин были записаны из села как свидетели того, что мой отец пропагандирует среди них поповские брошюры. Его осудили на 10 лет сразу. Так было принято, тройка судила. Это было в 1938 году. Отец год как сидел. Адвокат поехал в Тбилиси и там написали заявление на пересуд, чтобы новый суд был открытый. Тогда судьей в Очамчирах работал отец Сергея Мироновича Шамба, Мирон

Шамба.[1] Там состоялся суд, были приглашены те свидетели, которые были записаны в доносе. Явилась только одна, которая была стахановкой. В селе – известная личность, неграмотная, сборщица чая. Очень интересная женщина была. Отец отказался от адвоката, сказал: «Я все сам понимаю, и буду защищать себя сам». Спрашивают свидетельницу: «Чему учил вас этот обвиняемый?» «Кресты ставить», – отвечает она. «Какие кресты?», – спрашивают. «Он нас учил подписываться на ведомостях, чтобы денюжки получать», – она сказала. Камшиш держал мою руку и выводил буквы на бумаге. Ликбез назывался, то есть ликвидация неграмотности. Днем работали в колхозе, ночью на учебу ходили. Колхоз в Атаре был организован в 30-е годы, раньше остальных сел. Сама того не зная, женщина доказала невиновность моего отца. Прямо из зала суда его освободили. Год и три месяца сидел в Очамчире, матери не разрешалось посещать его. Несколько раз с ребенком приходила она туда с ним увидеться. Постоянно говорили, что нет его там, отказывали во встречах. Потом, как мне рассказывала мама, если бы не перестала ходить, могли и ее посадить.

Когда отец был учителем в селе Киндги, там оказались близкие родственники того доносчика. Вот интересное продолжение. Близкие родственники с известной фамилией. Кто-то из них попал под список на военную службу в действующую армию. Так как отец был директором восьмилетки, у него была бронь. Она существовала в 1941 году. Но отца сразу же записали в список. Пришел он в военкомат с вещмешком. Когда дело свое посмотрел, внизу была написана фамилия того человека, который должен был ехать из села Киндги на военную службу, а она была зачеркнута, сверху написано Квициния Камшиш Елканович. Он знал, что есть бронь, что его не должны брать. Он сразу понял, кто это, знал этого человека.

[1] Шамба Мирон Михайлович (1915 – 1991гг.) – видный гос. деятель, засл. юрист Абх., гос. советник юстиции, ген.-майор юстиции. В 1954 он становится зам. прокурора Абхазии, затем избирается пред. Верховного суда. Избран народным судьей Сухума (1962). С 1975 председатель Коллегии адвокатов Абхазии.

Когда отца освободили, донесшего на него условно осудили на девять месяцев за лжесвидетельство. Отец мне рассказывал: «Мы в селе Даче встретились, его вызвали по телефону из Очамчиры, а меня отпустили. Когда увидел, что я на свободе, у него глаза из орбит вышли, кивнул так головой и говорит: «Ты, наверно, туда в Очамчиры едешь, да, хорошо-хорошо, езжай», и уехал. Это был один из учителей. Писал не только на отца, но и на многих других. Писал он, а кто заставлял, черт его знает. Неизвестно. Отец вышел, не смог вернуться на прежнее место работы, так как место было занято. РОНО направило его в Киндги и он два-три года там работал.

Когда отец приехал домой из военкомата, сказал жене: «Иди к Какоба и сохрани себя и дочку». И ушел в абреки. Судьба этого человека интересная. Сразу в Атаре, в Адзюбже и в Киндги всем стало известно, что Камшиш не явился на сборы. Был тогда создан эскадрон истребительный. На лошадях ходили по селам, искали дезертиров. Им было дано задание, где увидят дезертира, ловить и расстреливать. Тогда действительно были случаи, когда дезертировали без причины. Некоторые даже возвращались в село на побывку, или же удирали с фронта. Но когда их обнаруживали, либо расстреливали, либо отправляли обратно на фронт. Но в данном случае он открыто стал абреком. И так девять месяцев он был абреком, но ни одного человека не обидел, не ограбил, хотя был в бегах. Бандиты грабили и ради этого уходили в лес, а он был не из тех, по своим убеждениям. В селе, куда он обычно ходил покушать, брать еду, была такая Гулиза Куцниа, старая женщина, которая знала всю эту историю. И она приютила недалеко в лесу отца, он мне все это рассказывал. Она ему передала, что ему из Сухума сообщили (К. Я. был такой, который сотрудничал со службой безопасности тех времен). Янко сообщил, что бронь сняли. И тогда отец написал записку: «Раз сняли бронь, хочу выйти и пойти на фронт». Эта женщина тогда спасла моего отца. Маленькая записка оказалась в руках НКВД. И в назначенное место, в 4 утра, в село Атару приехали из НКВД на какой-то военизированной машине, а отец вышел без оружия. Фары осветили его. Увидев, что он без оружия, его поса-

дили в машину и повезли в Сухум. Там он написал объяснения, что случилось, почему был в бегах и т.д. Ему сказали, чтобы он написал заявление о том, что будет служить в армии. И сразу же отправили его на фронт. После этого он служил в 9-м Кавказском кавалерийском полку, в Нахичеване. Шел 1943 год. Опять директорам школы и другим работникам какие-то послабления стали делать, и в конце 1943 года отца, каким-то образом комиссовали. Я храню бумаги, где он служил. Почему его не забрали на фронт, не знаю… Он вернулся в родное село, не был лишен преподавательских прав, в Атаре Армянской работал, в армянской школе. Там не было учителя русского языка, и он на лошади из Атары ездил каждый день. Отец открыл школу там, где мы жили, воплотил свою мечту. Тогда уже были грузинские школы. Я четыре года в этой начальной грузинской школе учился у отца. Тогда в 7 – 8 лет в первый класс шли. Отец научил меня и читать, и писать, даже географию я помню. Пришлось учиться в этой грузинской школе. То, что пришлось выучить в этой школе, до сих пор помню. Я читаю прекрасно, но тогда была муштра. Палка лежала на столе у учителя. Учитель сидит, сам верзила, педагогическое образование не имеет и тебя учит, попробуй не выучить. В 1961 году я закончил школу.

С.В.: Как складывались отношения между учителями и вашим отцом директором?

П.К.: Стычек не было. Это уже была сплошная грузинизация абхазских школ. Это то, что я помню. Отец не любил говорить о политике. Он боялся, что так же, как и он я буду репрессирован. В этом я точно уверен.

Страх был у всего населения, потому что слишком много уничтожили людей. В Атаре 18 лучших людей было расстреляно, без вести пропали, один только вернулся – Квициния Ирод Куаканович, отец Ирины Квициния – это ученая, литературовед. Она изучала литературу русских писателей в Абхазии. Ее отец был сослан в Сибирь, вернулся, каким-то образом выжил. И в 1957 году был реабилитирован.

Отец мой никогда в жизни не ругался, никогда не видели его пьяным, никогда не курил, никогда не повышал голоса, но меня

в молодом возрасте он учил неправильно. Он никогда мне не разрешал дать ответ другому. Отец неправильно подготовил меня к жизни в обществе. Потом были у меня проблемы из-за этого. Я много страдал в старших классах. Он говорил, если кто-то обидит, скажи мне. Я старался долгое время вести себя так. Я имею в виду школьные годы жизни. Это неправильная методика была с его стороны. Я оказался среди других, которые колотят, бьют друг друга, сквернословят.

В 1989 году я поступил в Институт этнографии по специальности антропология. Очень усиленно готовился. Я увлекся антропологией, ознакомился с методикой сбора материала, его изучения. Жалею сейчас, что это не представляет интереса для общества. Сейчас больше изучается военная антропология и еще экология человека.

С.В.: Что касается феномена долгожительства, какие открытия были вами сделаны?

П.К.: Книга об антропологии, антропоморфологии абхазов была мной подготовлена к изданию в 1992 году. Однако погибла, остались только первая и последняя страницы. Я нашел в папке. Остальное было вырвано или куда-то исчезло. Это было во время войны. Институт сгорел, материалы все сгорели. 83 черепа – это антропологические материалы. Инструментарии для измерения человека и наблюдений тоже погибли. Дом сгорел.

Я переключился на подготовку учебников на абхазском языке. В 1997 году я издал книгу «Ауаю» – «Человек», а готовил я ее еще в 1995 году. После войны, знаешь, какие условия были – ни зарплаты, ни института, ничего не было.

В жизни абхазов произошел большой сдвиг из-за образа жизни. К сожалению, война повлияла. Причем, и психология изменилась. Это показатель того, что нынешняя ситуация Абхазии не изучена абсолютно. Куда мы идем, как можно сохранить свой народ, свой этнос? До сих пор неизвестно. Мы перед большой опасностью сейчас находимся, большей, чем вовремя махаджирства. Будем ли мы как этнос существовать на земле? Как этнос можем исчезнуть, и это факт. Нам нужно изучить все стороны жизни абхазов. Мы должны быть настолько грамотны-

ми в этом деле, чтобы приспосабливаясь, не потерять основные свои качества. Основу должны сохранить и в то же время взять что-то положительное, если оно есть для наших детей. Это не так просто. Главное, какую нишу мы сегодня занимаем, и как нам это сохранить.

Собеседник – Римма Султанян
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 11.06.2019 г.
Транскрибировано: 28.03.2020 г.

С.В.: Расскажите немного о себе.

Р.С.: Я, Султанян Римма Тиграновна, родилась в 1941 году в городе Гудауте в семье почетного железнодорожника Султаняна Тиграна Павловича. Мама моя Султанян Евгения Ивановна. Она из города Артвин, сейчас Турция. Город принадлежал Российской империи. Папа родился в городе Олти, это был пограничный город тоже, принадлежал Российской империи. В доме у моего отца квартировались тверские казаки. Отец моего отца занимался хозяйством. У него были большие плантации роз, он заготавливал эфирные масла и продавал. Этим они жили. Погос Карапетович Султанян звали его. Он построил бараки, в которых квартировались казаки в городе Олту. Когда началась резня в 1915 году, дедушка мой остался вместе со своей сестрой. У сестры было семеро мальчиков. Они решили остаться, так как были русскими подданными. В городе Олти была школа, преподавание велось там на армянском и русском языках. Мой отец закончил эту школу и поступил в реальное Тбилисское училище. Закончив это училище, он приехал в свой город Олту и стал работать в мастерских господина Зингера механиком. Однажды в поездку приехал с аудитом сам Зингер, и когда увидел моего отца в этой мастерской, сказал: «Тигран, я вам помогу деньгами, и вы будете учиться дальше». Он на свои деньги отправил моего отца в Ростов, в Строительный институт, в 1918 году отец поехал туда учиться. Приехал на каникулы в город Олту. Уже

начиналось отступление казаков, так как он был русскими подданным, его сразу взяли в армию. И с казачьими войсками он отступил в город Прохладный, в 1918 году или в 1919, точно я не помню. В городе Прохладном он работал механиком, потом он переехал в город Кисловодск, женился там. В 1926 году у него родился сын Лева. В 1928 году папа приехал в город Очамчиру. Тогда уже разговоры шли о строительстве железной дороги и моего папу сразу взяли на работу механиком.

С.В.: А как он в Абхазии оказался?

Р.С.: Он приехал, когда узнал, что в Абхазии планируется строительство дороги. Он написал, и его пригласили. Я не знаю, куда он писал, он приехал со своей женой и маленьким сыном. В городе Очамчире он работал на строительстве железной дороги Очамчира – Ткуарчал. Это было 22 километра. Есть фотографии, как первый паровоз пришёл в Очамчиру. А потом они уже начали строить из Очамчиры в Сухум дорогу. Отца моего назначили работать в Сухуме механиком на строительстве Черноморской железной дороги. Его два раза выбирали депутатом городского собрания, а потом в 1937 году он занимал разные должности. В 1937 году пришли к нему домой из НКВД. Он был партийным. Как партийный он имел оружие, заставили это оружие сразу сдать. Мама была с трехлетним ребенком, и была еще в положении. Ее выгнали, папу забрали, мама не знала, где он. Был суд. На суде мама предоставила все документы: газету «Стахановец» за первое января 1936 года, где есть папина фотография как отличника работы. В ней была фотография Лакоба. Эту фотографию зачеркнули, и папу обвинили, что он стоял в почетном карауле на похоронах у врага народа Лакоба. Потом папу выслали в Ташкент, но мама не знала. Ему дали три года. Его обвинили как врага народа. Маму мою выселили из квартиры при железнодорожной больнице. Она очень тяжело болела. Ее родители из города Лабинска Краснодарского края. Отец мамы приехал в Сухум и забрал ее с детьми. Мальчика она тоже родила в Абхазии, очень травмированные дети были. Когда приехали в Лабинск, дети умерли, девочка от менингита, мальчик от туберкулеза.

Я еще не сказала о том, как она ходила в Дранду, отец был в Драндской тюрьме вначале, как-то она об этом узнала. Охранник выгнал ее, мальчика пальцы попали под дверь, потом у него начался туберкулёз. Мама узнала, что папе дали три года.

Папа мне рассказывал, как пытали его в Драндской тюрьме, рассказывал, как ставили его в воду, вода доходила до горла, а на руках были книги и, если немножко шатнется, то упадет и утонет там. И он рассказывал, как стоял с этим. Вот такие пытки были. А потом еще страшнее, у него ногти были разбиты, иголки засовывали.

Мама не знала, что он в Ташкенте. Прошло три года, он работал в механической мастерской. В 1940 году папа вернулся в Сухум. Родственники сказали ему, что жену с детьми забрали в город Лабинск, не сказали, что дети умерли. Он с игрушками, подарками приехал. Бабушка его встретила, мама выйти не могла, потому что болела очень. Когда отец узнал, что детей уже нет, был в ужасном состоянии. Еще один мой брат, старший сын отца в это время находился в городе Кисловодске у своих родственников, но Кисловодск был оккупирован немцами. Как-то он пошел с ребятами прогуляться, немецкий солдат стрельнул ему в правую руку, а его товарищей немцы застрелили, мой брат выжил. Врачи вылечили.

Папу позвали работать в город Гудауту, где начиналось строительство железной дороги: Сухум – Гудаута. Он работал в это время в мастерской механики, был зав. гаражом. В Гудауты прибывала техника. Это был 1943 год. Были новые машины, были трофейные машины у него в гараже, два студебекера было, американская машина была, на которой он вывозил своих сотрудников на скачки. Это была бортовая машина. Отец приезжал в села абхазские – Лыхны, Дурипш и агитировал мальчиков получить новую специальность шоферов и слесарей. Раньше обучали мальчиков слесарному, токарному делу, а потом только обучали вождению. Гараж был очень большой, в нем были сварщики. На строительстве железной дороги в Гудауте было очень много вербованных рабочих, инженеров, строителей, которые приехали со всего Советского Союза и жили в бараках. Это место

сейчас называется Замостянка. Там было много бараков. Рядом с папиным гаражом находилась гудаутская контора. Главным инженером-строителем был Кебальчич Александр Павлович, который получил еще дореволюционное образование. Тоже почетный железнодорожник, как и мой папа. Папа очень много вел агитационной работы.

С.В.: Какое отношение к отцу было у окружающих?

Р.С.: Очень хорошо к нему все относились. Когда его арестовали, маму мою по-своему успокаивали. Ей говорили: «Евгения Ивановна, ты не бойся, Тигран Павлович не враг народа». Он был хороший человек. А мама молодая была, ей было очень больно. И почему так все случилось? Родственники боялись подходить к ней из-за того, что их тоже могли посадить. И совсем чужие люди подходили к ней: и русские были, и грузинка Кварацхелия Заби. Пока дедушка приехал, она маме приносила кушать. Тоже боялась, но все равно мама рассказывала, приходила. Из дому выгнали, а у них была трехкомнатная квартира. В железнодорожном доме, под эстакадой. Я недавно проезжала там, этого дома уже нет.

С.В.: Что мама рассказывала? Кто забирал отца?

Р.С.: Энкавэдэшники. Еще папа рассказывал, что в камеру ему подсаживали местных воришек, когда здесь сидел несколько месяцев, чтобы они сообщали, о чем в камере говорят.

С.В.: Кто пытал его, рассказывал он?

Р.С.: Нет, не говорил мне. И политических, которые сидели с ним в камере, многих забирали, и они начинали что-то рассказывать. А он всегда молчал, его пытали, били.

С.В.: Кого он винил в этих всех событиях?

Р.С.: Он говорил, что коммунисты не пошли своим путем. Сталина и Берия винил. Почему нужно было их слушать и таких умнейших людей убирать, преданных Родине. Папа мой говорил на турецком, грузинском языках, и выучил абхазский. Свою школу он на отлично закончил, а институт он не смог закончить, не дали. Он ушел на пенсию, но сохранили ему железнодорожный билет, бесплатный. Когда папа умер, маме каждый год

давали топливо. Железная дорога давала топливо бесплатно. 74 года ему было, когда его не стало.

С.В.: С какими трудностями приходилось сталкиваться вашей семье, когда отец вернулся?

Р.С.: Цатуров уже в чине генерала был. Он папу хорошо знал. У меня было это письмо, что написал этот человек о папе. Был один, который хотел папину должность занять, поэтому он это и сделал, донес на него. Я эту фамилию не хочу называть, он мне и фамилию назвал. В Очамчире папу моего очень хорошо знали жители. Когда в Сухуме еще дороги не было, поезд пришел из Цхакая в Очамчиру. На строительстве работали абхазы, армяне. Ацатуряне были там, которых я помню хорошо. В Очамчире, в центре города у них был дом. Сейчас внуки живут в Адлере.

Вместе с папой я объездила все Прикавказье, где строили железные дороги, я везде с папой ходила. Мне было очень интересно.

Раньше железная дорога проходила по центру Афона. Вокзал потом построили. Дорога шла от вокзала теперешнего афонского по улице прямо до озера, где лебеди. Там был переезд железнодорожный. Потом эту железную дорогу убрали. Даже в Армянском ущелье стоят столбы. Где шла эта дорога, теперь дорога шоссейная. Сделали два туннеля. Когда два туннеля открывали, из Тбилиси приехали. Все они стояли, я рядом с папой стояла Ленточку резали, эта ленточка у нас дома была, тоже пропало все в Гудауте. У меня ничего не осталось.

После того как папу реабилитировали, его в Гудауте сразу в партии восстановили. Уже после ухода на пенсию он вел городскую общественную работу. Его всегда приглашали, он лекции читал.

С.В.: Римма Тиграновна, в каком году отца забрали в Ташкент?

Р.Т.: В 1937 году его забрали. Он говорил, что там было неплохое отношение, и политические заключенные работали спокойно. Он говорил о том, что местное население относилось хорошо. Рассказывал, как приносили фрукты сушенные.

В Дранде было ужасно. Не кормили, только крики пыток доносились. По спине его били. Похудевший приехал. Уже потом

железная дорога давала ему бесплатные билеты, путевки. У них свой санаторий был. Они имели право своих рабочих отправлять в Цхалтубо.

В Гудауте я часто приходила к папе на работу за хлебом. Я приходила часто к папе на работу. В это время пленные немцы делали дорогу. И я, вот, по железной дороге прыгала на скакалке, а они меня звали. И когда я шла обратно с хлебом, отрывала хлеб и им бросала. Они мне делали куколку из хлеба, или еще что-то. Охранники один раз вызвали папу и сказали, чтобы я ни в коем случае такие вещи не делала. И после мне уже не разрешали там ходить. А немцы в 1950-х годах построили эстакады, где первая эстакада по нашей улице, она тогда называлась Орджоникидзе. Она шла в Лыхны, эту дорогу, они построили…

… Папа был подтянутый. Это передалось генетически. Братья мои были подтянуты и один, и второй. Павлик, мой младший братик, всю грузино-абхазскую войну работал на «скорой помощи». Родители жили хорошо, папа всегда в почете был. Его любили несмотря на то, что тогда еще не было реабилитации. В 1953 году началась реабилитация. Приехали родственники из Тбилиси и спросили, почему он не подает на реабилитацию. А папа не знал, тогда же открыто об этом не говорилось. И только в 1957 году папа послал документы и его реабилитировали. Помню, как у папы все в гараже собрались и подбрасывали его на руках. Радовались.

Собеседник – Роза Барциц
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 12.03.2020 г.
Транскрибировано: 5.06.2020 г.

Р.Б.: Я, Барциц Роза Манчевна. Родилась 4 марта 1949 года в селе Блабырхуа Гудаутского района. Мой отец: Барциц Манча Бесович, по документам Михаил, по профессии учитель, поэтому с детства я эту профессию полюбила.

С.В.: Чувствовали ли вы на себе, что вы дочь врага народа?

Р.Б.: Как не чувствовала! Мама, когда заболела, все рассказывала, а папа не любил рассказывать. Он говорил мне: «Ты воспринимаешь очень болезненно, зачем тебе все это надо?». Но все равно я подслушивала их разговоры, потому что более 60 человек из нашего села в 1937 году забрали: кого расстреляли, кто 10 – 20 лет получил.

С.В.: Сколько лет было отцу, когда его забирали?

Р.Б.: Отцу было 23 года. В 22 он женился на маме.

Нестор Лакоба со своими гостями часто гостил у дедушки Басята (дедушки моего родной брат). Были Беса и Басят. Басят – это двоюродный дедушка. Мама его называла папа ду. Нестора Лакоба привезли, мама мне рассказывала, из Тбилиси. Сказали сначала, что он умер, потом, что отравили, потом убили. Все это выяснилось. Но вначале привезли на площадь. Мама рассказывала, как Басят пришел, весь дрожал: «Ҳанҵәеит, ҳаиқәыбгеит, Лакоба дыршьит». У него градом слезы шли, он как своего сына его любил. Он так сильно плакал, когда его хоронили, мама рассказывала. И когда он на Лакоба посмотрел, он сказал: «Он не умер, его убили, дадра».

На второй же день Лакоба врагом народа назвали, и первым Басята забрали. Куда его увезли, никто абсолютно не знал, об этом узнали через много лет. Вы знаете, еще как сажали! С одного места на другое арестованных перевозили, чтобы никто не знал, где конкретно они находятся, чтоб родственники не знали. Может, где Абаата? Они их в известковые ямы бросали, еще как бросали, они их еще живыми бросали. Такое издевательство было. Все равно, как говорят, шило в мешке не утаишь, у них издевательский почерк был одинаковый ко всем… Он кричал: «Прошу вас, не оговаривайте себя, то, что вы не сделали, то, что Нестор не сказал, не говорите». Тогда три подписи было достаточно, и уже могли посадить, убрать. Родители не знали, где судебный процесс проходил, никто не знал.

Когда дедушка встречал гостей в доме, папу он посылал по селам позвать Абыргцэа (старейшин. – **С.В**.), чтоб посадить с гостями. Вот папа говорил: «В такое-то время Нестор приезжает

со своими гостями, я хочу, чтобы вы присутствовали». Отец ездил по селам и приглашал. Все это происходило в Блабырхуа. И когда домой пришли, отцу сказали, твой дядя враг народа. Папа был родной племянник Нестора Лакоба. Отец стал пререкаться: «Что значит враг народа? Это не он враг народа, а вы враги».

Отец рассказывал, что они даже не имели права заходить туда, где было их застолье. Отца исключили из комсомола. И он сказал маме: «Если сегодня меня не заберут, завтра заберут. Сегодня или завтра меня посадят. Я тебя очень прошу, не оставляй родителей. Со мной что будет – неизвестно. Я уже чувствую». Так получилось, его забрали, и никто ничего о нем не знал. У папы было четверо сестер и младший брат, которому было 15 лет. Брату отца сказали: «Уезжай, иначе такая же участь ждет тебя». Он уехал в Ростов, закончил там среднюю школу, поступил на юридический факультет. Когда он был на втором курсе, началась война 1941 – 1945 годов. Его забрали. Так он без вести пропал. У дедушки родного брата расстреляли, сын неизвестно, где сидел, младший без вести пропал.

… Еще один интересный момент. Когда отца повезли в Сухум, с дедушкой они расправились сразу же. Барциц первое место занимают по количеству репрессированных, 35 человек. И кто это сделал? Мешок сахара, мешок муки, пистолет и кожаную куртку они получали за каждого арестованного. И тройка решала все это. У них был план, сегодня двое, завтра трое. Один носил до конца эту куртку, показывали на него люди. Одним словом, забрали из Сухума в Гагры. Там проходил судебный процесс…

Отец нашел какой-то клочок бумаги и написал: «Кто получит эту бумагу, я Барциц Манча Бесович, передайте этот листочек Купалба Хыгэ». Он был родным племянником дедушки. Просил сообщить, что его увезли в Гагры и когда состоится суд. Тогда никто не знал, когда суд и где это проходит. Эту бумагу он через форточку выкинул. Я до сих пор не знаю, кто ее принес, кто передал Хыгэ, не говорили, потому что и того, и другого убрали бы. Так узнали о дне и месте суда.

Мои тетки рано утром встали и отправились вместе с бабушкой и мамой. Они вышли в пять утра. Тогда ведь не было машин,

не было транспорта. Часами можно было стоять и не доехать. В этот момент те люди, которые донесли, трое, вышли будто в театр собирались. Когда их увидели, они же не знали, что родные знают, что судебный процесс сегодня состоится, спросили: «Вы куда собираетесь?». Молчали, молчали, а потом одна из тёток сказала: «Куда вы, туда и мы».

Когда судебный процесс начался, через какого-то родственника, они смогли зайти.

Он попросил их сидеть тихо. «Если что-то вымолвите, вас выгонят», – сказал им. Процесс начался, бабушка сидит, крутится. Она не могла понять, почему ее сына нет, его просто никто не узнал, сестры не узнали – жена, мать. Он похудел, одна кожа да кости. И когда ему дали последнее слово, только тогда его узнали. Зашли двое доносчиков, подтвердили свое показание, но сказали, что не могут присутствовать на процессе. А одного напрямую спросили: «Вы поменяете свое заявление?». Он ответил: «Если не уберу, то точно добавлю. Если не добавлю, заднего хода не сделаю». Я не хочу говорить, кто это, их уже всех нет. Один из них, спустя годы, когда папу видел, говорил: «Уара узы са сыԥсны сыԥами». Извинялся все время. И последнее слово дали отцу. Он называет имя и говорит: «Ты сегодня высылаешь меня туда, откуда невозможно вернуться. Но ты знал гостеприимство моего отца, деда, их открытую душу и это позволит мне вернуться». Бабушка в этот момент вцепилась в волосы доносчика. Забрали моего отца. И так десять лет прошло. Мама ни на один день не оставила бабушку и дедушку.

Отец, бедный, сидел в Магадане. Только в 1947 году мы получили известие, что он там сидит, и скоро вернется. Дедушка тут же собрал своих близких, начал готовиться к торжеству. И когда родственники обсудили, кто за что будет отвечать, он гостей проводил. Не прошло и часа, вдруг на могилу (они обычно рядом с домами) кто-то зашел, собаки на него напали. А мама рассказывала, что у нее какое-то предчувствие было, что это папа. Спряталась, чтобы не показываться абхэа (свекру). И вдруг, мама рассказывает, слышу: «Дад, ты кто? Кто ко мне пришел? Мой сын тоже должен вернуться». «Это я, твой сын», – сказал

папа. Нет, ты не мой сын, – сказал дед. – Мой сын Манча. – Это я, Манча, – в ответ. Бабушка лежачая, как закричала: «Я слышу голос своего сына». Она вскочила. Когда они рассказывали, я рыдала. Потом все стали обниматься, плакать. Что хочу сказать, он был сильный, здоровый, поэтому все выдержал. Как-то дедушка посадил своих племянников и говорит: «Я скоро покину этот мир, я не хочу, чтоб что-то плохое было. Чтобы после меня ничего плохого не произошло, я хочу провести торжество и позову всех». А племянники стали говорить, что ни за что на это не пойдут и не позволят предателям прийти, что они не должны заходить во двор ни в коем случае. Он объяснил им, что ему недолго осталось жить. После этого еще год прожил. Родственники доносчика очень болезненно переносили, что он так поступил с моим отцом.

Вот назначено торжество. Они пришли к воротам, тяжело заходить во двор. А дедушка говорит: «Манча, иди сюда, там гости. Пойдем встретим их». И когда подошел к воротам, говорит: «Добро пожаловать». Это тяжело, очень тяжело, но отец послушал своего отца. Я считаю, что правильно сделал, хотя тогда я с ума сходила. Но самое страшное – «от змеи змеи выходят»: его пригласили за стол, поприветствовали, а на второй день он пошел пожаловался, мол, троцкист, враг народа, провел торжество, собрал народ. Отец говорил потом: «Мне еще больнее от того, что он сидел у меня дома, а потом пошел и пожаловался». Я не знала об этом, прошло очень много времени, отца уже нет.

Как-то знакомый отца, встретив меня в гостях у одной из родительниц моего ученика, сказал: «Ох Манча, знала бы ты, какой у тебя был отец. Какой был человечный, красивый, душевный, какой был гостеприимный. «Ему завидовали, поэтому с ним так поступили», – сказал он. Далее он продолжил: «Сижу я на приеме у Зухба Гриши. В этот момент человек заходит весь взъерошенный. Почему ты так рано пришел, спрашивают, а он отвечает: «Я пришёл по очень важному делу. Я тебе скажу, почему пришел. Врагу народа, троцкисту, находившемуся в ссылке, отец првел торжество. Кого только не было! Большое торжество!

А Гриша у него спрашивает: «Ты откуда знаешь?» «Как откуда? Там был», – отвечает. Гриша у него спросил: «Какая у тебя была цель? Почему ты туда пошел?». На что он ответил: «Я принес список коммунистов». И тогда Гриша так разозлился: «Ты не имеешь совести. Из-за тебя человек попал в ссылку, отправил его туда, откуда не возвращаются». Из Блабырхуа 60 человек забрали, только двое вернулись. Отец Ласария Вани также вернулся. Больше никто не вернулся. И все равно бог наказывает. К чему я это говорю, когда он Грише дал этот список, тот его выгнал. Он был нашим родственником. Поэтому дедушка не хотел, чтобы вражда фамильная была и пригласил его на торжество. Он хотел всех примирить и спокойно уйти. Отец мне об этом не рассказывал. Только в 1987 году мне стало об этом известно, когда его уже не было в живых. Он трагически погиб.

…Когда отца арестовали, люди боялись заходить во двор, но некоторые приходили. Страх был, они тоже боялись. Все это мама пережила. Когда я училась, все по дому делала, мне маму жалко было. Папа в Пицунде работал. А мама часто и мужскую работу выполняла. Она жалела отца, говорила, что он многое перенес.

… Конечно, сильно над отцом издевались. Вот, видите, на фотографии у него на лбу ямка. Вот так издевались. Его заставляли, чтобы он против Лкоба что-то сказал. Дедушку напрасно убили. За что? За то, что хлебосольный был. У них (работников НКВД. – **С.В**.) ямы везде были: и в Гагре, и в Сухуме. Они живыми людей туда бросали. Он выдержал все, потому что был молодой, энергичный и хорошо был воспитан.

Одного я никогда не забуду. Как-то собрались все родственники и начали требовать, пусть убираются отсюда те, кто написал на наших отцов, пусть уезжают из деревни. Мы не хотим видеть тех, кто убил наших отцов. «Если мы все поубиваем друг друга, к чему придем?» – сказал отец. Потом из райсполкома пришли, с трудом их усмирили. Мне нравилось, как уважали друг друга братья, племянники. Для всех отец был старший. То, что он говорил, для них было законом.

Собеседник – Роза Смыр
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 19.01.2020 г.
Транскрибировано: 22.05.2020 г.

Р.С.: Я родилась в селе Абгархуке Гудаутского района в 1951 году. В данное время проживаю в Пицунде, работаю в курортной библиотеке. Всю свою жизнь проработала там.

С.В.: Расскажите немного о своем детстве.

Р.С.: Мой отец был очень строгий человек, не баловал нас. Вот говорят же ортодоксальный еврей, он был ортодоксальный абхаз, но вместе с тем ласковый, хотя старался это не проявлять.

С.В.: Кто был в вашей семье репрессирован?

Р.С.: Отец мой, Мустафа Давыдович Смыр. Он на самом деле 1904 года рождения, но, когда поступал в Коммунистический университет трудящихся Востока им. И.В. Сталина в Москве, там был возрастной ценз, так что сделал документы, что он 1906 года рождения. Учился там. Однако у него не было систематического ни начального, ни среднего образования. Отец был настолько грамотен, настолько начитан! Даже сейчас, спустя столько лет, я поражаюсь этому. В молодости не совсем понимаешь, а сейчас я просто поражаюсь. От природы он был очень способный, уникальный человек. Он закончил учебу в 1936 году, работал в Гудаутском райкоме партии, в Очамчирском райкоме партии. Нам всегда казалось, что отец вечен. Больше меня об отце, конечно, знал брат, к сожалению, его уже нет. Когда в 1936 году был убит Лакоба и начались массовые репрессии, моего отца практически спас Владимир Ладария. Он был первым секретарём Обкома партии Абхазии. Он наш родственник, у отца бабушка была Ладария. Он отправил его на учебу в Москву, по-моему, в Высшую профсоюзную школу имени Шверника. Тогда она по-другому называлась. У меня дома были его зачетные книжки, студенческий билет. Закончил отец учебу в 1941 году перед войной. Папа приехал в Абхазию. Хотя у него не педагогическое образование было, его назначили директором школы.

Он недолго был директором, в 1942 году уже посадили. Он сидел в Тбилисской тюрьме, она была как перевалочная тюрьма. Его раза три отправляли в город Петропавловск, в Казахстан и там тоже его не принимали, так как не был подписан приговор. Отец рассказывал о телячьих вагонах, холодных таких, но битком набитых людьми.

Даже был такой случай, они очень долго ехали, многие просто примерзали к полу вагона. Извини, но это факт. Те, кто сопровождали их, мочились вокруг.

Как он говорил, это не для того, чтобы унизить, а чтобы, пока моча горячая отодрать от пола. Были и такие случаи. Отсюда у него страшнейший ревматизм, у него бывали такие приступы.

Огнеупорный кирпич потом разжигали, у нас шинельное сукно и одеяло такое было, мать его заворачивала, и он лежал на этих горячих кирпичах. Потом стал ездить на источники в Ткварчели, вот это ему помогло. Не вылечился, но помогло.

Так получилось, видимо, какая-то сила его хранила. В его жизни было несколько встреч, которые в буквальном смысле спасали ему жизнь. Он в тюрьме встретился с Акакием Семеновичем Ебралидзе. Это очень известный тбилисский инженер, тоже был репрессирован. Отец был без права переписки, вообще, голодом морили. Он (Ебралидзе. – **С.В**.) очень ему помог, подкармливал. Он ему сказал: «Ты где-то сдохнешь пока туда-сюда тебя будут возить, лучше подпиши свой приговор». И отец послушал его и подписал. Потом пять лет он сидел в Кармагели в лагере. Это тоже где-то в Грузии. О господи! Это известный факт, какое было отношение. Там он, не знаю спустя какое время, заболел тифом в тяжелейшей форме. Вначале была очень высокая температура, а потом, наоборот, упала. Решили, что он уже умер. И где-то в мертвецкой, или, как там это называется, видимо, сразу не хоронили, была какая-то русская женщина, есть же верующие, которые ухаживают, одевают, переодевают. Она увидела, что у него зашевелились ноги и руки. Вот благодаря ей он практически остался жив. Она стала кричать: «Человек живой, как же вы его живого хороните!». И там тоже был врач.

…У отца была такая память уникальная. Он все это помнил. Наше с братом упущение, что не записали, что он говорил. Врач тоже был из репрессированных. Пожалел его, большое внимание оказывал. Благодаря этому врачу и верующей женщине отец не умер. Очень было сложно. В 1948 году он вернулся. Он рассказывал, что это было зимой, но в начале года или в конце года, я не знаю, к сожалению. Где-то года за два-три перед смертью он говорил: «Я напрашивался на пули. Я хотел, чтобы меня расстреляли».

Бывало, если не подписывали признание, их расстреливали. Я точно не знаю, то ли в 1949, то ли в 1950 году его опять должны были посадить. Но спасли два раза. Был такой Нури Аршба, родом из Очамчиры, начальник районной Гудаутской милиции, по-моему. Он его предупреждал. И еще был Губаз Роман, он родом из Алахадзы. Но тоже был начальником Гудаутской тюрьмы, видимо после Аршба. Как отец рассказывал, он сам сел за руль, приехал и предупредил что за ним придут. Это было летом. Возьмите котомку, сказал, и в горы. Встречались в судьбе отца такие люди. Отец сидел, как я сказала, пять лет. И еще полтора года были неучтенные. Приговор не был подписан, и видимо это не учитывалось как срок.

… Когда он заболел тифом, как я говорила, он даже воду не пил. Как-то отец рассказывал, во сне являлась бабушка и грудью кормила его. Это нереально, но я не знаю, какая-то сила, видимо, его охраняла (плачет). Он всегда говорил, что выжил благодаря этому, хотя это был сон. Последние годы, уже после перестройки, он начал рассказывать.

Отец рассказывал: как-то был бунт арестантов из-за того, что их морили голодом. Тогда приняли решение следить, куда деваются продукты. Подошла очередь отца, он пришел, сел в углу на кухне, а повар говорит: «Ну что, Смыр, давай проверяй! Отец отвечает: «Это дело совести». Он опять: «Иди проверь, взвесь». Отец повторил: «Это дело совести». Повар весь день бурчал: «Дело совести, дело совести». И была еда вкусной. Потом все говорили: «Смыр, иди проверяй!». «Когда ты дежуришь, нас лучше кормят».

… Был еще такой случай: Эбралидзе Акакий Семенович дружил с писателем Константином Гамсахурдиа, роман которого «Похищение луны» как раз был переведен на русский язык. А к Эбралидзе каждую неделю приезжал кто-то из семьи, привозили курево, продукты, одежду и т.д., привезли и книгу на русском языке. Там герой в книге убивает своего отца. Прошло несколько дней и Эбралидзе спрашивает у отца: «Ну, понравился роман?». А отец сказал: «Нет». «Почему?» – спросил Эбралидзе. «Потому что Гамсахурдиа из отцеубийцы сделал героя. Это у нас не принято», – ответил ему отец. Прошло какое-то время. По-видимому, Эбралидзе связывался как-то с Гамсахурдиа, я не знаю. И вдруг бригадир к отцу подошел и говорит: «Смыр, на проходной тебя ждут». А отец без права переписки был, никто не знал, где он находится. Отец говорит: «Ко мне никто прийти или приехать не может». А ему продолжают твердить, что его ждут. Отец пошёл на проходную. Вот как он описывал: «Это был очень красивый мужчина, в длинном макинтоше, в шляпе длиннющей и кашне на шее, и курит без конца. А я понятия не имею, кто он. Охраннику говорю: «Я Смыр, сказали, что меня кто-то ждет». Ответил: «Этот мужчина вас ждет». Я подошел. Тот очень высокомерно посмотрел. Взглядом так мог пригвоздить к полу. И говорит: «Я автор той книги, которую вы раскритиковали». Это был Константин Гамсахурдиа.

Отец очень хорошо владел русским языком. «Он стал ему объяснять, что не понравилось, что не так. Вначале Гамсахурдиа сказал, мол, ничтожный арестант, чему меня может научить. Но отец сказал: «Не собираюсь вас ничему учить, вы автор. Я абхаз, я знаю обычаи, а вы много чего исказили». Говорили, может, час или два. После Гамсахурдиа отредактировал книгу немного, прислушался к отцу или нет, я не знаю, но была вторая редакция.

С.В.: Когда забирали отца?

Р.С.: В 1942 году. Ему было 38 лет.

С.В.: В чем его обвиняли?

Р.С.: Абхазский национализм, троцкизм. У отца старший брат воевал. Он практически всю войну прошел. В 1944 году в Венгрии был ранен. И двоюродный брат отца тоже был ранен

и комиссован после ранения. Они приехали в Грузию, решили каким-то образом хотя бы тело отца забрать. Они были уверены, что отца уже нет в живых, тогда и выяснилось, что он живой. Но, конечно, к нему не пустили. Я думаю, во многом отцу помогал Эбралидзе. Этот человек сыграл большую роль в его жизни. Пусть на том свете ему зачтется. Просто, он не был безразличен к судьбе отца.

С.В.: Как вернулся ваш отец?

Р.С.: Мой брат[1] занимался этой темой. Он еще при жизни отца много всего записал. Практически в каждом номере журнала «Алашара» что-то публиковалось. Отца не стало в 1998 году, ему было 95 лет. Память в таком возрасте у него изумительная была, ничего не забывал, рассказывал все брату. Отец заболел гриппом и буквально через два дня умер.

С.В.: Отец вспоминал о том, как проводились допросы?

Р.С.: Арестантов избивали, над ними издевались. Отец держил, хамил. Конечно, боялся, дурак не боится, но у него была своя цель – он всегда говорил: «Я просто напрашивался на пулю, была попытка к бегству. Ну не стреляли в меня».

С.В.: Почему отец не хотел говорить на эту тему?

Р.С.: Я думаю, у него был страх за нас, за детей. Нас было двое. Я – старшая, брат на два года моложе. А отчества разные у нас. Брат Михайлович, я Мустафовна. Потом, спустя годы, когда брат у отца спросил, почему так, он ответил: «Я не знал, что ждет вас. Я искал хоть минимальную лазейку, чтоб тебя, сына, спасти».

Что касается возвращения отца, то, это было зимой. До Сухума он, по-моему, добрался на каком-то товарном поезде. Затем ночью где-то голосовал, кто-то его подобрал на дороге и на рассвете на Ачандарском повороте оставил – мы же абгархукские. И пешком он пришел домой. Уже рассветало. Я говорю, а у меня аж дрожь по телу. Собака кинулась на него. Она отца не видела шесть с половиной лет, потом признала и начала облизывать.

Да, хочу еще сказать, что бабушку, бедную, когда пришла похоронка на папу, на нервной почве парализовало. Я ее помню,

[1] Смыр Джон Михайлович (1953 – 2019 гг.) – исполнительный директор Фонда репатриации Республики Абхазия (2005 – 2018 гг.)

мне было года четыре, когда она умерла, даже стакан воды не могла взять. До того, как отца посадили, из Очамчиры прислали учителя по математике и физике. Это был Миквабия Алексей. Он работал в Абгархукской школе. Отца забрали, а он в нашем доме тогда жил, он бабушку смотрел как свою мать. Он ее купал, потому что у бабушки не было дочери, а оба сына отсутствовали. Миквабия потом хотели перевести то ли в Сухум, то ли обратно в Очамчирскую школу, но он не согласился пока мой дядя с войны не вернулся. И вот несколько лет этот человек смотрел мою бабушку, как ребенка купал чужую старую женщину. У него, насколько я знаю, не было детей. Настолько отец нам внушил уважение к этому человеку.

С.В.: Как отец питался?

Р.С.: Много не ел. Поев кислое молоко и мамалыгу, он начинал ложкой остатки скрести, а мама всегда говорила: «Много молока, еще положи». Нет, говорил: «Это от голодного детства и от лагеря. Вот скребёшь каждый раз и кажется что-то набрал в ложечку».

С.В.: Какие наставления, связанные с той лагерной жизнью, он вам давал?

Р.С.: Спустя годы анализируешь и понимаешь, что какой-то страх у него был, не любил он на политические темы много говорить, хотя в 1967, 1977 годах был активным участником событий. У нас же тогда были волнения.

Собеседник – Светлана Лаз-оглы
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 1.11.2019 г.
Транскрибировано: 27.04.2020 г.

С.В.: Расскажите немного о себе.

С.Л.: Я, Светлана Лаз-оглы, дочь Сергея Расимовича Лаз-оглы. Хочу поделиться воспоминаниями своего отца с вами, тем, что он мне рассказывал, о тяжелых годах ссылки. Семья жила в селе Анхуа Гудаутского района, дедушка – Лаз-оглы Расим

Османович, бабушка была Пачулия Лидия Мушаговна, очень красивая, белокожая, голубоглазая, кудрявая, вышла замуж совсем молоденькой. Родители ее рано умерли, а она старшая в семье, где было еще пятеро братьев и две сестры, самый маленький брат еще в колыбели, воспитывала их всех. Приглянулась она дедушке, и женился на ней. Вместе поднимали они этих детей.

Я помню деда Миктата, высокий такой, красивый мужчина. Мне даже казалось, когда он заходил в дверь к нам, немножечко спину пригибал. А у нас двери немаленькие были, высокие. Он воевал в Великую Отечественную войну, попал в плен, оттуда в Италию.

После был сослан в Сибирь, дали 10 лет без права переписки. Только где-то через семь лет он смог написать, что жив, и где находится. Супруга его дождалась. Прожили они долго, но детей у них так и не было, к сожалению. Это со стороны бабушки.

Дедушка Расим Османович в 14 лет из турецкой Лазики попал сюда (Абхазия. – **С.В.**) со старшим братом, который, уезжая попросил у своего отца (Расим был самый младший в семье из братьев): «Отдай мне моего брата, пусть он будет рядом со мной». В Афон приехали они, осмотрелись и поселились в селе Анхуа.

Я немного вернулась к истокам. Нас было четыре семьи в Анхуа. Папа был единственный сын в семье. Бабушка его баловала сильно, дед ее, конечно, журил за это. Все, что появлялось в продаже впервые, было у моего папы: первый велосипед, первые туфли на резиновой подошве, первые азиатские сапожки. Кстати, историю этих сапожек я вам расскажу. Нестор Лакоба заказал их для своего сына, но они оказались малы для него. Нестор Лакоба отдал эти азиатские сапожки моему дедушке, так как они дружили. Сказал: «У тебя сын растет, ему будут впору». И так они достались моему отцу. Дед был председателем сельсовета. Человек как-будто бы приехал из ниоткуда, а сумел завоевать такое уважение сельчан, что на общем сельском собрании так решили. И, знаете, такая трогательная история у меня сейчас перед глазами. Когда маленькие были, дед Миктат был еще

живой, папа нас возил в Анхуа очень часто. И я помню, вечером мы едем, на дороге стоит такая сухенькая старушечка и держит котомочку какую-то. Папа увидел ее, конечно, остановился, знал ведь сельчан своих. А в этой котомочке лежали кружок сыра и немножечко муки. «Абри, Сережа, ради уважения к твоему отцу. Расим иахатаразын», – сказала она. Настолько любили Расима на селе. Когда дедушки не стало, другого назначили председателем сельсовета. Дедушка, когда приезжал из Гудауты с зарплатой, полный башлык денег привозил, зарплату сельчанам. А когда другой появился, люди говорили: «Когда Расим был, деньги привозил нам, а вы нам – налоги, все у нас на налоги уходит».

Пасека была огромная у деда моего. Сельчане говорили: «Пойдемте к Расиму мед кушать». Однажды папа рассказывал, пришел из Аацы человек, ну голодно было, не было кукурузы. Пришел, потому что ему сказали, что Расим может дать, у него много кукурузы. Когда пришел, дедушка ему сказал: «Сколько сможешь бери». Тот, бедненький, так загрузился, дома ведь было полно детей нечем кормить. Когда следующий раз встретились, говорит: «Абаапс, Расим, сыушьит» (Ты убил меня – **С.В**.). Когда сказал, сколько хочешь бери, взял столько, что еле до дома добрался. Бабушка иногда прятала немного кукурузы, потому что он мог все раздать. Дедушка был очень добрый у меня.

Ну что, вернемся к той ситуации. Несмотря на то что дедушка Расим воевал в ВОВ, когда наступило время ссылок, и его сослали. Папа уже в это время учился в педучилище в Сухуме. Бабушка как абхазка могла с ним не ехать, ее не трогали, но она сказала: «Где мой муж, там и я буду». Все что можно было взять, она взяла. Приехали они в Приморское, тогда эшелоны стояли там.

С.В.: В чем обвиняли, известно?

С.Л.: Нет. Дедушку забрали по национальному признаку. То есть турков высылали, лазов тоже, как выходцев из Турции. Только поэтому. И, кстати, очень много папа рассказывал. У папы был друг дядя Джамал. Он в Турции находится, долгое время и здесь (Сухум. – **С.В**.) жил. Он лаз по происхождению. Он

тоже в Сибири находился. Смог реабилитироваться, и вместе с ними приехал. А сейчас про нашу семью. Они находились в Приморском на вокзале, эшелоны уже были подогнаны. Кто-то из сельсовета позвонил папе в общежитие в Сухум и сообщил, что родители находятся в Приморском. Ему сказали: «Их отправляют в ссылку, если успеешь, езжай». В чем был одет папа, в том и помчался на вокзал. Когда увидел своих родителей и дедушку, бабушку, даже не успел переговорить с ними, эшелоны двинулись, и он с ними. Отцу было не более 21 года. Ехали они в Сибирь. Он всегда говорил, что это Томская область Васюганский район. Представьте себе, они едут в этих эшелонах товарных. Умирали люди по дороге, если увидят, надо было выбрасывать из вагона. Эшелон идет, справа и слева лес, прямо на ходу выбрасывали трупы. Отец неохотно об этом рассказывал.

Приехали, эшелон остановился посреди тайги, людей высадили, говорят, живите как хотите. Высадили на голую землю, рыли землянки, первый год жили в землянках. Там был и лесоповал, на котором обязали их работать. На нем папа и работал. Через год парализовало дедушку и бабушку. Тяжелые условия, мерзлая земля, морозы, еще и стресс, конечно, сказались. Все работали, кто не мог, умирал. Зимой морозы страшные, а летом комары, жара. Папа рассказывал: «Я брал лодку, выходил на середину реки, и там не было комаров, можно было спокойно кушать». В этих местах росла ягода наподобие клюквы, из нее асызбал готовили. Первый год было очень тяжело, а потом наняли женщину, которая присматривала за родителями, пока работал отец. Она готовила, прибирала за ними. В Сибири находились семь лет. Когда Сталин умер, папа стал писать Косыгину. Три письма написал он. На два письма что ответили я не знаю, но после третьего письма отец получил разрешение на свою семью выехать обратно на Родину. А когда в семье двое парализованных? Он говорил: «Ну и что оставалось делать, возьму одного на руки, пройду метров сто, положу, потом беру вещи, затем возвращаюсь за вторым. Не было возможности на подводе ехать».

Папа рассказывал случай, аж мурашки по коже. Надо было на барже плыть. Он оставил на ней то ли папу, то ли маму с вещами, вернулся за тем, кто остался на берегу, а баржа начала отплывать. Он стоит на руках с кем-то из родителей, не знает, что делать. Он рассказывал: «Я иду уже по воде, знаю, я должен просто потонуть». Люди стали кричать, человек с больным на руках в реке. Остановили баржу. Когда добрался до Москвы, отец позвонил в село, не знаю каким образом, сказал родственникам, что приезжает. И все село Анхуа спустилось, не только родные, в день, когда поезд прибывал на Афонский вокзал, Расима встречали. А куда везти? Семь лет прошло, дом разрушен, некуда. Да и больной он был, повезли в больницу. Он прожил где-то месяца четыре и скончался. Похоронили в Анхуа, на том участке, где жили. Но там сейчас никто не живет. Кстати, папа во время грузино-абхазской войны поднялся туда, тогда он еще крепенький был. Даже инжир живой, который сажала его мать. Удивительно. Туда арба поднималась. Место просто роскошное, живописное. И везде склоны, сады были прямо на этих склонах. Бабушку уже похоронили у брата на участке в Анхуа.

С.В.: Что еще отец вам рассказывал? Все-таки семь лет жизни – немалый отрезок времени, важный в судьбе.

С.Л.: Утром валил лес. Дядя Джамал, о котором я упоминала, где-то поблизости жил. Там еще лазы были из Батума, Сарпи, Супса, оттуда ведь тоже высылали. Жизнь была тяжелая, рискованная, ведь там и преступники находились, так что нужно было уметь постоять за себя. Папа как-то умел находить общий язык со всеми. Многие его считали спокойным, он и был таким, еще и мудрым, умел найти подход к человеку. Конечно, помахать кулаками тоже мог. А так, конечно, старался всегда мирно решить все вопросы. Иногда рассказывал, нужно было постоять не только за честь и достоинство, но и за жизнь.

С.В.: Как складывалась жизнь в Абхазии?

С.Л.: Слава богу, бабушкина сестра была жива, забрала бабушку к себе. Но бабушка подолгу нигде не оставалась: то тетя

Наташа забирала в Анхуа, то брат, то сухумский дедушка. Когда папа женился на маме, они бабушку забирали на месяц, на два. Она была немощная, но разум был в порядке. Когда она умерла, мне было 6 – 7 лет. Я помню, как она аккуратненько стучала по ребру кровати, на которой лежала, и мы знали, что нас бабушка зовет. Мы, конечно, сразу прибегали.

С.В.: Отец часто вспоминал об этом своем периоде жизни?

С.Л.: Да, часто. Почему мы и помним так хорошо. Он и про своих дядей рассказывал… Он очень привязан был к ним, гордился ими. Для него они были очень значимыми личностями. По его рассказам, пользовались авторитетом в селе, где жили. Они были великолепными охотниками. Абхазец, работая, при себе всегда ружье имеет. Они могли спокойно работать, бросить тоху свою, взять ружье и на охоту пойти. Сельчане говорили: «Если Пачулия пошли на охоту, нужно вслед за ними пойти. Все равно что-то поймаете». Не было такого, чтобы они пустыми приходили. А бабушка моя, кстати, очень боялась крови. Она убегала, когда они приходили с дичью. Как папа говорил, они стреляли ровно столько, сколько надо было, для себя и чтобы раздать…

Статные были. Я вспоминаю дедушку Миктата, красавец был. Фотографии в деревне сохранились. Раньше принято было, когда человек умирал, портрет маслом писали. Я помню, в доме должна висеть картина. Говорят, косая сажень в плечах и осиная талия, таким был мой дед. Это что-то уникальное было. Мы восхищались им. Голоса его громкого не помню, говорил тихо, спокойно, умеренно. Где это сегодня? Все было достойно. И вот он приедет к сестре своей, зайдет в ее комнату, о чем они там говорят не слышно было. Чувствовалось это тепло к сестре. Даже я, маленькая девочка 6 – 7 лет чувствовала. Это удивительно. Для меня они были старенькие, а на самом деле ей было лет 60. Ее просто болезнь убила. Как он ее жалел!

В 1942 – 1943 году папа школу закончил. В 1944 – 1945, я четко помню, он служил в Эшерском военном гарнизоне. Как-то он избежал призыва. По-моему, он в очередной раз в самоволку убежал. К сожалению, все из села Анхуа, которые ушли на фронт,

живыми не вернулись. А папе повезло, хотя он много испытал в жизни. После этого больше не было призыва из Эшерского гарнизона. И папа остался при гарнизоне.

В 1947 году он поступил в Сухумское педагогическое училище. Учился с Валерианом Османовичем Кобахия, бывшим первым секретарем Компартии Абхазии.

Но когда вернулся, учебу продолжить не смог, мать болела, потом женился на моей маме. Работать надо было, семью содержать.

Отец мой был прекрасный рассказчик, что на абхазском, что на русском, одинаково. Речь у него текла медленно. И ни одного слова не выбросишь. Во время грузино-абхазской войны он в Гудауте с Иваном Николаевичем Садзба раздавал гуманитарную помощь. Просился на фронт, говорил, хоть котелочек помою, чай подам. Иван Николаевич Садзба – мой бывший редактор, я же работала в научно-педагогическом журнале «Школа и жизнь» и отдел русского языка там вела. Иван Никалаевич както мне сказал: «Какой у тебя папа рассказчик! Его так приятно слушать, это самородок». Бывает, друзья ко мне придут, пообщаются, а потом спрашивают, какую должность ваш папа занимал? Просто, поломали ему жизнь, понимаете. Папа работал таксистом, кормил семью, мама в магазине работала. Дали нам всем образование.

До последнего он читал книги. Очень любил военную литературу, о Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов, любил и психологические романы. Я Ремарка у него взяла первый раз. У меня такая привычка, если мне понравился автор, я начинаю судорожно искать все его произведения. Так у меня и с Достоевским было. Очень увлекалась живописью, жизнью художников. После войны, помню, иду по проспекту Мира, смотрю книжка продается, а у меня три рубля. Три рубля хлеб стоит. А я думаю, да ладно, куплю, заодно и на диете посижу. А Монеэ один том купила, через две недели вижу – второй продается. Не могу пройти мимо, покупаю второй экземпляр.

С.В.: Что для отца было самым сложным?

С.Л.: Болезнь родителей. Он был единственный сын, а мама ведь женщина, ухаживать было тяжело. Первый удар для него был, когда родителей парализовало, и второй, когда должен был их везти сюда (Абхазия. – **С.В**.), когда оказался в воде с одним из родителей и уплывала баржа. Это самый страшный момент в его жизни. А все остальное, как он рассказывал, терпимо. «Молодой был я, – говорил он, – потому работа и не страшна была». Да, был мороз. Рыбу могли ловить. Из какой-то крупы, что-то похожее на мамалыгу, варили. Эти семь лет, как он рассказывал, как один день пролетели, хоть и с трудностями.

Папа умел прощать, вычеркивать из жизни то, что неприятно вспоминать. Ну случилось и случилось, надо жить дальше. По такому принципу он жил. И в старости он об этом говорил. Большую часть времени мы вместе находились. Проще смотри на жизнь, говорил он. Он же понимал, что он не один такое перенес. Вернулись, и слава богу. Да, жалко, что родителей таких привез, но привез же. А сколько людей не смогли! А сколько туда не доехало! Он очень философски к жизни относился.

С.В.: Он говорил о том, что его те события поменяли?

С.Л.: Нет. У него могла быть другая жизнь. Он спокойно получил бы высшее образование, он учился, он шел к этому, и отец его к этому готовил. Не будь этой ссылки. Но он никогда об этом не говорил. Это мы просто понимаем.

С.В.: Какие наставления давал отец?

С.Л.: Будь скромнее, не обижай. Относись хорошо к маме, папе. Помню, когда у него была сильная тоска, он пошел както на «Брехаловку», вернулся такой расстроенный и говорит: «Ты знаешь, Света, всех, кого я знал, нет». Я так понимаю, что все умерли. Папа 94 года прожил. А я ему говорила: «Папа, ты представляешь, какое счастье, что ты пришел туда сам, может, они дома сидят». Что-то придумывала. Было больно. Я ему говорила: «Папа, ты сегодня проснулся, давай радоваться каждому дню». У него тогда уже была тоска и предчувствие скорого ухода из жизни.

Собеседник – Юрий Латария
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 28.01.2017 г.
Транскрибировано: 9.05.2020 г.

С.В.: Юрий Спиридонович, расскажите о себе.

Ю.Л.: Родился я в 1935 году в семье Спиридона Ивановича Латария, мать Габуния из Адзюбжи. Отец работал в системе Курортного управления, членом партии был. Мать – портниха, она заведовала ателье. Он в партию вступил еще в 1932 году и всегда в партийных собраниях, в сходах участвовал. Тогда было много проблем. Он много на это времени тратил, как я понял из рассказов матери. Его старший брат в Атаре Абхазской жил, у него своя семья была. Он всегда говорил: «Прекрати это, не лезь в эту партию, не лезь вверх. Приезжай в Атару, дом построим, сделаем усадьбу, в колхоз не надо идти работать». Тогда еще можно было такие вещи говорить. У них из-за этого разногласия были.

С.В.: Могли бы вы, Юрий Спиридонович, рассказать о вашем отце?

Ю.Л.: Он окончил начальные классы. После этого поехал в Ташкент, окончил Комсомольскую школу и оказался в партийном руководстве. Он дружил с Лакоба, особо близко с Чачхалиевцами. Они тоже в правительстве работали. Его арестовали сразу, когда всех репрессировали.

С.В.: Что вам мать рассказывала о периоде репрессий?

Ю.Л.: Она рассказывала в деталях, как его арестовали, о том, что Берия был здесь (Абхазия. – **С.В**.), разбирался с этими троцкистами. Ну, он тогда работал в Курортном управлении, членом горкома был, партиец. Пришли ночью, никаких подозрений на то, что отца арестуют, не было. Когда Берия приезжал сюда (Абхазия. – **С.В.**), он сидел в специальном, охраняемом вагоне. Было три вагона, он сидел между двумя вагонами. Там была круглосуточная охрана. Он там сидел и людей принимал, решал их судьбы. Всем было известно, кто побывал у Берия, будет арестован. Отец пошел туда и ему сказали: «Продолжайте

работать». Отец спрашивал: «Зачем преследуете? Люди не знают почему их арестовывают. Сколько будут продолжаться эти дела?». Мне было полтора года. Я в 1935 году родился. Это было в конце 1937 года. Когда он вернулся домой, у него дома находились его брат и брат моей матери уже три дня. Вино принесли, пили. Наблюдение, видимо, велось. Пока они были там, никто не пришел. Как только уехали на поезде Келасури, отец пришел домой, лег, а в час ночи пришли за ним. Постучали в дверь и сказали: «Одевайтесь». Мать поняла в чем дело. Она плакала кричала: «Помогите!». Кто поможет врагам народа, тот тоже враг народа. Никто не вышел. Его увели. И больше ничего, никаких свиданий, никаких писем, ничего. Ему, конечно, присудили расстрел.

Что касается мамы, то имущество полностью конфисковали… Мы всегда тянулись к матери, она не могла нас содержать. Она оставляла нас у брата моего отца. В этой семье я воспитывался, а моя младшая сестра ни на шаг от матери не отходила. Я учился сначала в Атарской школе в первом классе, потом в Сухуме. Кто сколько мог держал меня, потом я начинал плакать и меня отправляли к матери. Вот так выросли.

С.В.: Как в эти годы удавалось выживать?

Ю.Л.: Приютить сына троцкиста считалось большим грехом, нарушением. Меня Юра звали, они переименовали меня. Иногда Игорем называли, иногда по другому называли, чтоб неизвестно было, кто я, чей сын. В моей анкете я был Антонович. Антон – брат моего отца. В школу не брали. В Атаре я ходил в нее, еще Квициния со мной учился, тоже, как и я, в журнале был не записан. Но учителя знали, что мы вольнослушатели. А когда приходили из района проверять, как идут занятия, нам говорили: «Идите домой, не приходите в школу».

Я до того вписался в семью брата моего отца, что меня уже считали его сыном. Паспортов тогда не было. Если ты едешь в Сухум, тебе справку давали на время и указывали причину поездки. По возвращении справку нужно было сдавать. Долго так в селах было. Когда Сталин умер в 1953 году в марте месяце, я в 11 классе был. И все пошло хорошо.

С.В.: Вы это ощущали?

Ю.Л.: Хорошее отношение ко мне, да. Я в хоркружке участвовал. Меня избрали секретарем комсомольской организации. Я закончил школу с одной четверкой. Меня направили в Тбилиси, в Горный институт для инженеров. Ну, тогда славились в Ткибули, Ткварчели шахты. Я приехал в Тбилиси на поезде. Когда увидел, что моя фамилия в списках зачеркнута, подумал о том, что, может, какой-нибудь сорванец зачеркнул. Зашел к Н.Д. Она была секретарем в учебном заведении. И тут она мне говорит: «Что же вы меня подвели? Оказывается, вы сын троцкиста. Почему вы так сделали? Я сказал ей: «Дайте мне мои документы». «Зачем вам документы? Пойдите в обком комсомола», – ответила она. «Это мне принадлежит, если вы мне не дадите, я насильно возьму», – сказал я. Она дала мне, сказала: «Но все равно неправильно поступаете, вам хуже будет». «Ничего не будет», – ответил я.

Не знал куда идти. Приехал в Очамчиру на подножке поезда, пришел в военкомат и сказал, что хочу учиться в военном лётном училище. Посмотрели, одна четверка, остальные все пятёрки. Говорят: «Идите проходите комиссию». Я был удивлен. Люди почему-то тогда не шли в военное училище, особенно летное. Морально не были подготовлены к рискам. А я уже как смертник был, готов был туда идти. Я прошел комиссию, через три дня из Сухума нас уже привезли в эшелоне в Харьков. Прошло три года, мы закончили учебу и меня вызывают в КГБ. Помню, как сидел один майор, а другой старший лейтенант. И они говорят мне: «А ну расскажи, как всех обошел».

Отец умер в 1942 году, но я тогда не знал, но знал, что он был репрессирован. «Такие как вы не заслуживают мундир советского офицера», – мне говорят. «В чем я виноват?» – спросил я. «В этом разберутся соответствующие органы. Идите и ждите». Я спрашиваю: «Почему так со мной разговариваете?» Говорят: «Такие люди подводят» «… Я летать люблю, и пошел научился. В чем дело, в чем вы меня обвиняете?». «Вы враг, инородное тело», – ответил мне. И тут майор как стукнет по столу: «Вот с такими он не собирается жить говорит мне. – Вы свободны, вам

уже звание присвоено, ничего не бойтесь. Я вас поддерживаю, идите занимайтесь своим делом».

С.В.: Вернемся к теме репрессированных. Как долго продолжалось к вам такое предвзятое отношение?

Ю.Л.: Учителя в школе не хотели, чтобы кто-нибудь заметил, но то конфетку, то ручку, то еще что-то давали. Мне, кажется, они иногда плакали. Но я не один был. В Атаре Абхазской трое нас было, сыновей троцкистов. Нас выделяли, замечали больше. Они сначала жалели, поэтому ставили пятерки мне, а когда я привык к ним, ругать меня начали, говорили: «Какое право ты имеешь так себя вести! Твой отец был такой великий человек, ты его позоришь, как ты тройку получил». А двойку получал, совсем с ума сходили. Вот так относились учителя. Но это они не демонстрировали, это внутренняя у них была потребность. Было обидно, когда одного выделяли, а другого нет. Из-за жалости к нам. Это всегда мы чувствовали. Я, например, так делал, чтобы меня не выделяли.

С.В.: Было ли принято в вашей семье говорить об этом периоде?

Ю.Л.: Как не говорили! В семье у брата моего отца, где я рос, плакали. Они там гадали, жив отец или нет. Я потом узнал, что он был расстрелян. Когда принимали в Тарту, задавали вопросы, у вас не возникало ненависти к советской власти из-за безотцовщины. Мне не давали возможности отвечать.

С.В.: Сегодня могли бы ответить?

Ю.Л.: Ну, что ответить?! Я ведь не один такой был. Конечно, мы выделялись. Мы чувствовали, что нас контролировали.

С.В.: А когда у вас появились паспорта?

Ю.Л.: Я паспорт не имел до военного училища. Какая-то справка у матери была, когда мы вместе ездили. Это не потому, что отец был репрессирован, у всех не было.

С.В.: После смерти Сталина какая атмосфера царила?

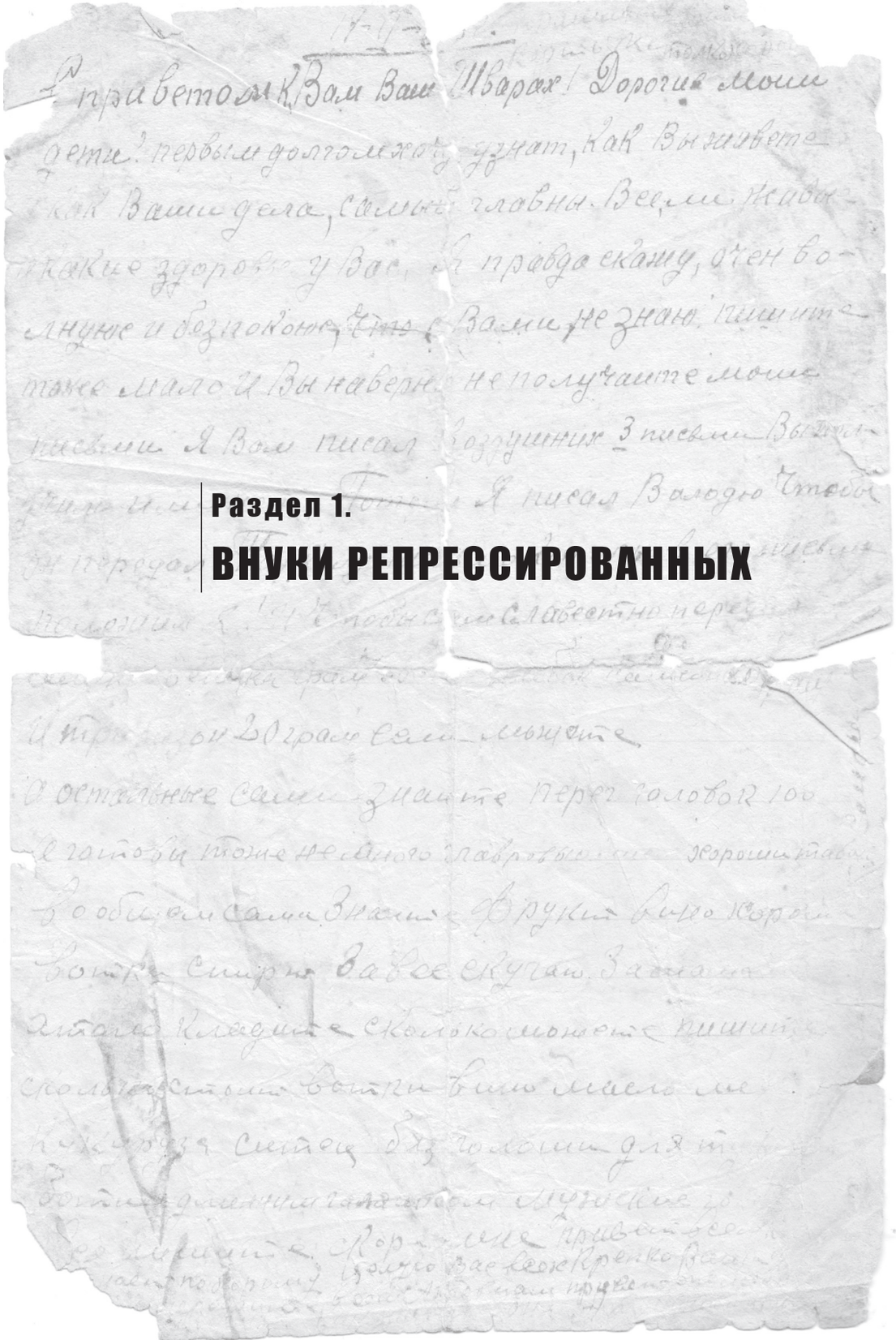
Ю.Л.: Помню, как одноклассника Валерика ударила учительница линейкой, потому что разозлилась на него. И он сказал: «Если бы я не был сыном троцкиста, я бы тебе показал». Это где-

то в седьмом классе произошло. И она так расплакалась, молодая учительница была, стала просить извинений. Но мы тоже не ангелами были. Они не хотели нас отделять от других. Люди мудрые были. Это тоже унижало, когда жалели.

Я фантазировал, что отец меня куда-то водил. Я обманывал. Полтора года было мне. А что я могу сказать про отца? Тогда боролись за советскую власть и меры принимали, когда кто-то не пойдет в колхоз. Там, где работал, отец очень строго себя вел, а вне работы добряком становился.

Книгой[1] я занялся, потому что об отце много думал. В основном воспитала мать. Для меня она была не только матерью, но и учителем, и отцом. Я знал, что она живет ради меня. Вот потому я мягкий стал такой. Я не мог шалить, она без меня не могла жить. В этом я убедился. Как-то в Адзюбже мама меня оставила у бабушки. Я побежал за ней по железной дороге. Не хотел, чтоб остовляла меня, в пятом классе учился я. Это словами не описать...

[1] Юрий Спиридонович Латария «Книга Памяти жертв политических репрессий (1930 – 1940-е годы). I том Сухум.2011.



Раздел 1.
ВНУКИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ

Собеседник – Адамур Береджи
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 08.12.2017 г.
Транскрибировано: 7.08.2020 г.

С.В.: Расскажите немного о себе.

А.Б.: Меня зовут Адамур Береджи. Живу в Сухуме. Родился в Очамчирском селе Гваде. Мой дед Исмаил родился в Турции в городе Ризе, но как попал в Абхазию не знаю. Говорят, было много людей, которые и до, и после революции приезжали сюда. Они выращивали табак. Приезжали, уезжали, границы тогда открыты были. А потом, после 30 – 40-х годов тяжело было приехать. Как в наше село он попал, тоже не знаю, но там он женился на моей бабушке Цыба Марии, по-абхазски Машука. Она родилась в 1900 году. Тогда не регистрировали, не записывали даты.

Знаю, что когда он женился, ему участок там выделили, дом построил по возможности. Бабушка родила восьмерых детей, трое умерли от болезней. Дед был колхозником, заслуженным работником. Когда начали создавать чайные плантации, он принимал в этом участие, насколько я знаю, это было в 1949 году. Ему (дедушка Исмаил. – **С.В.**) сказали, что будет собрание (был членом сельсовета на этом собрании) и он должен быть там. Абхазский язык он хорошо знал, но говорил с акцентом. И

дети, конечно, абхазский знали. Моя бабушка только абхазский язык знала. Когда он шел на собрание, его окружили и арестовали. Сказали, что его с детьми высылают, а жена абхазка может остаться. Бабушка ведь своих детей не могла бросить. И они всей семьей были репрессированы.

В Тамыше пункт был, где стояли вагоны, оттуда отправляли людей. Их посадили в вагоны, в которых скот возили. Всю семью выселили, пятерых детей, деда и бабушку. В Верховном суде даже есть запись в каком вагоне их везли. Много людей там было. Со всех районов в Тамыше собирали. Собирали тех, у кого турецкие фамилии. Это был 1949 год. Моя фамилия Беренджи. Дед писал по-другому. Когда он родился, в период Османской империи, не было фамилий. Когда пала Османская империя, после революции был введен закон, о введении фамилий в Турции. По документам дед записан Биринджи Исмаил (Осман), в кавычках Осман. Он из городских был, а не сельский.

Везли их в вагонах в Томск, а оттуда в тайгу в труднодоступные места. Заранее поселения были готовы. До них там жили кулаки, репрессированные в 1930 – 1940 годы. Рассказывали, в каких условиях они жили, как голодали, как умирали. Бабушка говорила: «Здесь (Абхазия. – **С.В.**) вы в раю живете, люди такое пережили, такой голод и холод, такие лишения». И, как она рассказывала, вначале они в каком-то общем бараке жили, но потом их распределили по разным местам. Зимой холодно, мороз, летом невозможно, жара, комары. Оттуда и не убежишь.

С.В.: Сколько было отцу лет?

А.Б.: Ему было 10 – 11 лет.

С.В.: Рассказывал ли отец о своем нахождении в ссылке?

А.Б.: Да, часто рассказывал. Рассказывал о том, как жили, рыболовством в основном занимались. Рыбу ловили и зимой, и летом. Он работал, его брат инвалид с рождения. Они близнецы, но брат инвалид. А старшая сестра там вышла замуж за высланного отсюда Рамиза Чаблах. В 1949 году высылали в основном турков, греков и армян.

С.В.: В чем их обвиняли?

А.Б.: Ни в чем. Они ведь ни в чем не были виноваты. Я насколько знаю, он не ездил в Турцию, про родственников ничего не говорил, все скрывал. Он с Турцией не был связан. Я случайно узнал, что он родился на лазской территории. Там и турки сейчас живут.

С.В.: Было ли у вас когда-нибудь желание узнать о ваших корнях?

А.Б.: Дочка тоже хочет узнать, но не получается.

С.В.: А где работал дедушка?

А.Б.: Он, точно знаю, почту возил. У него была одна история, он в лесу застрял, ноги замерзли, чуть не умер. Рыбачил на реке Васюган, которая в Томской области. Это большая река. В живых сейчас никого не осталось, кто мог бы более подробно все рассказать. Я раньше не особо интересовался. Бабушка с детьми с 1949 по 1956 года там находилась. Когда Сталин умер, пошёл процесс реабилитации репрессированных. Греки начали возвращаться, чеченцы, ингуши. Их просто отпустили. А дедушка с сыновьями до 1958 года оставались в ссылке. Но потом вернулись в Абхазию. Они уехали, никто их уже не преследовал. Вернулись в свое село, начали обустраиваться. Одно время находились у бабушкиного брата, где он три года служил. Им тогда сказали поменять фамилию и национальность на грузинскую. Дедушка ничего не поменял, так паспорт взял, по паспорту он турок, а отец просто убрал оглы, записался абхазцем, получил военный билет, жили как обычные советские граждане.

Собеседник – Асида Ломия
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 10.03.2020 г.
Транскрибировано: 27.06.2020 г.

С.В.: Расскажите немного о себе.

А.Л.: Меня зовут Ломия Асида Кумфовна. На данный момент я председатель Детского фонда Абхазии. У нас благотворительный фонд. Наша основная работа связана с подростка-

ми, детьми, которые сегодня находятся на учете, в зоне риска, способными попасть в какую-то преступную среду. Мы создали общественную приемную, в которой есть психолог, юристы. Основные принципы ювенальной юстиции уже пора вводить. Правосудие к детям не должно быть таким же, как к взрослым. Их надо не наказывать, а исправлять, для этого, к сожалению, у нас нет никаких условий. И подростки попадают в Драндскую тюрьму, не имея даже какой-то профессии. Нам нужна не колония. Я не люблю это слово. Когда мы говорим о колонии, подразумеваем закрытое учреждение, в которой проявляется жестокость. Необходим трудовой или реабилитационный центр, куда подростки могут прийти, находиться там какое-то время, видеть совершенно другое в своей жизни. Может, тот мальчик, который несколько дней провел в РОВД, постарается больше не попасть туда, для того, чтобы он осознал всю тяжесть своей вины, с ним надо работать. А кто будет работать, если мама пьет, а папы вообще нет. Конечно, на родителей надо воздействовать, беседовать с ними. Иногда матери в суд не приходят. Ребенка судят, а мать не приходит. Мы бьемся за то, чтобы судья не дал условный срок, а назначил минимальный штраф. Понимаешь, когда штраф оплачивается, погашается судимость сразу. Все, о чем я сейчас говорю, перекликается с твоей темой, ведь то, что мы пожинаем сегодня, последствия того, что было создано в советском государстве.

С.В.: Расскажите о себе, о своих родителях.

А.Л.: Вчера думала про свою маму. Я понимаю, что я родилась в счастливой семье. Мне трудно о родителях говорить. Понимаете, я их первый ребенок, потом мама родила еще троих после меня. К сожалению, младшей моей сестры не стало пять лет назад. Это очень усугубляет состояние, живешь как будто в параллельном мире. А то, что у нас было до войны. Мы только сейчас начинаем ценить и понимать, что у нас, действительно, была счастливая жизнь. Хотя мама моя многое пережила, потому что отец был репрессирован. В семье у нас было достаточно хорошо, я имею в виду в психологическом плане. Это нормальное явление, когда тебе мама и друг, и мать, и все вместе.

Понимаете, так получилось. А что касается моего отца, это был очень толерантный человек. Он никогда никому не сказал грубого слова, так и ушел.

Почему я говорю счастливое детство? Я жила в доме, где жили абхазские писатели. Было таких шесть квартир. Это в центре города по улице Джонуа, тогда она была Джгубурия. Многонациональный двор был. В основном, конечно, жили грузины, русские.

Отец мой Кумф Ломия. Мама Нелли Тарба. Это были два писателя, поэта. Мама писала и прозу, а отец публицистику. В 27 лет отец был секретарем Союза писателей Абхазии. Неудобно хвалить своих родителей, но я считаю, что война очень сильно на таких как они – впечатлительных, интеллигентных – сказалась. Она нанесла большой урон, потому что они все в себе переживали, и несли ответственность за то, что происходило у нас здесь (Абхазия. – **С.В.**). Если бы мои родители не были известными людьми, они все равно мои, и я их все равно любила бы, не имеет значения, кто они по профессии. Но тут получилось все вместе, и хочу сказать, что я в детстве и в юности многих писателей знала. Мне повезло. Напротив жил Иван Папаскир, представляете?

С.В.: Каким вы его запомнили?

А.Л.: Очень хорошим. Ты знаешь, помню, я с мамой была в Москве. Это было уже после школы, мы ехали с ней в метро, и она мне говорит: «Бнаԥшы, ани аԥҳәыс ашәҟәы даԥхьоит». Толстая, большая книга «Женская честь», а она сидела и читала. Когда мы выходили, мама ей сказала: «Молодец, это наш писатель». Женщина так обрадовалась. Когда мы приехали домой, и я ему (Папаскир. – **С.В.**) сказала, что мы видели в Москве, он меня позвал к себе, завел в свой кабинет. Его невестка еще удивлялась, как он пускал меня к себе. Он даже не разрешал убирать в кабинете. Иван Георгиевич достал из-под кровати старый чемодан, открыл, а он полный писем, представляешь? От русских женщин, от кого только не было, со всего Советского Союза, все, кто прочитал «Женскую честь», писали ему. Ты, знаешь, он мне разрешил, много писем тогда прочитала. Я ходила туда не-

сколько дней, потом перестала, потому что неудобно мне стало. В каждом письме была чья-та женская судьба. Приятно было, конечно.

Был еще Куаста Герхелия.[1] Я помню, когда собирались у нас, он садился за пианино и начинал играть апсуа ашэакуа (абхазске песни. – **С.В**.), и песню «Ауардын» всегда пел. Как только начинал играть, тут же спускался Алексей Джонуа. Он написал слова этой песни. И они пели все вместе. Дядя Костя очень хорошо пел, весело было. Все равно и тогда люди были духовно свободные, считай, что дети той абхазской интеллигенции, которая погибла в 1937 год…

Мама закончила на золотую медаль грузинскую школу в селе Дурипше. Представляешь, какое это было насилие над человеком! Понимаешь, она ведь вначале пошла в абхазскую школу. Резко все оборвали, потом грузинский язык ввели. Привезли всех этих учителей. Директор ее обожал, ақыртуа, в Дурипше. И мама рассказывала, что четыре первые года учила все наизусть. Мама, и ее брат. Как они сумели отличниками стать? Это очень трудно понять. У нее была медаль, но во время войны все забрали. Квартиру всю перевернули. Мы многое потеряли в войну. Я так жалею, что многое не спросила. Я никогда не могла подумать, что однажды мамы не станет. А сколько осталось вопросов, которые я не успела задать. Но она и так очень много рассказывала. Мы были очень близки.

Я любила очень литературу. Я и сегодня считаю, пусть никто не обижается из прозаиков, что стихи намного лучше. Проза по-своему хороша, но наслаждение могут дарить именно стихи. Недавно перечитывала стихотворение отца в оригинале. Изумилась, в абхазском оно в тысячу раз лучше. И ведь переводить не очень легко. Сперва делается подстрочник, потом писатель делает перевод. И получается, как два произведения, но сохраняется все то, что было в исходном материале. Но не всегда ты сможешь сохранить в русском языке и передать то, что ты можешь сказать на абхазском. И ты знаешь, я так сожалела. Мне жалко тех, кто не знает абхазского. Только зная язык, ты поймёшь, что там написано. На русском многое тяжело объяснить.

[1] Константин Герхелия (1933 – 1996 гг.) – поэт, переводчик, публицист, общ., партийный деятель.

С.В.: Какие наставления давали вам ваши родители?

А.Л.: Мама судьбу мне поменяла. В пятом классе нас поделили на немецкую и английскую группы. Меня посадили в немецкую. Неделю я ходила на немецкий язык. А мама упросила зауча перевести меня на английский. Почему она это сделала, даже не могла объяснить. Она очень радовалась, что я пошла на английский. Потом, когда меня жизнь привела в международные организации, то я много чего узнала благодаря английскому. Когда сегодня начинают ругать абхазскую интеллигенцию, я всегда заступаюсь. И я имею в виду не только моих родителей, но и их друзей, их круг. Я знаю, как они всегда за все переживали, если они даже не бегали, не митинговали. Они хотели сберечь свой народ, хотя и закончили грузинские школы. Грузины не смогли своего добиться.

С.В.: Скажите, пожалуйста, что вам рассказывали родители о репрессиях, затронувших их семью?

А.Л.: Бабушка была в положении, когда деда арестовали 4 октября 1937 года. Его звали Золотинск Алцукович Тарба. Он родился в 1904 году. Мама и ее брат так и не знали, что он был расстрелян в Тбилиси. Мама всегда нам про деда и бабушку рассказывала. Мне было два годика, когда бабушка умерла.

Дедушку взяли внезапно. Насколько я знаю, его должны были направить на работу в Москву. Он в Москве закончил какие-то курсы юридические. На него написали донос, и, естественно, он был арестован. Как-то ему удалось передать записку бабушке, ее звали Вера Чичевна. Он писал, что ей не стоит рожать ребенка. Он понимал, что надолго там. Она все равно родила. Потом пришли за бабушкой. Дедушка был коммунистом. В Дурипше с детства помню полочку, заполненную книгами Энгельса, Маркса и Ленина. Вот это он читал. Они такого человека обвинили в предательстве.

Мама однажды сказала, что помнит, как он приходил домой, хотя ей было три года. Она помнила, что он ее брал на руки и

подбрасывал, помнила его смех. Моя мама и ее брат остались с дедушкой и бабушкой, часто залезали на ворота и звали свою маму. Не хотели уходить.

Бабушка родила в тюремном госпитале свою дочку. Моя бабушка была необыкновенной красоты. Тетя Нелли Джонуа говорила, что когда мы ходили на различные мероприятия, мы позади нее шли. Люди смотрели на нее. Я не знаю как, но дедушка сумел ее забрать, сжалились они тогда над ней. И он ее на арбе привез в Дурипш. Ее вся деревня любила, она была очень общительная, ақытаҽы пату лықәыртцон. Лнапы бзиан. Она могла и уколы делать, и банки ставить. Когда они приехали в Дурипш, вся деревня высыпала на улицу и говорили: «Бубачку везут».

Бабушка, бедная, двадцать лет не носила по мужу траур, она всегда верила, что он живой. Она не знала, что его нет, она все время ждала его. Бабушка все делала, чтобы дети ее красиво выглядели. Она учила их: «Всегда говорите, что вы дети Золотинска Тарба, не бойтесь. Ваш папа самый лучший человек». Они не видели его, но так его любили. Так хранили о нем эту память.

Перед арестом бабушка и дедушка жили в Гудауте, имели квартиру двухкомнатную. После ареста дедушки, квартиру конфисковали, и она с двумя детьми, в положении, ушла в Дурипш. Все, что могла перевезла, и жила там. Она даже не могла продавать фрукты, овощи, как жена врага народа. Работала, бедная, на огороде.

Что хочу сказать, был один грузин, фамилию, к сожалению, не помню. Он хорошо знал дедушку. Это был единственный человек, который помогал ей. Она привозила на арбе в Гудауту фрукты, овощи сдавала. На эти деньги ездила в Тбилиси много раз. Она все время искала своего мужа, и эти гады ни разу не сказали, что его нет в живых. Тройка заседала 4 октября и приказ расстрелять был в тот же день, приговор исполнили в тот же день. Об этом я узнала.

Мама даже ездила в Адзюбжу с его фотографией. Однажды она приехала к тюрьме, стояла, не уходила. И эти бедные заключенные поднимались, а она смотрела на них. И вдруг один из них оказался дурипшский. Он ее увидел и говорит: «Баша ара бгылоуп, ара дыҟазам». (Зря ты здесь стоишь, его здесь нет. – **С.В.**). Он то не знал, что с ним, но знал, что его в этой тюрьме нет. И она тогда, бедная, расстроенная, конечно, ушла. Бабушка никогда не допускала мысли, что его нет, верила в то, что он должен вернуться.

В 1957 году наступила реабилитация. Тогда бабушка надела траур. Ей был 41 год. В 1959 году у нее рак груди обнаружили, и она умерла. Я думаю, эта болезнь появилась на нервной почве. Потом и дочка ее рано умерла. Почитай «Девушка в черном», эта мамина повесть о ней. В школе ты, наверно, учила «Матиса», это о моей бабушке. Когда мама писала эту повесть, прототипом ее героя был ее отец, а женщины – мать. И там она написала, что он не вернулся в 1937 году. Сначала они печатали свои произведения в журнале «Алашара», потом издавали книги. Редактор ее долго уговаривал, чтобы она изменила. Он сказал ей, что ему не разрешат это публиковать. И она скрепя сердце написала, будто на войне пропал. Эта тоже издевательсво над душой. В каждом времени есть и плохое, и хорошее. Но когда плохого больше, и это хорошее не хочу. Бабушка все время письма Берии писала, а когда Сталин умер, они все плакали.

Но в моей семье антисталинизм с детства помню. Сколько знакомых пострадали! Шалва Цвижба двадцать лет сидел на Калыме. Правда, потом вернулся, но весь больной. За Ивана Папаскира не могу вспомнить. У Антонины Малхазовны[1] отец репрессирован и не вернулся. Да кого не возьмешь! Все.

Мама и ее брат очень упорно его искали. Будто бабушка им эстафету передала. Она всегда его искала, кому-то письма писала. Если бы тогда был интернет, она бы своего добилась. Потом она писала книгу про 124 дурипшских сыновей, которые не вернулись с войны. В ней говорится и о репрессированных, в том числе и о ее отце. Мама всегда нам говорила, что нам завидуют, потому что у нас был такой отец, который нас любил.

---

[1] Хашба Антонина Малхазовна (Арсеньевна) – канд. ист. наук (1972 г.), доц. (1975).

Однажды приехал один русский человек, и я увидела, что у него нет ногтей. У него в ссылке была цинга. Он сказал, что сидел с моим дедушкой в Сибири, что тот все время рассказывал про дочку. Я была в 5 – 6 классе, я помню, как мама говорила: «Наверно, это не мой отец. Он не мог только про меня говорить. Он не знал про сестру, но про брата он знал». Потом мой дядя поехал туда и искал его в этих лагерях. Естественно, не нашел бы, так как он в Тбилиси погиб. В 2003 году я была на конференции по правам человека в Москве. И один день мы должны были рассмотреть кейс стадис (пример. – **С.В**.). Каждый из участников должен был выбрать организацию, в которой мог поработать. И я выбрала себе «Мемориал».[1] Я пошла туда, так как мама моя все время мне поручения давала. Помню, что это был декабрь. Я никогда не забуду, как я шла. С огромным трудом нашла это место. Мобильного тогда у меня не было. Пришла и ахнула, помню очень много стеллажей с документами. Я все записала, анкету заполнила. Сказала, что в Москве буду неделю. Они мне позвонили и сказали: «Ваш дедушка в наших списках не числится. Совет даем вам, ищите его в списках в Тбилиси». Это было в 2003 году. Я сказала им: «В Тбилиси я никогда не поеду искать, вы что не знаете, что у нас была война».

Конечно, мама была очень расстроена, что я не смогла найти деда в списках. Мама умерла 29 января 2014 года, так и не узнав ничего о нем. В том же году я была на встрече абхазо-грузинской, и как раз мы говорили о правах абхазского народа, о том, что истребили всю абхазскую интеллигенцию. Я сказала, что абхазы еще со сталинских времен страдают, что грузины нам покоя не дают. Помню, как я сказала: «Вот я дочка репрессированных». И я спросила одну участницу: «Ты видела свою бабушку? А я из-за Сталина, Берия нет». И когда у нас был перерыв, ко мне подошел молодой грузин сказал: «Вы знаете, Асида, я искал в списках КГБ вашего дедушку, и не нашел». И тут, я знаешь, по-

[1] Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» (сокр. Международный Мемориал) – некоммерческая организация, занимавшаяся исследованием политических репрессий в СССР и современной России.

разилась. Я повернулась и спрашиваю его: «У тебя что, списки КГБ есть?». Но дело в том, что он проверял списки с фамилией Ломия. А я ему говорю: «Этот дедушка – моей мамы отец». Мы подошли к его компьютеру, он открыл списки. Набрал Тарба Золотинск и вышел на моего дедушку. Представляешь?! Как я там сознание не потеряла, я не знаю. В тот же день я в Фейсбуке написала: «Я нашла своего деда…».

Оказывается, два здания КГБ было в Тбилиси, одно из них сгорело. Они сами его сожгли, наверно, так как в этом здании много чего было плохого. А дед оказался в этом втором здании. Там было две тюрьмы НКВД. Во дворе была общая могила за тюрьмой. В какой тюрьме он был и в какой общей могиле, я не знаю. И этот парень, молодой грузин, этим занимался. Помню, как он сказал: «Я вас хорошо понимаю», он сказал: «Вы не думайте, что мы все грузины за Сталина». И окозалось, что его прадед тоже был репрессирован. Тогда он сказал мне: «Вы знаете, вы нашли, а я не могу найти своего деда, но я его ищу». Единственное, что хочу вам сказать, найти, где он захоронен труднее. Вот тогда Совет Европы эту тему поднял. Я очень много говорила. И отец Нателлы Акаба[1] тоже в этом списке нашелся. Сейчас недавно нашелся дедушка Асиды Шакрыл.[2] Потом я своего дедушку внесла в списки «Мемориал». Но что я хочу сказать, когда не знаешь, что было с родными, это такое издевательство над человеком. Мало того, что убили, не дали семье узнать о его судьбе.

И после этого они несут к Сталину на кладбище гвоздики?! Мама всегда говорила, там, где-то в лесах, умер мой отец. Если что-то на этом свете есть, надеюсь, они уже встретились. Я уверена, если бы мама знала, конечно, еще до войны, что он похоронен в одной из этих тюрем, она бы нашла. Когда она пришла в

[1] Нателла Нуриевна Акаба – абхазский политолог, историк, общественный деятель. Секретарь Общественный палаты Республики Абхазия (2007 – 2019 гг.). Председатель правления Ассоциации женщин Абхазии.

[2] Асида Георгиевна Шакрыл – Член Общественной палаты Республики Абхазия (2011 – 2016 гг.). Уполномоченная по правам человека республики Абхазия с 2018 г.

КГБ в перестроечные годы, дело моего дедушки было пустое. Но все знают, кто на него донес. Двоих я точно знаю, но третьего не помню. Бог, видимо, не захотел, чтобы я его помнила. Оба они известные. Мама и я считали, что дети не отвечают за деяния своих отцов. Но один из них всегда стеснялся и уходил оттуда, где была бабушка.

Бабушкина жизнь последние двадцать лет – это поиски дедушки. Она очень его хотела найти. Вся жизнь была этому посвящена. Реабилитационный листок к бабушке пришёл в 1957 году.

С.В.: Какое отношение к маме было, когда она пошла в школу?

А.Л.: Детей врагов народа сажали отдельно. Это то, что мама рассказывала. Тогда бабушке сказали: «Дети врагов народа будут садиться отдельно». Но она (бабушка. – **С.В.**) им такую любовь привила к отцу. Они все трое хорошими людьми стали.

Собеседник – Валентина Галагутова
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 2.05.2018 г.
Транскрибировано: 20.07.2020 г.

С.В.: Расскажите историю вашей семьи.

В.Г.: Все, что я знаю, это из рассказов отца. Тогда я была ребенком. Вот то, что мне запомнилось. Мы жили по проспекту Мира. Я родилась в Сухуме. Отец – Леонид Петрович Галагутов, работал в Абхазтабаке водителем. Я родилась в 1936 году, а в начале 1937 года за папой пришли. В гараже водители собирались, когда приезжали машину ставить. Отец рассказывал, как пришли из НКВД и сказали: «Нам нужен Галагутов Леонид». Но эти ребята, его друзья, сказали, что отца нет, что он еще не приехал с рейса. Затем папу сразу отправили в Сочи. А меня и маму отправили на следующий день. Мне было тогда полгода. А из Сочи мы уже уехали в Крым. Конечно, если бы мы не уехали, папу взяли. Мы какое-то время в Крыму жили. Я училась там в

первом, втором класс. Со временем мы вернулись. Жили в Гудауте, в большом бабушкином доме.

Мой дедушка Петр Гаврилович Галагутов был крестным Нестора Лакоба. Какое-то время он был юристом в Тифлисе. Мама мне рассказывала, когда я родилась, из роддома меня привезли на машине Нестора. Помню, как мама отзывалась о брате Нестора Лакоба Михаиле, каким он был заботливым, внимательным к нашей семье. Я очень жалею, что многого не запомнила…

Собеседник – Георгий Акаба
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 27.03.2021 г.
Транскрибировано: 29.03. 2021 г.

Г.А.: Мой дед – Шамба Хуршит Османович, 1897 года рождения, уроженец села Тхина Очамчирского района, с 1922 года жил с семьей в Гаграх. Мать моя там родилась, и все братья, сестра всю свою жизнь в Гаграх провели. Он был арестован дважды. В 1937 году, когда начались репрессии, он год сидел в Дранде. Было указание такое, чтобы добиваться признания.

Он мужик был очень стойкий. Я его помню. Мне 14 лет было, когда он умер. Я видел его фотографии 20 – 30-х годов, физически был крепкий мужчина, никак они не могли его сломить. Он не подписывал признание. В то время Генеральным прокурором СССР был Вышинский. Моя бабушка Квициния Нази Омаровна телеграмму направила Вышинскому о том, что происходит беззаконие. И вот пришло указание, потребовали этот материал следствия и признали, что незаконно дед мой сидит.

Но он понял, что это ненадолго, продал все свое имущество, и семья уехала в Москву. В Москве у него в коммуналке была однокомнатная квартира, прямо на улице Маркса и Энгельса, где библиотека Ленина.

Дед был очень деятельный. По семейным легендам, не знаю, правда это или нет, но бабушка рассказывала, ему бы дома сидеть и не высовываться, а он ходил часто в парикмахерскую,

которая находилась рядом с гостиницей «Метрополь». И когда дед шел из парикмахерской, наткнулся на Лаврентия Павловича Берия, который шел из ресторана «Метрополь». А Берия лично его знал, откуда – неизвестно. Ну, как рассказывала моя бабушка, он удивленно так посмотрел на него, с охраной был. Ничего не сказал, тогда дед понял, что ему конец. Берия, наверно, удивился, что он на свободе. На второй же день за дедом пришли. Это был уже январь или февраль 1939 года. Я не знаю, кто его судил, тройки уже не было. Видимо, военному судебному органу передали эти функции. 10 лет он провел в Коми ССР в лагерях, после этого ему еще там добавили пять лет поселений, отправили в Казахстан, где он был в колонии поселений. Практически там вольное хождение было, но определенным населенным пунктом ограничивалось. Он не успел дождаться реабилитации, он просто отсидел этот срок и в 1954 году был освобожден. Я думаю, если бы Сталин не умер, ему бы еще добавили. А так его уже отпустили. После, насколько я помню, он сам обращался в местные органы и прокуратура проводила расследование. Его полностью реабилитировали. Это уже был 1956 – 1957 год.

С.В.: В вашей семье принято было говорить на эту тему?

Г.А.: Он был немногословный. Все знаю со слов бабушки и моей матери. Она самая старшая была в семье, потом я пацаном был в то время. Это уже после его смерти рассказывали. Когда первый раз отца забирали, маме было 16 лет.

С.В.: **То есть она помнила как его забирали?**

Г.А.: Да, приехали из НКВД в Гаграх, надели наручники и увезли. Это было самое начало репрессий –1937 год, а продолжались они до ноября 1938 года. В этот период полтора года были массовые репрессии. Потом в 1938 году процесс замедлился. Конечно, арестовывали, но не в таком количестве. Он более года сидел. Он бабушке рассказывал, как били, избивали резиновыми шлангами. Так всех арестованных избивали. Очень часто была такая пытка: держали в холодной воде. Там была специальная камера, она была до четверти залита водой, их туда избитых бросали, до тех пор держали, пока не подпишут признание. Он

не подписал! Поэтому его дело не посылали на тройку. Тройка требовала именно признания. Этого признания не было, поэтому тянули следствие, потом репрессии стали стихать и его отпустили за недостаточностью улик. А когда второй раз забирали, осудили по 58-й статье – антисоветская агитация, пропаганда. Такая дежурная статья была. И первый раз забрали тоже по подозрению в этой статье. Правда, не знаю, что вменяли, может, анекдот какой-то рассказывал, может, просто сфабриковано дело было. Тогда ведь могли и просто донос написать и достаточно, прочие доказательства не требовались.

С.В.: Сколько лет было дедушке, когда его забрали?

Г.А.: 40 лет.

С.В.: Рассказывала ли мама,[1] какое было отношение к ней, как к дочери врага народа?

Г.А.: В Гаграх им жизни уже не было. Они поехали в Москву. Разведка, видать, плохо работала: ей удалось поступить в Институт философии, литературы, искусств. И как-то она проскочила этот момент, закончила институт в 1945 году. Кому-то из детей репрссированных блокировали все, а ей видимо, помогло, что они затерялись в Москве.

С.В.: Каким вы дедушку запомнили?

Г.А.: У нас с ним какая-то дистанция была. Он очень был суровый человек – 5 лет лагерей, 10 лет ссылки, наверное, повлияли. Он не любил много разговаривать, ну, я тогда мальчиком был. Если бы я повзрослее был, конечно, контакт нашел бы. Когда он умер, мне было тринадцать с половиной лет. Тогда эти темы меня не очень интересовали. Он был очень шустрый, очень хорошо знал торговлю. Он в системе торговли работал. И вот в 20-е годы, если помнишь, был НЭП – новая экономическая политика. Тогда людям разрешалось иметь частные магазины, он три магазина имел в Гаграх. Коммерческая торговая жилка была у него. Видимо, это сыграло свою роль. Я так полагаю, что доносы именно так и написали. Это ведь ненадежный элемент был, и, видимо, таких людей в первую очередь арестовывали.

[1] Акаба Лили Хуршитовна (1921 – 2010 гг.) – канд. ист. наук, этнограф.

Вернулся он из ссылки, ничего нет! Он сумел устроиться в Потребкооперацию в Гаграх, а где-то года через три-четыре сумел шикарный дом построить. До сих пор этот дом в Гаграх стоит, сейчас там наши родственники живут. Работал он в коопторге. Еще и машину себе купил. По тем временам это, вообще, недостижимо было. Вся Гагра его знала, он умел договариваться с людьми, умел зарабатывать. Что самое интересное, а у детей абсолютно никакой коммерческой жилки. Мать моя по гуманитарной линии пошла, где-то в 1950-е годы защитила диссертацию кандидатскую, ее сестра Зина экономический факультет в Москве закончила. Долгое время в Госплане СССР работала. А младший брат – Анатолий Хуршитович, окончил иняз, хорошо владел немецким языком, по линии интуриста работал, то есть они пошли в сферу, которая к торговле никакого отношения не имела.

С.В.: Как складывалась жизнь после ареста деда, что бабушка рассказывала?

Г.А.: Было тяжело, потому что вся семья держалась на деде. Он основной добытчик в семье был, он приносил в семью и деньги, и продукты. С его арестом они остались как без рук.

Бабушка моя была домохозяйка, она, вообще, малограмотная была, два класса церковно-приходской школы в Очамчире закончила. Правда, читать, писать умела. Она вынуждена была устроиться на ВДНХ в киоске, продавала газированную воду. Все пятнадцать лет, что деда не было, они были в Москве. В 1946 году она вышла замуж за моего отца в Москве. После ранения отец долго лечился, там они познакомились, там и поженились. Старшая моя сестра где-то до 8 класса училась в Москве. Ну, почему переехали в Москву, потому что в те годы абхазцам не давали хода. Ни работы, ничего не было. А когда в Абхазии первым секретарем стал Бгажба[1], он уже начал абхазские кадры собирать, отцу предложил работу, и вместе с матерью уже переехали сюда (Абхазия. – **С.В**.).

[1] Михаил Темурович Бгажба (1915 – 1993 гг.) – советский государственный и партийный деятель. До 1957 г. секретарь Абхазского областного комитета Коммунистической партии Грузии, в 1957 – 1958 гг. председатель Совета министров Абхазской АССР. В 1958–1965 гг. 1-й секретарь Абхазского областного комитета КП Грузии, член ЦК КП Грузии.

С.В.: Что мама рассказывала вам?

Г.А.: Дед был физически крепким человеком. Когда он сидел в тюрьме, в лагерях, там было очень много уголовников. Они над политическими издевались. Видимо, с подачи лагерной администрации. Все-таки уголовники не были для них таким ассоциальным элементом, как политические. Отбирали паек, заставляли за себя работать. Дед у меня был крутой, кому-то челюсть свернул, и все затихло. Где-то в 1940 – 1941 году в лагерь попал один мужик. Фамилия его было Кущев. Он был бывший военный полковник, тогда же многих военных расстреливали. Этот Кущев работал под началом Тухачевского[1], и, естественно, всех, кто работал с Тухачевским, в лагеря отправляли. Уголовники, увидев, что он такой интеллигентный, безответный, начали над ним издеваться. Чуть с голоду не умер, отбирали у него пищу. Он обратился к деду за помощью, так как они с дедом в одном бараке находились. Дед взял его под свою защиту, чтобы от него отстали. Он деду был очень благодарен.

Мама рассказывала такой эпизод: когда началась война, получали прессу, сводку Сов. Информбюро, которая рассказывала о положении на фонтах, в лагерях. И этот Кущев начал высказывать такие мысли, мол, что делается, бездарное командование, скоро до Москвы немцы дойдут. Он говорил о том, как правильно нужно сделать. Дед понял, что Кущев очень опытный в военном отношении и предложил ему: «Давай напишем на имя Сталина письмо. У них сейчас дефицит в военном плане. Скажем, что ты воевал на Халхин-Голе, что чуть ли не со времен Гражданской войны в Красной Армии воевал. Давай напишем все это, может, обратят внимание. Напиши, если в чем-то виноват, кровью искуплю, направьте на фронт, буду воевать».

Кущев долгое время отнекивался, думал, что хуже будет. Потом написал. В середине 1942 года пересмотрели его дело. Как раз самая тяжелая была ситуация, потому что немцы, потерпев поражение под Москвой, перегруппировались и после ряда удач-

[1] Михаил Николаевич Тухачевский (1893–1937 гг.) – советский военный деятель, Маршал Советского Союза (1935 г.). Расстрелян в 1937 году по «делу антисоветской троцкисткой военной организации», в 1957 году реабилитирован.

ных наступлений на Красную Армию в битвах за Харьков, Ржев, пошли к Сталинграду. Пришел какой-то посыльный из Наркомата обороны, сказали: «Кущев на выход, вы реабилитированы, вы идете на фронт». И тот бросился целовать моего деда: «Если бы ты меня не надоумил, я бы, наверное, здесь сгнил».

Действительно, взяли его на фронт, восстановили в звании полковника, буквально через год он был генерал-майором, настолько хорошо воевал. Ему дали сначала полк, потом дивизию. Войну закончил в Кенигсберге уже в звании генерал-лейтенанта. И вот мне бабушка и мать рассказывали, был где - то ноябрь 1945 года, сидят в квартире большой, коммунальной. Там пять - семь семей жило, каждый одну комнату занимал, и вдруг соседка заходит и говорит, какой-то военный пришел, вас ищет. Двое военных было. И рассказывает мама: «Я с матерью вышла, смотрю, генерал весь в наградах, у него какой-то саквояж был такой, с ним адъютант, спросил: «Вы семья Хуршита Османовича Шамба? Можно к вам?». Завели его, начал он рассказывать, почему он пришел, проведать семью, спросить, нужна ли какая-то помощь. «Если бы не ваш отец, не знаю, был бы я живой, где бы я был, сказал он. – То, что заставил написать меня письмо, было определяющим в моей жизни». И он через своего адъютанта гостинцы оставил. В то время с продовольствием проблемы были. Целую сумку с американской тушенкой. «Это единственное, чем я могу помочь», – сказал он. Но в 1975 году он умер, бедный. Я всю информацию о генерале Кущеве[1] нашел в интернете: где командовал, как командовал, что незаслуженно был репрессирован. Все в интернете о нем узнал.

С.В.: Какое в семье было отношение к Сталину?

Г.А.: Конечно, отрицательное: и к Берия, и к Сталину. На эту тему особо в семье не говорили. Помню, как-то деду сказал: «Деда, скажи, как ты в лагере сидел?». Он меня так сурово одернул: «Тебе еще рано это знать. Вырастишь, сам узнаешь».

Сколько историй я слышал о якобы врагах народа, обычно во всем нам мешали, вплоть до исключения из школы. А здесь их

[1] Александр Михайлович Кущев (1898 – 1975 гг.) – советский военачальник, генерал-полковник (1955), Герой Советского Союза.

родным просто повезло. Не было такой четкой системы учета, как я полагаю. Тогда не было компьютеров, чтобы можно было в базу данных заложить. И некоторым удавалось затеряться и даже карьеру сделать. Когда вышел Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий», я в прокуратуре работал. И часто в суде как помощник прокурора участвовал в процессах по гражданским делам.

У нас было одно дело. На реабилитацию подала семья одного грека, не помню точно фамилию, он еще при Лакоба был зам. наркома земледелия. Его тоже репрессировали. И семья, пользуясь указом Горбачева, обратилась в суд. У них в центре Сухума был дом, они хотели отсудить этот дом, потому что до 1937 года он им принадлежал.

Мы сделали запрос в Грузию по делу этого репрессированного и получили это дело под грифом секретно через Верховный суд. Я удивился, как тогда эти дела фабриковали. Значит, в этом деле было четыре документа: донос, допрос, протокол заседания тройки, приговор. Все, больше ничего не было. Кто-то донес, что этот репрессированный провалил заготовку табака тем, что дал указание колхозникам сажать не прямо корнем, а наоборот. Так было написано. То есть специально, чтобы сорвать заготовку урожая. Он во всем признался. То есть его заставили написать, что он это сделал в интересах греческой разведки. И так его осудили. Приговор, расстрел, высшая мера наказания. Три листочка – и все. А тогда было сотни дел таких.

Собеседник – Евгений Воронин
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 26.10.2019.
Транскрибировано: 28.05.2020 г.

С.В.: Представьтесь, пожалуйста. Расскажите немного о себе.

Е.В.: Воронин Евгений Михайлович. Отец был русский, был скрипачом. Мать моя училась в музыкальном училище, там они

и познакомились. Моя мама, Елена Алексеевна Хасая. Во время Великой Отечественной войны уехала в Тбилиси, там работала в театре. Она не только танцевала, но и хорошо играла. Почти всю войну была там, потом переехала в Сухум и работала в детских садах пианисткой. У бабушки было две дочери и сын Алексей Хасая. В Гудауте на кладбище покоится вся семья со стороны мамы. Мой дед, Хасая Алексей Титович, хороший голос имел. Когда приехал, в церковном хоре пел. Он был очень набожный. Ему было 94 года, когда его не стало. Тоже похоронен в Гудауте, рядом с женой Халбая.

Его сослали на Урал. В ссылке он находился с 1937 по 1946 год. Он говорил: «Кто работал – тот выжил, а кто нет, тот умер». Деда репрессировали как офицера царской армии.

Когда он вернулся, это было в 1946 году, многому меня научил, особенно, крестьянской работе. Чистоте научил – чтоб и огород, и земля были чистые. Бабушке дали землю для кукурузы, тогда ведь послевоенная была разруха. Бабушка была из Воронежа. Она умела шить, иногда кому-то что-то шила в деревне. Она всю жизнь проработала в школе. Эта уже в советское время.

Единственное, что сделала советская власть, победила фашизм. Но кто победил? Опять люди. Ни те, кто сидел в Москве и командовал, хорошие командующие были на войне.

Собеседник – Ирина Квеквескири
Ведущий – Саида Возба
Дата записи:12.02.2021 г.
Транскрибировано: 16.02.2021 г.

С.В.: Представьтесь. Расскажите немного о себе. Расскажите об истории вашей семьи.

И.К.: Ирина Квеквескири. Сегодня я работаю директором Института педагогики Министерства просвещения Республики Абхазия. Я родилась в селе Беслахубе Очамчирского района. Дедушка мой был репрессирован. Точно не помню год, но примерно, по нашим семейным подсчетам, это было то ли в 1937,

то ли в 1938 году. Дедушка был репрессирован после убийства Нестора Лакоба, когда пошел процесс террора по отношению к тем, кто был приближенным к нему.

Предполагалось, что дед входил в троцкистскую ячейку. Дедушка был старшиной в селении, звали его Квеквескири Махран Исламович. Он был 1884 года рождения. Мой дедушка женился, когда ему было за пятьдесят. Бабушка в 26 лет вышла замуж. Она была очень красивая. Всю жизнь хранила верность ему.

Бабушки не было дома, когда за дедушкой пришли из НКВД. Она рассказывала о том, что была по соседству, и вдруг ей сообщили, что кто-то у них дома. Рассказывала: «Прихожу, прямо у порога стоят солдаты: я захожу в дом, дедушка уже одет». Она на всю жизнь запомнила этот белый китель, как он у очага сидел, мундштук в руках держал. Табак положил в мундштук, и зажигал. Он был весь белый, как китель. Я когда зашла, рассказывала бабушка, дома все перевернуто было, все обыскали. Сам дедушка не был богатым, но бабушкина семья очень состоятельная, известная семья была. Ей дали хорошее приданое. Она рассказывала, как один из них держал шесть серебряных ложек, хотел себе в карман положить. «Я не оторвала взгляд от него, и он в сердцах, такой злой, недовольный, бросил эти ложки. Бедный дедушка, на меня посмотрел, весь бледный», – рассказывала бабушка. Всю жизнь проносила она в сердце эту картину. И так описывала случившееся, что я четко это вижу. Когда она зашла в дом, дед на бабушку так посмотрел и сказал: «Бара исықәнагоуп ҳәа ишыбыԥхьаӡо, убыс бхы нықәга. Сара бызымпшын» (Веди себя так, как посчитаешь нужным. Меня не жди. – **С.В**.) И когда его забрали, Тина лаб (бабушка имя дедушки не произносила, говорила отец Тины) уаха дысымбеит. Виноваты были какие-то три человека.

Бабушку звали Басария Гега Чаговна (Запа ее еще называли). Был такой Чагэ Басария, очень известный человек в Очамчирском, Абжуйском районе. На собраниях всегда выступал, оратором был. Это ее отец. Когда даже Троцкий приезжал в Абхазию (два раза приезжал), из Очамчирского района ее отца приглашали, то есть он был одним из тех, кто выступал. Она и в детстве

была очень красивая, рыжеволосая, синеглазая. И когда в дом приходили гости к ее отцу, тогда же было принято брать детей на воспитание, все время у отца ее спрашивали, чей ребенок? Она от детей отличалась, очень была живая, умная.

Бабушка всегда говорила, если дали бы возможность ей учиться, то стала бы академиком. Она очень сожалела, что только три класса закончила. И вот, вспоминала бабушка, когда они в третий класс перешли, как-то пришел к ним в дом ее крестный отец. Он сказал ее отцу: «Слышал, что ты ребенка в школу отправил, стыдно же, что девочка будет учиться, мальчикам потом будет писать письма». Бабушка рассказывала: «Я была маленькая, но уже тогда поняла, что после этого мой отец запретит ходить в школу». Я помню, она читала газеты все время. Дома получали газеты. К чему говорю, дедушка, бедный, неграмотный был, крестик ставил. И эти из НКВД, когда увидели, что он не умеет писать, прислали письмо в село вместо подписи: «Вы говорили, что он занимался пропагандой, троцкизмом. Человек не умеет писать и читать, как он мог листовки какие-то читать, потом пересказывать людям против власти, против строя». И вот «тройка», опять написала обоснование, что независимо от того, читает он или нет, но все равно он распространял информацию. Двоих фамилии я знаю, третьего просто не помню. Это были соседи по селу. Их самих не репрессировали, но все они, конечно, закончили очень плохо. Бабушка их всех знала. Она знала, что второе письмо они писали. И она, конечно, через всю свою жизнь пронесла эту боль, ненависть к этим людям. При этом бабушка была такая добрая. Я не могу даже тебе передать, в какой любви мы росли.

Когда дедушку забрали, она какое-то время ждала, что он вот-вот вернется. Никто ничего не говорил. Она два раза приезжала в Сухум и в прокуратуру ходила. Первый раз я от нее слова услышала, адъютант и прокурор. Как-то она рассказывала: «Иду из кабинета, и вдруг этот адъютант быстрыми шагами приближается ко мне, оглядывается в коридоре и как будто мимо меня проходит, при этом наклонился и четко сказал: «Уаха шәмаан, мамзар шәаргьы шәдырӡуеит ҳәа сеиҳәеит иара» (больше не

приходите, иначе и вас заберут. – **С.В**.). Конечно, больше она никуда не ходила. Ей сказали, что дедушку отправили в Грузию, в Тбилиси. Но она точно была уверена, что никуда его не отправили. Когда дедушка и бабушка поженились, какое-то время у них не было детей. А потом бабушка родила близнецов. Она была очень слабая, не могла ухаживать за детьми, а в доме другой женщины не было. Пришла бабушкина старшая сестра, она в Тхине была замужем, жила в достатке, в семье пользовалась уважением. Бабушка даже не называла ее по имени. Расац ее звали. Была замужем и бездетной. Она забрала одного из детей, а родители бабушки забрали второго ребенка, моего отца. Бабушка очень долго болела. Где-то через полгода только пришла в себя. Они с дедом, конечно, решили взять детей обратно.

Однажды бабушка из Баслаху до Тхины пошла пешком к сестре. Когда пришла, конечно, родные поняли зачем: «Мы тебя очень просим, не забирай ребенка. Если ты его заберешь, мы умрем в тот же день. Как только он в школу пойдет, сможешь его забрать», – просили ее. Бабушка рассказывала: «Это ведь моя старшая сестра, как я могла ей отказать!». Бабушка безумно всех внуков любила, может быть, потому что своих мальчиков не воспитала.

Затем бабушка в село Кутол пошла. Отец ее был очень строгих нравов. Мы даже, она рассказывала, отцом его не называли. Отца называли джим, баба ианагоп, что значит старый, уважаемый, хотя он был молодой. Вот такое обожание было к отцу. Когда она пришла туда, все ведь поняли зачем. Никто ничего не сказал. Ночью ребенок заплакал. Смотрю, рассказывала бабушка. Мой отец, который такой уважаемый был, вскочил с постели, огонь развел, кашу сделал, отец мой, к которому мы на расстоянии подходили. Я поняла, если я сейчас возьму ребенка, что будет с ними. Я встала утром, стала собираться, ни слова не сказала за ребёнка», – рассказывала бабушка. Отец, естественно, все понял, подошел к ней и сказал: «Сыԥсы танаԥы, дыҟаз амала абра дныбмыжьын, сара саныԥслак дыбгап. Сыԥсы танаԥы ара дыҟазааит (Пока я живой, пусть будет со мной, когда меня не станет, забери его. – **С.В.**)». Они очень к ребенку привязались.

Вот какие высокие отношения были. Им было очень тяжело, как рассказывала бабушка. Потом спустя несколько лет дедушку репрессировали.

Когда дядя и мой отец подросли, их привезли домой, чтобы они в школу пошли, но они так плакали, что бабушка моя, видя страдания детей, разрешила их забрать. Так что мой отец воспитывался в доме у деда в Кутоле до 18 лет.

Тяжелые годы были, годы репрессий. Обучение перевели на грузинский язык. Однажды, вспоминал отец, в седьмом классе стихотворение задали «Сицоцхли диди Сталин», а папа встал и говорит, ицхахала (умерший) диди Сталин. Дети начали смеяться. Грузин учитель понял, что отец плохое сказал и побежал к директору школы. А директор школы был фронтовиком, в свое время получил ранение на фронте. Отца вызвали к директору. Директор, отец рассказывал, стоял весь бледный, а учитель кричал, не переставая. А папа где-то в 7 классе был. И директор ему говорит: «Сдырʒоит умбаʒои?» (Меня вышлют, не понимаешь? – **С.В.**) Мой отец осознал. На следующий день не пошел в школу. При этом не было такого, чтобы он газеты, книги не читал. А дядя мой, который вырос в Тхине, находился в других условиях, был отличник в школе.

Бедная бабушкина сестра умерла в молодом возрасте, ее муж не женился больше. Бабушка в неделю раз ходила в Тхину и прибирала, готовила там. Рос дядя в семье Хорава. Потом со временем и папа, и дядя вернулись домой.

Бабушка рассказывала, что в колхоз не ходила, чай, табак не собирала, так как здоровье было подорвано.

Когда дедушку репрессировали, уже пошли такие разговоры, что жена репрессированного не ходит в колхоз. В деревне рассказывали про страшного бригадира. Само время, сама эпоха, видимо, порождает таких исполнителей. Как-то бригадир пришел домой, она его просто не выносила на дух, а он ей говорит: «Тут тебя требуют в колхозе». Решила пойти, но больше одного дня не была.

… Бабушка, конечно, обожала своих сыновей, для нее ее сыновья были лучшими в мире. Они как две капли воды были похожи. Наши соседи вообще не различали их. Для нее они были предметом гордости. Естественно, они обожали свою маму несмотря ни на что. Но все-таки, мне кажется, между ними была какая-то недосказанность. Вот у Ирины Анатольевны есть ее книга воспоминаний.[1] Ее мать ведь тоже репрессировали, и воспитывали ее тетки. У меня вопросов много, много не могла понять, но после того, как прочла ее книгу, как-то стало понятно.

… Когда мои родители поженились, они в подарок получили телевизор. Это был второй телевизор в деревне. Это было летом, как сегодня помню. Один из соседей, он немного нездоровый был, смотрел телевизор, вдруг показали Ленина. А бабушка говорит: «Днеиҭаргааит (Чтоб перезахоронили)». И когда он это услышал, вдруг вскрикнул: «Я сейчас пойду и буду на вас жаловаться». Бабушка за нас испугалась, мы, маленькие, начали плакать. Помню во дворе стоим, бабушка ему говорит: «Нан иабаутахо» (родной, зачем тебе это надо. – **С.В.**), и тут отец пришел, все уладил. Она всегда переживала, если бы не было репрессий, ее сыновья получили бы образование. Мой отец сделал все, чтобы мы выучились. Всю жизнь бабушка жила в страхе, что будут репрессии, что кого-то заберут. До конца жизни этот страх не отпускал.

Как-то папа купил «Жигули», бабушка всю ночь не спала. Ему пришлось рано утром встать и отдать машину, потому что она говорила, о том, что на него будут писать доносы. «У нас есть враги», – говорила бабушка. Она прожила долгую жизнь. Всегда говорила: «Наши бы души там встретились». Очень просила нас, чтоб после ее смерти сделали на памятнике дедушкину и ее фотографию. Хотя о его судьбе ничего не было известно. Мы сделали то, о чем она просила нас. И я сегодня понимаю, насколько это было важно.

С.В.: Какие наставления вам давала?

И.К.: Мы точно знали, что она не простила тех, из-за кого репрессировали дедушку. Добрейшей души человек, порядочный, верный, любовь у нее была большая к ближним. Нам запомнились взаимоотношения между старшими в семье.

---

[1] Дочь за отца … отвечает! (Тайны семейного архива Анатолия Вардания и Вероники фон Белински)/Сост.С.Лакоба, А.Дбар.Сухум.2018.

Собеседник – Николай Рыбников
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 16.07.2020 г.
Транскрибировано: 17.07.2020 г.

С.В.: Представьтесь. Немного расскажите о себе.

Н.Р.: Рыбников Николай Юрьевич. Мама – Параскиопало Екатерина Николаевна. У меня, как видите, есть греческие корни. Мама эллинская гречанка. Дедушка – Параскиопало Николай Панайотович, был призван на войну и погиб под Сталинградом. Его фамилия и имя выбиты на мемориальном памятнике на Мамаевом Кургане. В 1947 году выслали всю семью в Казахстан, в поселок Челактау, ныне город Каракао. Высылали их эшелонами с вокзала на Каштаке. Тогда думали все вместе попадут. Бабушка моя и мама, что могли с собой унесли. Выслали маму, бабушку, тетю, дядю, всех. Дедушки уже не было. И вещи моей мамы, бабушки помогали нести родственники. Но они попали в разные вагоны, а затем и в разные поселки. Попали они в лагерь строгого режима. Бабушку водили на работу под автоматом, в закрытой зоне с колючками. Вот так они жили. То есть их не выпускали, они на поселениях находились, в саманных домах, единый барак, с единой крышей и из глины собранный. Опять же люди, соседи помогали. Были и сосланные немцы, греки, чеченцы. Бабушка в свое время работала в Шромской больнице акушеркой, хотя она среднего образования не имела. И выручала то, что принимала роды, делала аборты там. Денег, естественно, не было, но с едой друг другу помогали. Школы как таковой не было, но был человек, который собирал детей и обучал в этом лагере. После смерти Сталина началась реабилитация. Дали моей маме пенсию по смерти кормильца и квартиру.

С.В.: Сколько было вашей маме, когда их выселяли?

Н.Р.: Маме было 7 лет.

С.В.: Что еще мама вам рассказывала?

Н.Р.: Их забрали из Каштака в общих вагонах. Высланы были греки, чеченцы и пленные немцы.

С.В.: Были такие эпизоды, которые врезались ей в память, и она часто вспоминала о них?

Н.Р.: Поначалу, конечно, жилось очень тяжело. Не было нормальной пищи, находились под строгим забором. С 1947 по 1953 годы они жили, как в тюрьме. Дети жили с родителями. Это были бараки, просто закрытая территория с колючей решеткой, с охраной, автоматчиками по периметру.

Они вернулись в Абхазию где-то в 1956 г., мама моя хотела посмотреть свой дом, помнила ведь, где он находился, в центре Шромы, но ее не пустили. Там жили грузины. Государство давало такую пенсию, что они смогли на мамину пенсию собрать деньги и купить себе в Шроме другой дом. Сейчас там нет ни одного дома. Вспоминаю, как бабушка моя говорила: «Если когда-нибудь освободят мой дом, придете на могилу, мне скажете». Случилось так, что произошла у нас война, освободили всю Шрому.

С.В.: В вашей семье принято было говорить на эту тему?

Н.Р.: Вспоминала мама, но при бабушке очень редко говорили, потому что бабушка пережила намного больше. Есть моменты, которые они не хотели бы вспоминать.

Мама в основном рассказывала какие-нибудь шуточные моменты. Там было много двоюродных. Скажу так, братья моего деда до последнего помогали матери, они все сейчас живут в Греции. Никогда ее не оставили, помогали. Когда они жили здесь (Абхазия. – **С.В.**), жили одним большим кланом. И никто никогда не дал ей понять, что у нее нет отца, или в чем-то она нуждается.

С.В.: В каком возрасте не стало бабушки?

Н.Р.: В 71 год. Бабушку я больше помню, помню большой дом, веранду. Еще там был птичий двор. Было много курей, коров. Она была трудягой. Всю жизнь у нее был огород, свиньи.

С.В.: Какие наставления вам давала бабушка?

Н.Р.: Жить порядочно, никогда не врать. Я так и живу. Легко живется только по одной причине, я стараюсь не врать нигде и никогда. Если чего-то я не знаю, лучше промолчу или скажу, я не знаю. Мне уже 50 лет, прожил нелегкую жизнь. Мы тоже

застали тяжелые времена по-своему. Когда многие из Абхазии уезжали, те же самые греки, я, наоборот, приехал сюда. Помогал своей семье. Никого – ни племянника, ни племянницу не оставил в беде. Вот так и поступала бабушка.

С.В.: Какое отношение было к Сталину, Берия? Винили ли их?

Н.Р.: Больше они винили Берия, чем Сталина. Им казалось, что делалось все по указам Берия. Как я понял, не всех высылали. Были греки и с вольным поселением. Моя бабушка после 1953 года вышла замуж. Я ее мужа считал дедушкой. Он не был заключенным. Он имел вольное поселение, работал там на машине на карьере. Его не высылали, он сам уехал. Основную массу выслали под конвоем. Приходили эшелоны, даже не давали времени собраться, под автоматом собирали людей и грузили в машину.

Собеседник – Тамара Ладария
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 16.10.2019 г.
Транскрибировано: 22.04.2020 г.

С.В.: Здравствуйте. Представьтесь, пожалуйста.

Т.Л.: Я Ладария Тамара Валерьевна.

С.В.: Расскажите немного о себе. Где прошло ваше детство? Кем были ваши родители?

Т.Л.: Мои родители: Ладария Валерий Владимирович и Ладария Нина Антоновна в девичестве Голубева. Они познакомились в Питере. Тогда это Ленинград был. Мама моя сама из Саратова. Папа родился и вырос в Сухуме. Когда в 1937 году арестовали его отца, моего дедушку, бабушка, чтобы спасти моего отца, чтобы не расстреляли так же, как детей Лакоба, отправила его к родственникам в Ленинград. Там он жил и работал. А мама моя в это время училась в лесотехнической академии. Родственник, у которого папа жил, преподавал в этой академии, и вот как-то он послал маму к себе домой за чем-то. Так мама с папой познакомились и поженились. Вскоре папу послали на

работу в Петрозаводск, назначили директором ремесленного училища. Мы уже родились там, я родилась в 1952 году, а потом моя сестра Ирина и сестра Ольга. Там мы прожили до 1955 года. А дедушку, когда арестовали, и бабушку как жену врага народа сослали в Воркуту. Она отсидела десять лет, и еще пять лет без права выезда, без права переписки. Началась Великая Отечественная война, мой отец ушел на фронт, а бабушка даже об этом не знала. Это потом послабление было, разрешали переписываться. Она знала уже, что мы живем в Петрозаводске. Когда я родилась, бабушка приехала нас проведать, хотя не имела права. Она нарушила режим, как-то выбрала момент, они ведь должны были отмечаться в комендатуре и приехала между этими визитами в комендатуру, увидеть свою первую внучку. Когда была реабилитация, она решила вернуться на родину, написала папе: «Я возвращаюсь в Абхазию. Приезжай». И вот мы сюда (Абхазия. – **С.В.**) вернулись, когда мне было пять лет, и с тех пор здесь живем.

С.В.: Давайте подробнее поговорим о ваших дедушке и бабушке, расскажите, пожалуйста, кем был ваш дед?

Т.Л.: Мой дедушка Ладария Владимир Константинович родился 16 июля 1900 года в городе Сухуме. Он был видный государственный и партийный деятель, один из организаторов комсомола в Абхазии. Он родился в Абгархуке, в Гудаутском районе, выходец из прогрессивной крестьянской семьи. В 1909 году был взят на воспитание крестным отцом. Это полковник Прогульбицкий, бывший начальник Сухумского округа, который потом устроил моего дедушку в Тифлисский кадетский корпус. После Февральской революции он был одним из инициаторов создания корпуса группы социалистов, за что был исключен из партии. И лишь по настоянию Тифлисского совета рабочих восстановился на учебе. Какое-то время он работал в Тифлисе, а в 1918 году, скрываясь от призыва в национальную гвардию Грузии, вернулся в Абхазию, здесь окончательно занял коммунистическую позицию. А в 1920 году в Гудауте создал комсомольскую организацию. Сейчас комсомол ругают, а тогда это была сильная прогрессивная организация. Он

ею руководил в Гудауте. За революционную деятельность неоднократно подвергался арестам. Активно участвовал в боях с меньшевистскими войсками за установление советской власти в Абхазии в 1921 году. В том же году был избран секретарем уездной комсомольской организации, а потом его опять отправили на работу в комсомол. В 1922 году вступил в коммунистическую партию. В 1923 году был избран секретарем Абхазского обкома комсомола. Являлся подлинным лидером Абхазии. Работал на разных должностях – председателем совпрофа, заворганизационным отделом Абхазского обкома, редактором газеты «Советская Абхазия», а в 1928 году его послали на учебу в Москву, где он был слушателем двухгодичных курсов при какой-то коммунистической академии. В августе 1930 года уже был избран секретарем Абхазского обкома партии. На этой должности много сделал для социального роста республики, он особенно отмечал, что курс на социализацию в деревне должен быть медленным и осторожным. Тогда же в республике насаждали колхозы, а мой дедушка был против колхозов, потому что у крестьян отбирали землю, все отбирали, это вызывало у них недовольство. В 1936 году дедушка был неожиданно освобожден от должности секретаря Абхазского обкома и назначен секретарем Болнисского обкома. Затем некоторое время работал замначальника политотдела Закавказской железной дороги. Был арестован и являлся одним из главных обвиняемых на открытом судебном процессе в городе Сухуме по делу о контрреволюционной диверсионно-вредительской шпионско-террористической организации в Абхазии. Он был приговорен к расстрелу в 1937 году. Расстреляли его в 1937 году, было ему 38 лет.

С.В.: Что рассказывала ваша бабушка? Как его забирали?

Т.Л.: Мы же маленькие были, как-то это время нас не интересовало, а она сама не рассказывала никогда. Мы все время знали, что нашего дедушку расстреляли, что он был активный, деятельный человек. Когда постарше стали, об этом времени и говорили, и в школе изучали, но дома, я помню, как-то я задала вопрос, как это было. А тогда книга Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», и мама моя ее где-то достала, напечатанную на машинке, и они с бабушкой тихо ее на кухне читали. Когда мы заходили, они замолкали, старались на эту тему при нас не говорить. Не знаю почему. Видно, еще страх с тех времен остался лишнее что-то сказать. И когда я повзрослела, я прочитала эту книгу. Я бабушку спросила: «Там что написано, это правда?» Она ответила: «Это чистая правда. Через все это мы прошли».

Мне запомнился такой момент в этой книге, как досматривали женщин. Бабушка мне говорила, что над политическими так издевались. Они были в худших условиях, чем уголовники, уголовницы со стажем, убийцы, воры, рецедивисты. Их специально сажали с ними в камеру и закрывали глаза на то, как над ними издевались там эти уголовники. Она говорила о том, что было очень тяжело, но мы особо не расспрашивали. Единственное, что помню, у бабушки какие-то пятна на руках были. Я ее спросила, откуда, а она мне: «Это отмороженные руки у меня». В пятидесятиградусный мороз мешки стирали в проруби. Что за мешки, для чего они нужны были?

С.В.: А когда ее сослали?

Т.Л.: Дедушку в 1937 году расстреляли и тут же ее сослали. Неизвестно, где именно расстреляли. Говорят, что где-то в районе Эшеры. Говорили, что их даже в яму известковую свалили, чтобы костей не осталось, чтобы не нашли.

С.В.: Что вам бабушка рассказывала про события, происходившие после репрессий?

Т.Л.: Она рассказывала о том, что в лагере через год встретила жену следователя, который ее допрашивал. Видишь, какая была мясорубка? А этого следователя расстреляли. То есть всех подчищали, всех убирали, чтобы не было следов, вообще. И она, конечно, была в шоке, когда увидела эту женщину там. Это время отложило отпечаток на психику людей. Было тяжело в сталинские времена. За какой-то анекдот про руководящих работников можно было получить десять лет тюрьмы. Процветало стукачество и люди порой своим родным не доверяли. Даже на характере моего папы отразилось. Он был такой тихий, спокой-

ный, всегда чего-то боялся. Лишнее не скажет, против никогда не выступит. А бабушка тоже молчала, была очень закрытым человеком. Это время сломило их. У нее на всю жизнь осталась черта что-то прятать на черный день. А вдруг голод наступит, а вдруг эти времена вновь вернутся. Она могла хлебушек под подушки положить. Я помню, когда она умерла, у нее столько было кофе спрятано. Мы, наверно, целый год еще пили. А так она была очень чистоплотная женщина. Она умерла в 1982 году в 82 года. Причем, она была очень больная, камни в почках, сердечная недостаточность.

Как она вообще пережила с этими болячками Воркуту?! Помогала сила воли, сила духа. Она еще в молодости, когда за дедушку замуж вышла, все время по санаториям ездила почки лечила. Из-за сердечной недостаточности ей не могли делать операцию. Как она еще до такого возраста дожила!

С.В.: Какие традиции были в вашей семье?

Т.Л.: Папа мой был коммунистом, а коммунисты были атеистами. Пасху мы не справляли. Даже запрещено было об этом говорить. А мама моя выросла в очень набожной семье. Ее мама, очень верующая женщина, посты соблюдала, но в церковь не ходила. Мама моя не верила в бога. Но когда Пасха подходила, этот праздник как-то отмечали, праздновали. Мама всегда красила яица. Папа возмущался. А мама говорила: «Весь двор бегает, яйцами чокается, почему наши дети как нищие должны смотреть и завидовать». Она луковой шелухой яйца красила. Бабушка с папиной стороны пекла пироги на Пасху, чтоб нас, детей, порадовать. А так каждый Новый год мы к двери бабушкиной подходили и пели «сею, вею, посеваю». Это была наша традиция. Бабушка выходила и дарила всем нам по железному рублю. Рубль тогда был целым достоянием, еще какие-то конфетки. И мы всегда этого ждали. Все коммунистические праздники отмечали. Друзья к маме с папой приходили. К бабушке каждое лето приезжали ее подруги, приходили Ксения Чалмаз, Ремзик Чалмаз, они вместе сидели. Мама Ксении Чалмаз с бабушкой сидела. И вот они дружили, часто собирались. В карты любили поиграть.

С.В.: Как вам жилось с мыслью о том, что вы из семьи репрессированных?

Т.Л.: Детство у нас было очень хорошее, нас никто не притеснял. Наоборот, были льготы. Бабушка эту квартиру получила как пострадавшая, как семья репрессированных. Когда дедушку и бабушку арестовали, у них конфисковали все имущество. Когда бабушка вернулась, ей дали по ул. Церетели комнатку маленькую, в коммуналке, а папе дали две комнатки, где улица Челюскинцев, в доме барачного типа. Мы там жили. А в 1961 году построили дома, и репрессированным давали квартиры. Бабушке предложили квартиру, она попросила жить с сыном. Она сказала, что у нее единственный сын, что хочет с его семьей жить. И вот тогда нам дали эту квартиру, с тех пор мы живем здесь. Дали квартиру репрессированному Джергения, потом Вере Лакоба, Чалмаз Ксении, во втором подъезде нашего дома, на третьем этаже жила семья Цветиковых. Они тоже были репрессированы. Они уже давно умерли, с женой им дали однокомнатную квартиру. Люди здесь интеллигентные жили.

С.В.: Кто в вашей семье был еще репрессирован?

Т.Л.: Бабушка, дедушка и родной брат моего дедушки Ладария Алексей Константинович. Знаю, что, когда он был женат, его посадили. Он там из тюрьмы написал своей жене: «Откажись, Валя, от меня, чтобы тебя не арестовали и не расстреляли как жену врага народа». Они очень друг друга любили, у них дочка была. Она вынуждена была отказаться, чтобы спасти себя и дочку. А брат моего дедушки познакомился с женщиной, которая тоже сидела. Они поженились, приехали в Абхазию и здесь жили. Потом ему как репрессированному дали квартиру. Он много лет в работе комсомола принимал активное участие. С возрастом он стал работать замдиректора какого-то бытового управления. Очень активный был. Брат моего дедушки, мы его дедушка Лесик называли, говорил о том, что его спасло в этих нечеловеческих условиях в ссылке, то, что у него был абсолютно музыкальный слух. Он пел хорошо, умел играть на разных музыкальных инструментах. Это помогло выжить. Когда начальство крупное приезжало, его приглашали, то накормят его, то

напоят. А то, он говорил: «Я бы с голоду там помер». Он находился на Урале.

Мне запомнился один момент. Я тебе об этом не говорила. Когда их привозили, делали обыски, догола раздевали, это мне бабушка сама рассказывала, это для нее было самое большое унижение. Страшное время было. Папа мой всегда говорил: «Мама, пиши мемуары». Она говорила: «Оставь меня в покое». Она даже думать об этом не хотела. Она старалась, мне кажется, из своей памяти это вычеркнуть. Если бы я постарше была, может, больше у бабушки спрашивала.

Судили дедушку Вову и вместе с ним Чалмаз, Джергения. Полностью протокол допроса, протокол суда был в подшивке газеты «Советская Абхазия». Я не видела. Даже эту газету бабушка с мамой прятали. И знаешь, где у нас был старый письменный стол, посредине было сукно зеленое. Они подпороли это сукно, там была выдолблена какая-то ниша, в которой было спрятано все. Мы, когда в 1961 году в Абхазию переезжали, мама показала эту газету. Она даже не дала в руки мне ее взять. И потом, когда открыли музей Лакоба, мама понесла туда. А во время войны все это сгорело.

Собеседник – Татьяна Ладария
Ведущий – Саида Возба
Дата записи: 26.10.2019 г.
Транскрибировано: 20.04.2020 г.

С.В.: Представьтесь, пожалуйста. Расскажите немного о себе.

Т.Л.: Ладария Татьяна Алексеевна. Работаю парикмахером. Уже много лет, лет двадцать восемь. Я Алексея Константиновича дочка, его прозвище Лесик, Седой. Седой у него было прозвище в тюрьме. Об отце могу мало что сказать, потому что в то время не принято было о репрессиях рассказывать кому-то. Я знаю что-то со слов мамы и учеников отца. Очень много он ей рассказывал. Был такой Сабекия Руслан, которому он очень много рассказывал. Папу посадили в карцер первый раз, по пояс держали в холодной воде и били линейкой, выбили все зубы. Били, чтобы он отказался от фамилии, от нации, от всего, и от брата своего родного. Он писал записки спичками, склеивал их с хлебом и бросал через окошечко с решеткой. Он писал: «Я, Ладария Алексей Константинович, такого-то года рождения, если найдете, я живой». Птички, естественно, забирали эти записки с хлебом. Он пытался сообщить, что живой, ведь не было никакой связи, не говорили, живой человек или нет. Никакой информации не выдавали, понимаешь.

С.В.: В каком году его репрессировали?

Т.Л.: Репрессировали в 1937 году, а реабилитировали в 1953 году. Основное время он находился на Колыме. Куда конкретно его посадили, я не знаю.

С.В.: В чем его обвиняли?

Т.Л.: В том, что он враг народа. Он был родным братом Вовы Ладария. Когда его забирали, он в Самарканде был первым секретарем обкома комсомола. Он шел по комсомольской линии очень хорошо. Очень был грамотным. Он закончил Тифлисский педагогический институт. Его сажали как грузина, а он говорил, что он абхазец. Он мне лично рассказывал, что очень сильно голодал. У него было хорошее здоровье. Они очень мало кушали, много работали, но из-за того, что играл на инструментах, берегли его руки, он меньше работал, чем остальные. Он играл на аккордеоне, флейте, кларнете, трубе. Он вспоминал, как духовой оркестр заставили на морозе играть и он отморозил нижнюю губу. И у него нижняя губа немного двойная была, еще и нос отморозил. Он не чувствовал его. Пальцы у него были отбиты. Неправильно срослись мизинцы. Это из-за пыток. Пытали его, били обычной линейкой, били по зубам, в кровь разбивали зубы.

С.В.: В вашей семье было принято говорить о репрессиях?

Т.Л.: Ты знаешь, семья была очень оригинальная. Такие моменты были в жизни, так жизнь отца побила. У него было столько обид на правительство, на Сталина, и на Берия. Я его все вре-

мя спрашивала: «Почему ты не говоришь, что Сталин гад, он же столько людей уничтожал, всю интеллигенцию!».

Отец с Руслановой[1] сидел, которая известную песню пела «Валенки, валенки», потом с Козиным[2] певцом сидел, Королева[3] видел. Он таких личностей там видел.

Когда отец жил на поселении, у него была там какая-то женщина. Она литовка была из Каунаса, тоже политическая. И разрешались, видимо, свидания какие-то им. Там у них в тюрьме родился сын. Он назвал его в честь своего родного брата Вовой, фамилию дал свою. Мальчик родился слабый, потому что находились в голоде, в холоде. Он родился с врождённым пороком сердца. Когда вырос, он приезжал к нам, мама его очень хорошо принимала. Он как-то потянулся к отцу. Однако он умер рано, в 24 года.

Отец всегда хотел приехать в Абхазию после того, как отсидел. Абхазия его очень сильно обидела, он, наверно, от этой обиды умер в другом месте.

В то время были уникальные, творческие люди, они были роскошные. Могли ходить в одних и тех же плащах. Отец ходил в одном галстуке много лет не меняя, ведь нужно было и детей одевать, и жен своих смотреть (смеется). Очень порядочные были, порядочнее их я не видела людей в жизни. Отец одно время был председателем Совета ветеранов комсомола в Абхазии. Когда был какой-то съезд ветеранов комсомола в Москве, он поехал вместе с Владиславом Григорьевичем Ардзинба. Помню, как по телевизору показали отца, он вышел и начал рассказывать, как в Абхазии Коммунистическая партия работает, как комсомольцы работают. С ним еще Гия Чиковани ездил – первый секретарь комсомола партии и Тамаз Кецба. Смотрю, Владислав Григорьевич Ардзинба, тогда мы его ведь не знали. Папа,

[1] Лидия Андреевна Русланова (1900 –1973 гг.) – советская эстрадная певица, заслуженная артистка РСФСР, народная артистка России.

[2] Вадим Алексеевич Козин (1903 – 1994 гг.) – советский эстрадный певец, композитор, поэт.

[3] Сергей Павлович Королев (1907 – 1966 гг.) – советский учёный, конструктор ракетно-космических систем, председатель Совета главных конструкторов СССР (1946–1966), академик АН СССР (1958).

когда приехал, сказал: «Это очень перспективный молодой человек». Не помню точно в каком году это было. Я еще в школе училась. Это был конец 70-х годов.

С.В.: Был у отца какой-то страх?

Т.Л.: Конечно. Он ослеп в конце жизни, у него было очень много проблем. Только маме он много рассказывал. Мама знала о нем все. И она так все тяжело воспринимала, когда его забывали где-то, она болезненно к этому относилась. Папа был очень коммуникабельным и очень любил всех своих родственников. Очень открытый человек был. Ездил ко всем всегда. Всегда всех навещал.

…Что хотела бы сказать по поводу памятника, посвященного репрессированным. Там должно быть произведение искусства. Вылепить, передать надо эти страшные муки, которые они пережили там, как они умирали. Их фактически не хоронили, их выбрасывали, ужас, что с ними творили. Чудо, что он выжил. Выживали сильнейшие, у кого иммунная система была сильная. Отец прожил 90 лет.

С.В.: Как думаете, что помогло ему столько лет прожить?

Т.Л.: Именно голод его закалил, вера в будущее. Очень любил гречку, следил за собой. Каждое утро у нас начиналось с зарядки, потом он начинал есть морскую капусту в сухом виде. Закалка у него была. Он как-то динамично делал одно и то же. Может, из-за этого он так хорошо продержался.

С.В.: Он рассказывал, как ему удавалось выжить в сложные моменты жизни?

Т.Л.: Трудно было, когда он сидел в карцере, когда его пытали. Первый год был самый сложный. Его периодически сажали в карцер на несколько дней. Он рассказывал о том, что сидел сутки в холодной воде. Я об этом уже говорила. Еще удивлялся, как появились дети после этого.

Вера в будущее была, она помогала. Он пережил страшные дни в тюрьме, поэтому не влезал во все махинации, которые у нас творились тогда на каждом заводе, на каждой фабрике, он оставался в стороне. Мы жили очень скромно, даже крайне скромно. У нас никогда не было хорошего ремонта, чего-то богемного.

С.В.: Давал он вам какие-то наставления?

Т.Л.: Конечно, быть честным человеком и правдивым. У меня от отца осталась такая тяга к борьбе за справедливость. Я не могу молчать, если вижу несправедливость. В этом я в отца. Что касается коммунистов, друзей, вот им он жёстко все высказывал, но был очень хороший человек. И племянники, и племянницы отца приходили домой, которые были намного старше меня. И вот он ставил их на очередь в получении квартир. Так помогал очень многим, устраивал на работу.

С.В.: Вам когда-нибудь мешало в жизни то, что вы дочь репрессированного?

Т.Л.: Нет, никогда. Я выросла уже в другом обществе. Это могло, наверно, мешать Томе, Ире… (внучки Владимира Ладария. – **С.В.**). Я себя не чувствовала дочкой врага народа.

Приложение № 1

Из материалов газет

ЭТО НУЖНО ЖИВЫМ

В нашей семье много лет хранится одна вещь, которую я не променял бы на все золото мира. Это рубашка моего отца. Черная, бостоновая, сшитая по моде тридцатых годов, с большими накладными карманами. Только вот рукав порван и видны темные пятна. До сих пор видны, хотя прошло 50 лет…

Хорошо помню (мне было восемь лет), как недоброй апрельской ночью к нам домой на улицу Атар снова пришли трое. Им нужен был мой отец, Михаил Павлович Гарцкия, заместитель председателя Сухумского горисполкома. Но в ту ночь он не пошел с ними, твердо заявил, что завтра сам придет. И они ушли. Сегодня кажется невероятным то, что так было. Отец дал честное слово коммуниста.

Рано утром его арестовали. Шел 1937 год.

В чем же провинился мой отец? С ранних лет он, уроженец села Лыхны, под влиянием Нестора Лакоба приобщился к молодежному движению.

Вместе с Евстафием Шамба, Контантином Гамисония, Владимиром и Борисом Ладария и другими сверстниками вел политическую работу среди молодёжи Гудаутского района, организовывал комсомольские ячейки, был связным подпольной партийной организации, вместе с отрядами «Киараз» боролся за установление советской власти в Абхазии. В 1921 году стал коммунистом.

Партия посылала своего сына туда, где трудно, где нужен был талант политического руководителя, вожака. Отец работал председателем уездного исполкома, первым секретарем Гудаутского райкома КП Грузии, зам. Председателя Сухгорисполкома…

Я пишу о том, кем был Михаил Гарцкия до того трагического дня, чтобы лишний раз напомнить одну правду: ни мой отец, ни его товарищи, что разделили печальную участь, не чувствовали себя виновными. Поначалу они верили: не сегодня, так завтра все выяснится, кошмарный сон закончится, их освободят…

А чудовищная машина репрессий уже набирала обороты. Требовались все новые и новые жертвы.

Но прежде чем отец ушел из жизни, судьбе было угодно, чтобы он в последний раз переступил порог своего дома.

… Ночью я проснулся от негромкого разговора. Прислушался – отец. Но в каком виде, обросший, измученный в разорванных рубашке и брюках, окровавленный. Оказывается, отец выпрыгнул с третьего этажа здания НКВД, где его допрашивали, и сумел скрыться. Он обошел своих друзей, но все они к тому времени были арестованы.

Помню, как мать сказала ему:

– Миша, вернись, а не то посадят меня и детей.

Он ответил:

– Моих друзей нет. Я пойду обратно. Лишь бы вас не тронули…

Спустя 20 лет Михаил Гарцкия был реабилитирован. Посмертно. В справке Коллегии Верховного суда СССР от 28 августа 1957 года сказано: «… дело за отсутствием состава преступления прекращено».

А память вновь и вновь возвращает в 1937 год. Напрасно мы считали, что явка отца поможет семье. Через несколько месяцев арестовали мою мать – Валентину Константиновну. Восемь лет прожила она в далеком холодном краю. Старшего брата тогда забрала мамина сестра Людмила Константиновна Ачба (она жила в Тбилиси). А меня приютил брат моего отца Иван Павлович. Так я оказался в селе Лыхны. Мы выжили. А сколько было таких детей, что вслед за родителями испытали тяжелейшую долю и очень рано закончили свой жизненный путь. Нам повезло, рядом с нами оказались добрые и отзывчивые люди. Спасибо им!

Живя в доме дяди, я часто вспоминал короткие годы, что провел вместе с отцом и мамой. В день похорон Нестора Лакоба

я, как и многие дети, стоял с траурной повязкой у его гроба. А накануне к нам домой пришли друзья отца – В. Лакоба, М. Чалмаз, Х. Шамба. Было холодно. Греясь у камина, они тихо разговаривали между собой. Но я хорошо помню, как отец сказал, что смерть Нестора – это дело рук «очкарика» (так он называл Берия).

Много лет на мне стояло клеймо «сын троцкиста». Я чувствовал себя постоянно униженным. Жил одной надеждой: вот-вот вернутся родители. Но они не возвращались.

В середине пятидесятых годов в семьях репрессированных стали появляться те, кто каким-то чудом прошел через все круги ада сталинско-бериевских лагерей. Среди них был Давид Константинович Цейба, уроженец села Лыхны. 18 лет с небольшим перерывом пробыл он в Красноярском крае Архангельской области. Об этом замечательном человеке надо написать отдельно, он заслужил это. Давид Константинович рассказал, что Михаил Гарцкия вел себя, как настоящий коммунист, смелый и отважный, уверенный, что правда рано или поздно восторжествует.

В 1956 году в Сухуми состоялся суд над Пачулия, бывшим работником МВД Абхазии, подручным Берия. Мать и я с братом были на этом суде в качестве свидетелей. В зале сидели люди, вернувшиеся из тюрем и лагерей, их близкие. Но большинство – таких как мы, сироты, чьи отцы уже никогда не переступят порог родного дома. На этом суде выступил Давид Константинович Цейба. Дни суда мне запомнились на всю жизнь…

На XIX партийной конференции, ведя речь о многих насущных делах и заботах сегодняшнего дня, говорили и о необходимости увековечить память безвинных жертв репрессий. Из газетных сообщений я узнаю, что в республиках нашей страны, в том числе в Грузии, проходят обсуждения проектов памятников – мемориалов, в банках открываются счета на их возведение. Надо и в Абхазии начать важную и благородную работу – увековечить память о замечательных людях, верных коммунистах. В нашей автономной республике есть семьи, по которым прокатилась волна репрессий. Большинство так и не знают, где похоронен муж, отец, брат, сын… Значит, некуда принести цве-

ты, негде преклонить колени в традиционный День памяти. А это – несправедливо. Памятник-мемориал станет тем местом, куда будут приходить тысячи и тысячи людей. Он должен быть. Это нужно живым.

Э. Гарцкия.
«Советская Абхазия», 15 сентября 1988 г.

ГАЗЕТА «ПРАВДА» О СМЕРТИ НЕСТОРА ЛАКОБА

ТБИЛИСИ. 28 декабря. (Корр. «Правды»). Сегодня, в 4 ч. 20 минут утра, в Тбилиси, от приступа грудной жабы скоропостижно скончался старый испытанный большевик, неутомимый руководитель социалистического строительства Абхазии товарищ Нестор Аполлонович Лакоба.

В семнадцать часов тт. Берия, Мгалоблишвили и другие выносят гроб с телом Лакоба из больницы им. Камо и ставят его на катафалк. Раздаются звуки траурного марша. Проводить тело бессменного руководителя Советской Абхазии пришли соратники и товарищи по работе, многочисленные представители предприятий, учреждений, вузов Тбилиси.

Траурная процессия двинулась по направлению Дома Красной Армии и Флота, украшенного красными и черными полотнищами. Товарищи Берия, Мгалоблишвили, Махарадзе, Мусабеков выносят гроб, увитый красными и черными лентами и живыми цветами, в зал и устанавливают на постамент. Льются печальные аккорды похоронного марша. У гроба встают в почетный караул бойцы, соратники, друзья.

Сегодня, в 20 часов 30 минут, прах тов. Лакоба перевозится в Сухуми.

НЕУТОМИМЫЙ БОРЕЦ ЗА ПОБЕДУ КОММУНИЗМА

Оборвалась жизнь Нестора Аполлоновича Лакоба, неутомимого и беззаветного борца за дело партии Ленина – Сталина.

Неумолимая смерть вырвала из славных рядов нашей партии стойкого большевика-революционера, одного из выдающихся организаторов социалистического строительства в Абхазии, Грузии и Закавказье, бессменного руководителя Советской Абхазии. Все свои силы, всю свою сознательную жизнь товарищ Нестор отдал великому делу освобождения трудящихся, героической борьбе за торжество коммунизма.

Тов. Лакоба родился 1 мая 1893 года в с. Лыхны, Гудаутского района (Абхазия), в крестьянской семье. С малых лет встретился он с нуждой и лишениями. Мать Нестора с большим трудом устроила его в Ново-Афонскую церковно-приходскую школу, где он учился два года. В 1910 году Н.А. Лакоба окончил курс в Тбилисском духовном училище и поступил в Тбилисскую духовную семинарию. В духовной семинарии тов. Лакоба состоял в нелегальных революционных пропагандистских кружках. За революционную деятельность тов. Лакоба был исключен из семинарии.

1911–1912 годы товарищ Лакоба провел в Батуми. В конце 1912 г. вступил в ряды РСДРП (большевиков).

В начале 1913 г. тов. Лакоба, вследствие преследования царской властью, был вынужден переехать из Батуми в Абхазию, затем в Грозный. В 1916 –1917 гг. тов. Лакоба, работая на Черноморской железной дороге, ведет подпольную работу среди рабочих и крестьян, организует большевистские ячейки.

После Февральской революции тов. Лакоба был избран участковым комиссаром на Гудаутском районном сходе крестьян. В 1918 г. руководил разгоном меньшевистско-дворянской власти и организацией советской власти в Гаграх и Гудауте.

В том же году тов. Лакоба руководил организацией новоафонского фронта против меньшевистской власти в Сухуми. В марте 1918 г. организованные им гудаутские партизанские отряды совместно с партизанскими отрядами, созданными большевиками Сухуми, захватили власть и организовали Сухумский военно-революционный комитет. Тов. Лакоба проводит огромную работу по руководству борьбой трудящихся за победу советской власти в Абхазии. В конце 1918 г. тов. Лакоба был заключен меньшевиками в сухумскую тюрьму, где просидел несколько месяцев.

Весной 1919 г. тов. Лакоба был выслан грузинским меньшевистским правительством из пределов Абхазии и Грузии. В 1920 г. тов. Лакоба входил в состав тройки, выделенной Кавказским бюро ЦК РКП (б) по руководству нелегальной большевистской организацией в Батуми.

С установлением советской власти в Абхазии (с марта 1921 г.) тов. Лакоба работает наркомом военных дел и заместителем председателя революционного комитета Абхазии.

С 1922 г. тов. Лакоба бессменно состоит председателем Совнаркома Абхазской АССР и после реорганизации высших органов советской власти в Абхазии председателем Центрального исполнительного комитета.

Тов. Лакоба состоял членом бюро Абхазского обкома КП(б) Грузии, членом бюро ЦК КП(б) Грузии, кандидатом в члены бюро Заккрайкома ВКП(б), членом Абхазского ЦИК, ЦИК ССР Грузии, ЦИК ЗСФСР и ЦИК Союза ССР.

За выдающиеся успехи в течение ряда лет в области сельского хозяйства, равно как в области промышленности, и за боевые заслуги в деле борьбы с контрреволюцией тов. Лакоба был награжден орденом Ленина, орденом Красного Знамени и орденом Трудового Красного Знамени ЗСФСР.

Товарищ Лакоба ушел от нас в дни, когда весь советский народ, вдохновленный великой Сталинской Конституцией, идет под знаменем Ленина – Сталина к новым победам коммунизма.

Образ тов. Лакоба, славного, неутомимого борца за победу коммунизма, большевика-революционера, преданного партии Ленина – Сталина, всегда будет жить в сердцах большевиков и всех трудящихся Абхазии, Грузии и Закавказья.

Прощай, наш дорогой Нестор!

Прощай, наш любимый друг и товарищ!

Берия, Багиров, Мусабеков, Махарадзе, Мгалоблишвили, Рахманов, Гулоян, Агрба, Бакрадзе, Аматуни, Акопов, Арутинов, Гоглидзе, Левандовский, Петерсон, Деканозов, Курулов, Кекелия, Стуруа, Дарахвелидзе, Матикашвили, Геурнов, Гобечия, Ниорадзе.

Тбилиси, 28 декабря

СЫН НАРОДА

Родина Лакоба – село Лыхны – это бывшее поместье владетельных князей Шервашидзе.

Сын бедного крестьянина, Лакоба с ранних лет познал всю суровую эксплуатацию, нужду, нищету, в которой протекала жизнь абхазской деревни. Еще в юные годы в его душе загорелась ненависть к богатым, к эксплуататорам, к угнетателям народа, ненависть, которая пламенно горела в душе революционера всю его жизнь.

1918 г. Все Закавказье стонет под властью национально-шовинистических партий. Меньшевистско-дворянская власть терроризирует крестьянство и рабочий класс городов и сел. Сын народа Лакоба поднимает знамя партизанской борьбы с этой властью. Он отвоевывает на некоторое время для советской власти Сухуми. Бесстрашный боец, он бросает свои партизанские отряды одновременно и против грузинских меньшевиков, и против белых орд Деникина. Сын абхазского парода, подлинный выразитель его дум, он не случайно в первые годы советизации Закавказья становится военным комиссаром Абхазии. Под его руководством Абхазия была очищена от контрреволюционных гнезд дворянской знати.

Утверждение Советов в Абхазии и в Закавказье, расцвет социалистического хозяйства бывшей отсталой национальной окраины – все эти большие дела неразрывно связаны с именем Лакоба.

Глубокая идейность, преданность линии партии, подлинный интернационализм – вот черты, которые характеризуют этого прекрасного большевика. Вот качества, которые он проявлял на каждом шагу своей работы, будь то борьба с уклонистами, будь то организация нового участка хозяйства или забота о культурном развитии многонационального населения Абхазии. В особенности разительны были его удары по грузинским уклонистам, агенты которых долгое время вели свою подрывную работу и в Абхазии.

Он всюду и всегда горел неостывающей любовью к своей партии, к товарищу Сталину и, вдохновленный этим чувством,

вкладывал все свои силы в большую творческую работу по руководству национальной республикой.

Ш. ЭЛИАВА

Президиум ЦИК Союза ССР с глубоким прискорбием извещает о смерти члена Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР

товарища ЛАКОБА
Нестора Аполлоновича,
последовавшей 28 декабря 1936 года в гор. Тбилиси.

Закавказский краевой комитет ВКП(б) и Центральный Комитет Коммунистической партии (большевиков) Грузии с прискорбием извещают о скоропостижной смерти от грудной жабы старого большевика, преданного и неутомимого борца за торжество коммунизма, бессменного руководителя Советской Абхазии, члена бюро ЦК КП(б) Грузии, кандидата в члены бюро Заккрайкома ВКП(б), председателя ЦИК Абхазской АССР

товарища **Нестора Аполлоновича ЛАКОБА**,

последовавшей в городе Тбилиси в 4 часа 20 минут утра 28 декабря 1936 г.

ЗАККРАЙКОМ ВКП(б).

ЦК КП(б) ГРУЗИИ.

«ПРАВДА», 29 декабря 1936 г. № 358.

ГРОБ С ТЕЛОМ Н. ЛАКОБА ПРИБЫЛ В СУХУМИ

СУХУМИ. 29 декабря. (Спец. корр. «Правды»). Сегодня тбилисским поездом сюда прибыл гроб с телом председателя ЦИК Абхазии тов. Лакоба.

На келасурском вокзале собралось около 5.000 трудящихся города, окрестных сел и колхозов. Пришли рабочие, служащие, колхозники, пионеры, школьники, пришли красные партизаны, вместе с товарищем Нестором боровшиеся в годы Гражданской войны за советскую власть. Собрались соратники покойного – члены областного комитета КП(б) Грузии и правительства Абхазии, части Сухумского гарнизона Красной Армии.

Медленно подошел поезд к перрону. Застыли ряды трудящихся, в скорбном молчании склонились знамена.

Ближайшие товарищи Нестора Лакоба, друзья, родные на руках вынесли гроб.

30 декабря гроб с телом тов. Нестора Лакоба устанавливается в здании Гостеатра Абхазии, куда будет открыт доступ трудящимся для прощания. Похороны состоятся 31 декабря.

***

ТБИЛИСИ, 29 декабря. (Спец. корр. «Правды»). В увековечении памяти тов. Нестора Аполлоновича Лакоба Всегрузинский Центральный Исполнительный Комитет и Совнарком Грузинской ССР постановил присвоить имя Н.А. Лакоба ферментационному заводу в Тбилиси, Тбилисской 38-й полной средней школе, переименовать улицу Борьбы в Тбилиси в улицу им. Лакоба, учредить по 5 стипендий им. Лакоба в Грузинском сельскохозяйственном институте и Тбилисском медицинском институте для студентов из Абхазской АССР. Постановлено также просить ЦИК СССР о переименовании Гудаут в город Лакоба и Гудаутского района – в район Лакоба.

«ПРАВДА», 30 декабря 1936 г. № 359.

ТРУДЯЩИЕСЯ АБХАЗИИ ОТДАЮТ ПОСЛЕДНИЙ ДОЛГ Н. ЛАКОБА

СУХУМИ. 30 декабря. (Спец. корр. «Правды»). Сегодня, в 13 часов, тело председателя ЦИК Абхазии Н.А. Лакоба перенесено в зал Государственного театра Абхазии.

В течение дня в почетном карауле находились члены правительства Грузии, Абхазии, руководящие работники Сухумского городского совета, лучшие стахановцы предприятий и колхозов.

В абсолютной тишине несутся тихие звуки траурного марша в исполнении симфонического оркестра. В скорбном молчании

проходят колонны рабочих табачной промышленности, строительства Черноморки, СухумГЭСа, колхозники, деятели науки, литературы и искусства, пионеры, школьники, делегации районов Абхазии.

В этот день пришли отдать свой последний долг одному из любимых руководителей, стойкому большевику свыше 10 тысяч трудящихся Абхазии.

«ПРАВДА», 31 декабря 1936 г. № 360.

ОДНА ИЗ ПОСЛЕДНИХ СВИДЕТЕЛЬНИЦ

– Мне ведь через каких-то одиннадцать лет сто будет, – смеется она, сидящая в кресле перед нами пожилая женщина с белоснежными волосами, несмотря на годы сохранившая и стройность осанки, и хорошую память. Лишь иногда затрудняется в уточнении даты и тогда по-детски беспомощно оборачивается к дочери: «Ирмочка, помогай», да время от времени просит повторить вопросы, слух все-таки уже не тот.

Это Татьяна Тарасовна Анчабадзе – верная подруга жизни известного абхазского революционера, государственного и партийного деятеля Николая Акиртава. Вдова уже, наверное, пятьдесят два года. Наверное, потому что точную дату его смерти не знает никто. Тогда это называлось – «десять лет лишения свободы без права переписки».

– В первый раз, – рассказывает Татьяна Тарасовна, – его репрессировали в двадцатые годы: выслали в Среднюю Азию, в Коканд, за связь с Троцким. Что это за связь была, не знаю, но очевидно, встречались во время приездов Троцкого в Сухум в 24 – 25-х годах, ведь Николай был тогда секретарем обкома. Мне трудно судить, разделял ли Николай все его взгляды, но отзывался о нем, помню, хорошо – «умный, очень образованный...». В Коканде у него условия были неплохие, жили довольно хорошо, только были ограничения по выезду. И переписываться с ним было можно. Один раз я приехала к нему на месяц... В тридцать втором он вернулся. Спустя время подал заявление

о восстановлении в партии. Но тогда же в минуту откровения он где-то сказал: «Нет, честно говоря, никакого желания быть в одной партии со Сталиным». У него не было умения изменять взгляды. Потому-то, кстати, и реабилитация его затянулась вплоть до самого последнего времени... в тридцать пятом он был снова репрессирован. В тридцать седьмом в тбилисской тюрьме произошла наша последняя встреча. Приехала я туда с двухлетней Ирмой. «Ах, какая куколка», – сказал, помнится он, когда увидел ее. Был похудевший с заострившемся носом, но старался держаться просто и нас подбадривал. Да, со мной вместе на это свидание приехала и его сестра Юля, зубной врач. Я не слышала, а ей он сказал: «Того, что хочет очкастый, я все равно не подпишу». Больше мы его так и не увидели.

– Помню, – вступает в разговор заслуженный врач Абхазской АССР Ирма Николаевна Акиртава, – как готовилась мама с тетей Юлей к встрече отца после войны. Сколько разговоров было: «Ну, как будем его встречать?». Десять лет ведь прошло. А он, скорее всего, был расстрелян еще тогда, в тридцать седьмом.

– А как вы познакомились с Николаем Николаевичем? – спрашиваю я у Татьяны Тарасовны.

– С Николаем Николаевичем? – переспрашивает она, как мне кажется, с наслаждением, будто пробуя на звук дорогое имя, полузабытое в отрицательных разговорах, долгие годы полузапрещенное. И в ней вновь оживает сухумская гимназистка, та самая – «очень веселая со множеством друзей», которая участвовала в любительских спектаклях под руководством поэта и преподавателя женской гимназии Виктора Стражева. Впрочем, с Николаем Акиртава они познакомились позже, в 21-м году, когда она училась в Тбилиси, в Сельскохозяйственном институте. Туда он, секретарь Абхазского обкома партии, приехал, чтобы встретиться со студентами из Абхазии, и через год они поженились. Отец ее был категорически против: ему, князю, породниться с «простолюдином», да еще большевиком? Николай увез ее в Гагру, а потом они приехали в Лыхны, где Нестор Лакоба устроил им большую веселую свадьбу по всем абхазским традициям. Это было осенью 22-го года. Но, вообще-то, с Нестором они потом

во многом разошлись во взглядах. А вот с Ефремом Эшба (они его звали «Дуру») и его женой – Мусей Щигровской – у семьи Акиртава всегда была тесная дружба.

Тяжело колесо репрессий прокатилось по этой семье, как и по многим семьям их родственников. Были репрессированы три брата Татьяны Тарасовны, в том числе Вианор – первый нарком здравоохранения Абхазии, свекор Ирмы Николаевны Шатуг Губаз. В нашей беседе принимала участие близкий друг семьи Акиртава детский врач Заира Цвижба, отец которой также был репрессирован. На долгие годы они оказались в обстановке настороженности, подозрительности, открытой враждебности. Когда перед войной умерла старшая сестра Ирмы Дагмара, на похороны пришло всего несколько человек… Но они выстояли. И воспоминания этих людей – ценнейшие свидетельства той эпохи, которую мы обтекаемо называем «37-м и другими годами» и которая стоит в ряду трагических вех в истории страны.

В.ШАРИЯ

«Советская Абхазия», 14 октября 1989 года

Приложение № 2

Из материалов Дианы Ахба[1]

Прошло 70 лет с того трагического сталинского периода 30-х годов, и с каждым днём очевидцев этих событий становится меньше, со многими из них, к сожалению, мне не удалось встретиться. Основная часть репрессированных ушла из жизни так никому и не рассказав своё прошлое.

С 1987 года я собирала материал по периоду репрессий 30 – 50-х годов. Мне удалось встретиться с репрессированными, а также с членами семей репрессированных, которым не суждено было живыми вернуться на Родину. Лишь немногие из репрессированных, с кем я (Диана Ахба. – **С.В**.) встречалась до войны 1992–1993 года и кого сегодня в передаче упоминаю, дожили до наших времён. И мне бесконечно жаль, что сегодня они не могут увидеть нашу передачу «Разбитые судьбы», в их числе и мои родители, с детства испытавшие несправедливость и жестокость этих времён. Я всегда ощущаю чувство вины, когда в процессе интервью пострадавшим от репрессии и членам их семей приходится вновь переживать все эти события. Своё прошлое они пересказывают с комком в горле и со слезами на глазах.

В октябре 1987 года я встретилась с репрессированным Адлейба Карбеем Леварсановичем, встреча состоялась у него дома. Мы сидели во дворе перед домом, а слева от нас был бассейн с рыбками, обстановка была очень тёплой и уютной. Карбей Леварсанович – скромный и интеллигентный человек с печальными глазами, оказался немногословным, говорил очень тихо, и,

[1] Диана Ахба – историк, археолог, заведующая отдела Древней истории и средних веков Абхазского государственного музея. С 1987 по 1992 год занималась темой репрессированных. В 2000 годы было снято несколько документальных фильмов про репрессированных «Разбитые судьбы».

как мне показалось, он, как и многие другие репрессированные и пострадавшие от репрессий, готов был вычеркнуть из своей памяти эти страшные времена. Когда я у него брала интервью, чувствовала, как ему тяжело говорить о своей прошлой жизни, о пережитых ужасах в период беззакония 30-х годов, его душили слёзы, и поэтому говорил он довольно сдержанно. До репрессий Карбей Леварсанович работал в НКВД в городах Очамчира, Гагра, Сухум, был репрессирован за похвалу Нестора Лакоба и отправлен на Дальний Восток, Комсомольск-на-Амуре, позже на БАМ, в Тынду и Иркутск.

Для получения реабилитации он был на приёме у заместителя Генерального Прокурора СССР Руденко и был реабилитирован в 1955 году.

После возвращения в Абхазию, Карбея как «врага народа» не принимали на работу, если и устраивался, то, когда узнавали, что он был репрессирован, освобождали от работы. В городах Сухум и Очамчира ему не разрешили жить и прописаться. С помощью родственников он устраивается жить и работать в городе Ткуарчале, где работал и жил до конца жизни.

Я планировала ещё одну встречу с Карбеем Леварсановичем, чтобы дополнить имеющуюся у меня информацию о нём, но после войны, к моему большому сожалению, мне так и не удалось организовать встречу. А Карбей Леварсанович, переживший страшную трагедию 30- х годов, не смог пережить ещё одну трагедию – грузино-абхазскую войну, участниками которой были и его родные. В 1937 году был репрессирован и отец Карбея Леварсан Адлейба, он не вернулся живым из ГУЛАГа. Его родственники – брат, племянник и сам Карбей неоднократно ездили в Сыктывкар, чтобы найти его могилу, но им только лишь показали насыпь железной дороги на окраине города, которая была построена на костях репрессированных, на этом месте погибло около 10 тысяч заключённых, среди которых был и Адлейба Леварсан.

В Абхазии известны места, где людей расстреливали и тут же погребали. Старожилы всё ещё помнят, как в 1937 – 1938 годах из Драндской тюрьмы привозили людей, заставляли арестованных копать большую яму, после чего их расстреливали и бросали в эту яму, а сверху засыпали землёй и листьями папоротника. Были случаи, когда заливали гашёной известью. Иногда арестованных людей не довозили до Драндской тюрьмы, выбирали более безлюдное место и там их расстреливали. В 1994 году на берегу речки … после небольшого наводнения упало дерево, а на месте падения дерева были обнаружены кости расстрелянных в 30-х годах.

Многих арестованных в то время держали в Гагрской тюрьме, и оттуда увозили на расстрел на побережье реки Бзыбь. А других сжигали в этой же тюрьме.

У меня записаны воспоминания жителя села Адзюбжы Кация Георгия, тогда ему было 10 –11 лет, он с ужасом вспоминал, как в период репрессий привозили людей на грузовых машинах и слышны были душераздирающие крики и выстрелы. «На следующий день, когда мы прибегали к реке, понимали, что ночью привезли очередную партию людей, расстреляли и закопали, но некоторые из них были ещё живы и поэтому утром мы видели, как земля приподнималась, эту ужасную картину невозможно забыть…». Недавно мы встречались с жителем села Адзюбжы Гунба Константином, он помнит, как в 1937 – 1938 годах в их село привозили и расстреливали людей.

***

В архиве Абхазского государственного музея есть воспоминания репрессированного в 1937 году, а позже реабилитированного жителя Гудаутского района Микадзе Сергея, записанные в 1964 году. В своих воспоминаниях он пишет: «…С военным комиссаром Абхазской АССР Михаилом Антоновичем Джергения и командующим абхазского эскадрона Иосифом Константиновичем Черкезия я встретился осенью 1937 года в центральной республиканской тюрьме города Тбилиси. Камера набита битком. Люди сидели и лежали на цементном полу. Среди чужих людей эти два человека казались мне родными, ведь я и моя мать уроженцы Абхазии. Вместе мы пробыли несколько месяцев, ели из одной посуды и спали рядом. Но вскоре я стал замечать, что

они мне оставляют большую часть баланды, а себе меньше. Мне стало стыдно, что я их объедаю. И я наотрез отказался с ними есть. … Они постоянно стоят перед моими глазами, как живые… Все мы были обвинены по 58-й статье, а Черкезия и особенно Джергения по ряду пунктов: организация преступлений, террор и 58-я. Особенно сильно истязали Михаила Антоновича. Его приводили с допросов избитого до крови, арестованные окружали его плотным кольцом, в камере тишина, и он рассказывал тихим, спокойным голосом о перенесённом ужасе. Некоторые арестованные не могли вынести нечеловеческие муки и теряли рассудок. … Самое страшное было ночью, когда вызывали на допрос и увозили на расстрел… С третьего этажа нам слышны были крики несчастных жертв, это их «чёрный ворон» увозил на расстрел…

Позднее, даже на передовой, мне не было так страшно, как в камере. Кругом цемент – и никак не защитить себя от смерти… В этапе, лагерях, на фронте – я всё время их разыскивал, и не мог допустить мысли, что их убили.

В декабре 1937 года, примерно за две недели до этапа, увели из камеры Михаила Антоновича и во время допроса убили молотом по голове. А жену Джергения Веру Андреевну судили за мужа, и она отбывала наказание восемь с половиной лет. Через несколько дней не стало и Иосифа Черкезия. За последнее время его так измучили, что трудно было в нём узнать лучшего спортсмена-конника, ловкого и быстрого, каким я его видел в 1936 году на конноспортивном соревновании…».

Многие пострадавшие от необоснованных репрессий погибли в первые же дни, а другие страшно доживали свою жизнь (в лагерях Сибири) на чужбине.

В некоторых семьях, пострадавших от репрессий, сохранились письма, и в моих материалах есть два прощальных письма одного репрессированного. Он пишет: «Прощайте, дорогие дети, жена, невестка и все любящие меня братья и родственники. Вот уже третий месяц болею желтухой (на самом деле это был рак. – **Д.А.**), но не дай бог… Я давно решил уйти из жизни… Четырнадцать лет мучаюсь, не зная за что, и Вас мучаю, хватит,

не буду больше мучаться, не горюйте за меня, даже не плачьте, Вы давно меня оплакали. Не нужны поминки, сколько Вы для меня сделали, хватит. Вас всех крепко, крепко последний раз целую. Живите хорошо, я всё равно должен умереть, забывайте меня скорее. Дорогие мои дом, семья, Абхазия, прощайте. Ваш Шарах. 8 июля 1951 года. Похоронят меня Чхаидзе Давид и ещё есть хорошие люди».

Второе прощальное письмо адресовано друзьям Чхаидзе Д. и Маркосяну С. «Глубокоуважаемые Чхаидзе Д. и Маркосян С., простите, что я не мог слушать Вас до конца, я прощаюсь с Вами без Вашего разрешения, а то Вы, конечно, не допустите. Жить мне в Абхазии не дали, а в Сибири жить на иждивении своих детей не хочу. Благодарю Вас, что Вы помогали, хотели спасти…».

Написав эти письма, он покончил с собой, перерезав вены. Когда его обнаружили, было уже поздно, письма лежали на видном месте. А в 1961 году его сыновья перевезли останки на родину. Среди его вещей сохранилось охотничье ружьё с надписью: «Сыновьям и внукам. Я верю, что справедливость восторжествует».

Чем глубже изучаешь эту тему, тем острее ощущается общность судеб людей, перенёсших эти тяжёлые дни.

Когда в 2006 году вышла книга Адиле Шахбасовны Аббасоглы «Не могу забыть», многие смогли ознакомиться подробнее с жизнью и судьбами жителей Абхазии в период 30 – 50-х годов. Адиле Шахбасовна сама являлась непосредственной участницей этих событий, в 1939 году её арестовали как родственницу семьи Н. Лакоба.

И эта книга даёт полное описание того, что люди пережили в эти грозные годы. Она стала известна и за пределами Абхазии и России. Житель Греции, наш земляк – сухумчанин Георгос Георгиадис пишет: «Большое спасибо автору. Многое из книги напоминает мне то, о чем мне мама рассказывала о жизни в Абхазии до отравления Лакоба.

Я ей вчера читал выдержки из книги, и она заново переживала те дни. Например, когда я читал, как привезли тело Лакоба, то она вспомнила, как весь четвертый класс греческой школы,

вместе с директором Митафиди Манолисом поехали в Келасури на вокзал и как все дети плакали, потому что его очень любили. Передай дорогой Адиле, что ее книга доставила нам много радости, хотя там и много печальных страниц, но она нам напомнила о нашем старом городе. В те годы, я конечно же, еще не родился, но очень многое слышал, а мама особенно рада. Дам почитать нашим знакомым, все будут особенно рады. Для сухумчан эта книга дорога. Ее недоставало. И очень здорово, что она ее написала, восполнив огромный пробел в литературе и историографии».

Я упоминаю небольшими отрывками о тяжелейшей жизни некоторых пострадавших от репрессий, но я очень надеюсь, что о каждом пострадавшем от произвола и беззакония в 30-х и 50-х гг. будут написаны статьи или книги. Это необходимо сделать, чтобы невинно пострадавшие люди получили не только юридическую защиту, но и чисто человеческое признание и любовь.

Может быть, кто-нибудь и подумает, зачем нам перебирать давно прошедшие беды и вникать в эти тяжкие переживания. Но правдивый рассказ о том трагическом периоде необходим и нужен для того, в первую очередь, чтобы подобное больше не могло повториться никогда.

В период репрессий не щадили ни детей, ни стариков, очень часто людей пожилого возраста 80 – 90 лет объявляли врагами народа, расстреливали или же отправляли в Сибирь, где они умирали, не выдержав суровых условий.

***

… В 1987 году я ездила в командировку в город Ткуарчал и совершенно случайно узнала, что здесь живут несколько человек, переживших репрессии. Мне удалось встретиться с людьми, прошедшими ГУЛАГ в 1937 году. Это Аргун Чичико Михайлович и Адлейба Карбей. Я ещё планировала встретиться с Хашба Ермолаем, но он в этот период всё ещё работал и был в командировке, и встреча не состоялась. После войны я очень долго собиралась в Ткуарчал, чтобы встретиться и записать Хашба Ермолая, но, к сожалению, так и не успела…

Много интересного рассказал Чичико Михайлович Аргун. Он мне передал рукопись о лагерной тяжелой жизни, но не успел увидеть её опубликованной (для него, как и для многих других репрессированных, ещё одним ударом судьбы стала война в Абхазии), ушел из жизни после войны. Его рукописи обработал и опубликовал Михаил Лабахуа. В своих воспоминаниях Чичико Аргун пишет: «… В этой камере сидели Арсен Хашба – директор института языка и литературы, Володя Званбая – директор Абхазторга. Они рассказывали, что сидят ни за что, и какие они прошли страшные муки – с рук щипцами вырывали ногти, сильно били, ставили в карцер и пускали воду каплями на голову. Это всё было невыносимо, но они не сломились. При этом мне говорили: «Мы всё равно уже подписали свой смертный приговор, а ты ещё молодой и должен как-нибудь выжить». В конце января их забрали в 2 часа ночи и больше о них ничего не слышали».

Чичико Михайлович попросил меня узнать, кто остался у Арсена Хашба. Вернувшись из г.Ткуарчала, я связалась с дочерью Арсена Хашба – Антониной и рассказала ей о том, что Чичико Михайлович сидел в тюрьме вместе с её отцом. Узнав обо всём, она очень сильно плакала и попросила меня познакомить с ним. Мы с Чичико Михайловичем созвонились, и он сам приехал для того, чтобы познакомиться с дочерью Арсена Хашба. Он ей рассказал, как мужественно и достойно вёл себя, даже в самое тяжёлое для него время, её отец Арсен Хашба. Рядом стоящие и слушавшие его рассказ тихо плакали. Через некоторое время я познакомилась с другой дочерью Арсена Хашба – Риммой Арсеньевной, недавно ушедшей из жизни, и никогда не забуду её слова: « 37-й год танком проехался по нашей семье»… Думаю, они достаточно подробно характеризуют трагичную историю их семьи в эти времена.

***

…Ещё до войны я встречалась с Любовью Ивановной Гицба, которая рассказала о своём брате Гицба Гудже (Константине) Ивановиче, его забрали в 1938 году. Он в семье был старший,

помогал младшим братьям и сёстрам. По словам Любови Ивановны, он содержался в Сухумской тюрьме и от зверских побоев и пыток скончался там через 20 дней.

Любовь Ивановна рассказала подробности о его гибели: «Их бросили в яму и залили гашёной известью, чтобы и следа от них не осталось. Вместе с ним погибли Гагулия Тарасхан и Джикирба Хаджарат».

Такая же история у Герия Константина Гавриловича. Ее я записала, но, к сожалению, у меня не сохранилась запись с данными информатора. В августе 1937 года Константина забрали сотрудники НКВД. Не выдержав такого удара, на второй день от сердечного приступа скончалась его 14-летняя дочь Люба. И когда в городе Гудауте проходил процесс, он всё время спрашивал, где его дочь Люба, но мать отвечала, что оставила её дома. Он узнал горькую правду, только когда его освободили в 1941 году. Через месяц его отправили на фронт, откуда он не вернулся.

Многие в Гудаутском районе до сих пор помнят слова жителя села Ачандары 90-летнего старика Баты Ачба, которого судили за то, что он был княжеского происхождения и вынесли приговор: 10 лет лишения свободы. Бата Ачба встал и заявил судьям: «Я старик, думал проживу еще не больше года, а вы мне дали десять лет. Большое спасибо вам за это». Мой отец, присутствовавший на суде, часто об этом рассказывал.

Его увели из зала суда и больше о нем ничего неизвестно.

Безжалостно нарушались права не только взрослых, но и детей. Ломались детские судьбы, детей разлучали с родителями, братьев с сестрами. В 1937 году дети были арестованы, а позже после зверских пыток расстреляны: Рауф Лакоба, Кока Иналипа и Какуша Лакоба.

В 11-летнем возрасте как сын «врага народа» был арестован Владимир Агрба и осуждён на 5 лет. Один год он сидел в Драндской тюрьме, а затем он отбывал наказание в лагере Сухум ГЭС. В то время у него уже не было ни отца, ни матери. Его отцу – Агрба Рауфу Канаматовичу и братьям предъявляли обвинение за идею о создании Горской Республики. И проходили они по делу

о черкесской организации в Абхазии. А мать Владимира Агрба скончалась, не выдержав такого горя…

Дгебия-Дгебуадзе Георгию было 12 лет, когда его арестовали …

В семье Шикирба репрессировали отца семейства. Его жена с двумя детьми бежала, чтобы спасти детей, но по пути её расстреляли прямо в болоте. Дети были ещё маленькие. В те тяжёлые времена воспитать двоих чужих детей было практически невозможно. Старшего взяли в семью родственники по фамилии Квициниа, а младшего взяла на воспитание другая семья. С возрастом братьев всё больше тянуло друг другу, они сами обзавелись семьями, у них появились дети. В 80-е годы, младший брат Иван Шаниди уезжает с семьёй в Грецию на постоянное местожительство. До войны братья и их дети переписывались, но после войны адреса потерялись, и они не знали, как найти друг друга. Когда мне рассказали, как старший брат хочет найти младшего, и как он переживает, боится, что при жизни его не увидит, я подключила своего знакомого сухумчанина Георгоса Георгиади. Он около шести месяцев ежедневно давал объявления в газете, но никто не откликнулся. И, к сожалению, старший брат ушёл из жизни, не увидев своего брата. После смерти отца у его детей мечта найти своего дядю стало ещё острее. Несколько месяцев назад приезжал из Греции Гиви Хашба. При встрече я рассказала ему эту историю, и он согласился вести поиски. Племянница Шаниди Элисо дала ему всю необходимую информацию, обменялись адресами, и он уехал. Через три месяца он нашёл Ивана Шаниди, родственники общаются с ним и его семьёй по телефону. Иван Шаниди тоже тяжело переживал, что в тяжёлое время не находился с братом, и эти переживания вызвали тяжёлую болезнь.

Репрессиям подвергались все жители Абхазии независимо от их национальности. Недавно я встречалась с жителем с. Цабала Топчян Андроником Ардашевичем. Он помнит многое, что происходило в 30-х годах. По его словам, пострадали все, у кого были дружеские отношения с Нестором Лакоба: кого расстреляли, а кого отправили на 10 лет в лагеря. В свою очередь пострадали и те, кто имел связь с Топчяновцами.

***

После окончания Великой Отечественной войны массовые репрессии вновь возобновились, хоть и с меньшим размахом. Таким образом, нужно отметить, что нарушалась Всеобщая Декларация прав человека, в статье 3-й которой говорится, что каждый человек имеет право на жизнь, на свободу, на личную неприкосновенность. Репрессиям в 1948 или 1949 году подверглась семья Хараз-оглы Сафера за то, что они носили такую фамилию. Он с матерью и двумя братьями и другими родственниками был выслан в Сибирь…

А также репрессиям в 1951 году подверглась семья Амаляна Менедзига, он попал в плен, а позже бежал из лагеря и участвовал в партизанском движении в Греции. Но когда вернулся, его вместе с семьёй, где было трое маленьких детей, выслали в Южно-Казахстанскую область. Разрешение на возвращение получили только в 1953 году. И этот случай не единственный в Абхазии.

Когда по российскому телевидению были показаны фильмы «Московская сага» и «Дети Арбата», где очень хорошо освещается жизнь периода репрессий, многие пострадавшие нашли в них свои горестные совпадения. Одна из пострадавших, с которой я встречалась позже, сказала мне: «Фильмы «Московская сага» и «Дети Арбата» заставили вернуться в прошлое и пережить всё заново. В этих фильмах я увидела себя и свою семью в те трагические годы».

***

… Недавно мы встречались с жителем села Адзюбжы Константином Гумба. Он помнит, как в 1937 – 1938 годах в их село привозили и расстреливали людей:

…«Раньше здесь стоял дом и жили люди. После того как хозяйка дома психически заболела, хозяин дома узнал правду о том, что это за место, и продал его. Всем сказал, что уезжает, вообще, а сам купил дом в центре села».

Показывает: «… Вот именно здесь было это место, отсюда арбой вывозили дрова и была проведена дорога. И по этой дороге ночью на машинах привозили людей. Вокруг был сплошной лес и от центральной дороги было недалеко. Ночью были слышны выстрелы, крики. Я тоже жил здесь, недалеко. Когда людей привозили на расстрел сюда, в Баглан, то все жители выключали свет и не выходили из домов, боялись. А на следующее утро мы с соседским мальчиком по следам машины прибегали и видели, что сверху все было засыпано землей. Все было залито известью. Земля приподнималась. Мы, дети, испугались и убежали. Забыть можно все, даже то, что сегодня ел, но увидеть подобный ужас и забыть – невозможно. Я никогда не забуду.

На этом месте был очень густой лес. Только по дороге, где прошла арба, могли проехать машины. Вот они их и привозили сюда. Днем привозили, чтобы вырыть яму, а ночью, чтобы расстреливать и закопать. Мы не знаем, кто здесь похоронен. Я говорил Сергею Багапш о том, как Багапшевцы ночью тайно приезжали, выкапывали и смотрели расстрелянных, чтобы найти своих двух братьев. Тогда говорили, что они занимали ответственные посты.

… Когда я работал в сельсовете, здесь начали строить дома. Это место тоже попало под строительство. Вот разметку делали. Именно здесь и попало. Я это говорю к тому, что всю историю того периода я знаю очень хорошо, но в случае моей смерти, никто не будет знать. А это наша история. Ее должны знать молодые, и не забывать. В Адзюбже в трех местах расстреливали и хоронили людей.

Д.А.: Как называлось это место?

К.Г.: Это место называлось Агдыра, но потом грузины назвали Ахалдаба, что означает Новый поселок. На абхазском Ахдара. На машинах привозили расстреливали, они, бедные, кричали. Один из них попытался убежать, но маловероятно, что смог. Только обувь валялась в лесу. У тех, кто расстреливал, ничего человеческого не было. А расстреливали за то, что они якобы были троцкистами. Я был маленький, но помню своего соседа, который боялся выходить на улицу один, его забирали как троцкиста. После освобождения он всего три дня прожил. Невозможно

было смотреть на его спину. Вся в шрамах и кровоподтеках. Он пешком из Дранды пришел.

Д.А.: А сколько человек из села Адзюбжы было расстреляно?

К.Г.: 30 человек. Среди них и Самсон Чанба. Насколько мне известно, так много расстрелянных не было ни в одном селе. Это ведь был центр. В нашем селе было много образованных людей. Все четверо братьев академика Джанашия были расстреляны.

Д.А.: Скажите, пожалуйста, где еще расстреливали людей?

К.Г.: Есть еще место Баглан, но там почти все унесло рекой.

Д.А.: Здесь тоже был сплошной лес?

К.Г.: Здесь везде был лес. Последний дом был наш.

Д.А.: Почему именно в этих местах расстреливали?

К.Г.: Чтоб никто не видел. Здесь все было покрыто густым лесом, пройти было сложно.

…Каждое лето здесь было наводнение и рекой унесло места, где были захоронения. Я помню, когда работал бригадиром, дети сюда приходили за водой, и один старик по фамилии Карчаа позвал меня, и показал найденные детьми в воде человеческие волосы и кости. Тогда он подробно рассказал, как в 30-е годы на территории Баглана расстреливали людей. Драндская тюрьма была расположена здесь поблизости и поэтому многих сюда привозили на расстрел.

… Высланный с родными после Великой Отечественной войны Сафер Хараз-оглы вспоминал: «В вагоне мы сидели по три-четыре дня. Не то что покушать, воды не давали. Старики умерли, дети маленькие умерли. На станции их выгружали, отдавали милиции и хоронили. Вот так над нами издевались.

Даже постель, посуду, кружку не разрешили с собой взять. Забрали нас. 35 суток мы ехали в Томск. Потом еще 400 километров в тайге, хоть стоя умирай, хоть лежа. На смерть нас взяли, на каторгу. Когда в Томск нас привезли, полковник встал и говорит: «Ваша ссылка вечная, не переживайте за вашу Родину. Будете жить в Сибирском крае. Без права выезда из Сибирского края».

Вот так нам объяснил. Я работал. Мы с братом стахановцами стали. Нас оценивали очень строго. Переходящий красный флажок в наших руках был. Никому мы не давали. Больше трехсот мужчин работало. Мы вольно жили. Дома свои строили, скот заимели, с голоду не умирали, и деньги тоже имели. Потом я начал писать в Грузию, в ЦК. Ответили: «Ваша ссылка считается законной».

Д.А.: Вам не объяснили причину, почему вас высылали?

К.Г.: Это я скажу. У кого турецкие фамилия были, их выслали. Армяней, которые из Турции были, выслали отсюда. Всех выслали. Как вам сказать, это просто издевательство было. Я так понимаю. Три брата были высланы вместе с матерью. Один там умер. Брат был больной, но когда нас соединили, он бедный девять месяцев жил. Умер. Когда умирал, он просил «Сафер, умру, не оставь, вы меня заберите». Мы пошли на могилу, выкопали. Не тронули. Я матери сказал, через год приеду и заберу. Как забрал? Забрал кости и привез туда, где отец наш похоронен, там его я и похоронил. Я когда его в чемодан положил, чемодан жене дали. Она русская, ее не проверяли. Она его с Томска до Новосибирска привезла. А потом я за ней приехал. И потом на поезд сели, уже кто нас проверял. Приехали… А разрешения не было. Если бы меня разоблачили, посадили на десять лет. Сколько я плакал в жизни, передать не могу!

Д.А.: Хочется надеяться, что выход в свет этих документальных фильмов станет вкладом в дальнейшую моральную реабилитацию невинно погубленных людей, будет способствовать реабилитации членов их семей, разделивших трагическую судьбу отцов, братьев и сестер.

Собеседник – Валентина Сангулия
Ведущий – Диана Ахба

Мой отец, Сангулия Платон Константинович, родился в 1893 году в селе Лыхны в крестьянской семье. Отец его Константин (Чича) путем продажи фруктов, а позже, занимаясь виноделием, накопил некоторое состояние и смог дать детям образова-

ние. Учился папа в Сухумской горской школе-гимназии. Затем в Екатеринодарском (Краснодар) технологическом институте, на факультете виноградарство и виноделие. Практику проходил в Крыму на Абрау-Дюрсо. По окончании занимался виноградарством и виноделием у отца Константина (Чича) Сангулия. Позже отец построил первый в Гудауте винный завод с двумя корпусами с передовым на то время оборудованием. Завод и по сей день стоит в городе Гудауте, напротив городского стадиона. Одним из первых в Абхазии отец стал завозить саженцы элитных сортов винограда. Занимался развитием виноградарства, производством и разработкой новых сортов вин.

В 1914 году женился на Ирине Моисеевне Гагулия. У них было пятеро детей: сыновья Георгий, Александр, Анатдий, Виктор и дочь Валентина. У отца было много друзей в гимназии, среди них Жорж Алоизи и Александр Симонов, они же были шаферами на его свадьбе. Позже Жорж Алоизи будет крестным первенца и даст мальчику свое имя, а Александр Симонов женится на свояченице отца – Надежде Моисеевне Гагулия.

В 1921 году грузинские меньшевики сожгли склады, построенные дедом Константином (Чичей) Сангулия в Лыхны. Хозяйству был нанесен сильный ущерб. В тридцатые годы семью раскулачили, имущество конфисковали, отправили в Сухум, а затем в Ереван на коньячный завод. Отец лишился места работы и стал работать бухгалтером в колхозе. В 1937 году во времена сталинско-бериевских репрессий отца забрали и посадили как вредителя и врага народа. Якобы он давал распоряжение на выдачу для посадки гнилых семян кукурузы. Над ним издевались, пытали. Мне было тогда 12 лет, и я носила в тюрьму передачу и смену белья, взамен мне давали окровавленные вещи. Нам сказали, что его расстреляли, но где и когда мы так и не узнали. Репрессии коснулись и других членов семьи: братьев отстранили от работы и учебы как сыновей врага народа, забрали также двоюродных братьев Георгия (Чыгды) и совсем юного Николая Сангулия, Дмитрия Джергения, двоюродную сестру Марту Сангулия (первого фармацевта в Гудауте), племянника Калистрата Барциц (управляющего Абхазвинпромом).

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Абгархыку – современное село в Бзыбской Абхазии.

Адзюбжа – село в Очамчырском районе Абхазии, на левом берегу р. Кодор.

Актюбинск (Актобе) – город в Казахстане.

Алма-Ата – город в Казахстане.

Амур – река на Дальнем Востоке в Восточной Азии.

Анхуа (Анухва) – село в Абхазии, расположено рядом с Новым Афоном.

Абанский район – входит в состав Красноярского края.

Аральское море – бессточное соленое озеро в Средней Азии на границе Казахстана и Узбекистана.

Ацара (Атара) – село в Очамчырском районе Абхазии, на левом берегу р. Кодор, выше с. Адзюбжы.

Ачандара – село в Гудаутском районе Абхазии.

Абаша – река в Грузии. Левый приток реки Техури.

Блабырхуа – село в Гудаутском районе Абхазии.

Акапа – одно из крупных абхазских сел в начале XX в. В 1881 году был образован греческий поселок, получивший название Константиновское. В 1944 году село Константиновка (Акапа) переименовывается в груз. Одиши. Ныне название Акапа восстановлено.

Гагра – курортный город в Абхазии.

Германия – официальное название Федеративная Республика Германия, ФРГ – расположено в Центральной Европе.

Город Соликамск – город в Пермском крае.

Гудаута – город в Республике Абхазия.

Гума – до махаджирства известное абхазское село в Гумистинском участке (совр. Сухумский р-н). В 1881 году в его цен-

тральной части возникло греческое село *Михайловское*. В 1943 году было переименовано в груз. *Шрома*. Название Гэыма (Гума) восстановлено в 1996 году.

Воробьевка – деревня в Ветковском районе Гомельской области.

Джамбульская область – расположена на юге Республики Казахстан.

Замостянка – район в северо-восточной части г. Гудауты в Республике Абхазия.

Иркутск – город в России, расположенный на востоке Сибири.

Казахстан – государство, расположенное в центре Евразии.

Керчь – город в Восточном Крыму.

Кындыг (Киндги) – прибрежное село в Очамчырском районе.

Кисловодск – город в Ставропольском крае Российской Федерации.

Коканд – город в Ферганской области Узбекистана.

Колыма – река в Якутии и Магаданской области России.

Комондорские острова – архипелаг из четырёх островов в юго-западной части Берингова моря Тихого океана.

Куланырхуа – село в Гудаутском районе Абхазии.

Кызыл – Ордынская область.

Лабинск – город в Краснодарском крае Российской Федерации.

Лыхны – село, прилегающее с северо-запада к г. Гудаута, в прошлом место резиденции правителей феодальной Абхазии.

Мактааральский район (прежнее название до 1993 года – Пахта-Аральский, Пахтаральский район) – район Южно-Казахстанской области Республики Казахстан.

Магадан – город-порт на северо-востоке России.

Мгыдзырхуа – село в Гудаутском районе Абхазии.

Нальчик – город на юге России.

Ницца – город на юго-востоке Франции в регионе Прованс.

Новороссийск – город на юге России, в Краснодарском крае.

Норильск – город на севере Красноярского края, на юге Таймырского полуострова.

Олту – город и район в провинции Эрзурум (Турция).

Османская империя (Оттоманская порта), государство созданное турками-османами в 1299 году на северо-западе Малой Азии, просуществовало до 1922 года.

Очамчыра – прибрежный город, административный центр Очамчырского района Республики Абхазия .

Бистюба – Кустанайская область в Казахстане.

Самарканд – город в Узбекистане.

Дурипш – крупное, равнинное село в Гудаутском районе Республики Абхазия.

Пакуаш – село в Очамчырском районе Абхазии.

Тамыш – село в Очамчырском районе в Репулике Абхазия.

Тамбовская область – субъект Российской Федерации, входит в состав Центрального Федерального округа.

Туркестанская область – область в Казахстане.

Тында – город в Амурской области России.

Хадыженск – город на юге России, в Апшеронском районе Краснодарского края.

Техури – река в Западной Грузии.

Челябинск – город в Российской Федерации.

Чехословакия – государство в Центральной Европе, существовавшее в период с 1918 года по 1993 год.

Чимкентская область – область в Казахстане.

Чукотка – субъект Российской Федерации, располагается в Дальневосточном федеральном округе.

Эшера – село в Сухумском районе Абхазии, расположенно западнее р. Гумиста.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 3
Введение 8

Раздел 1. ДЕТИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ

Анатолий Пилия 25
Анзор Мукба 30
Афина Феофилова 34
Белла Аджба 36
Владимир Пилия 38
Джансух Губаз 42
Диана Ахба 48
Зураб Агрба 52
Лиана Хашба 57
Лилиана Василиади 60
Маргарита Потуриди (Ходжава) 65
Мушни Тания 71
Николас Пимениди 73
Нора Амичба 89
Ольга Цвижба 92
Петр Квициния 95
Римма Султанян 102
Роза Барциц 107
Роза Смыр 113
Светлана Лаз-оглы 118
Юрий Латария 126

Раздел 2. ВНУКИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ

Адамур Береджи 133
Асида Ломия 135
Валентина Галагутова 144
Георгий Акаба 145
Евгений Воронин 151
Ирина Квеквескири 152
Николай Рыбников 158
Тамара Ладария 160
Татьяна Ладария 166

Приложение № 1. Из материалов газет 171
Приложение № 2. Из материалов Дианы Ахба 183

Географические названия 197

Ред. *Л. Пачулия*; кор. *М. Габуния;* ком.верстка *Н. Гунба;* автор обложки *М. Бигвава.*